

Альфред
СИМОНОВ

ИМЯ НА
ЗАПОТЕВШЕМ
СТЕКЛЕ

РОМАН

Светские беседы
на пленэре

ПОВЕСТЬ

Альфред
СИМОНОВ

**ИМЯ
НА
ЗАПОТЕВШЕМ
СТЕКЛЕ**

Роман

**СВЕТСКИЕ
БЕСЕДЫ
НА
ПЛЕНЭРЕ**

Повесть

Муниципальное учреждение культуры
и искусства администрации Сибирского
округа города Ярославля

Ярославль
Издательство "Ещё не поздно!"
ООО НТЦ "Рубеж"
2007

-151866-3

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44
С 37

Автор благодарит за моральную и финансовую поддержку этого издания директора Центра Иностранных Языков "ЯРТЕК" КРАСИЛЬНИКОВА Бориса Александровича.

Симонов А. Н.

С 37 «Имя на запотевшем стекле» Роман, и «Светские беседы на пленэре» Повесть, /Яр.: Издательство "Ещё не поздно!", 2007. -278с./

ISBN 5-91065-014-9 (ООО НТЦ "Рубеж")

Даже когда у мужчины за спиной более половины прожитой жизни, даже когда он сам себе кажется потерявшимся в сложных жизненных лабиринтах, остаётся в сердце место для святого чувства - Любви...

Когда отдаёшься Природе, всегда получаешь от Ней нечто необычайное, особенно в зрелом возрасте...

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ "ДЕБЮТ"

© Симонов А. Н., 2007

© ИО «Ещё не поздно!», ООО НТЦ «Рубеж», 2007

ВРЕМЯ ПИСАТЬ О ЛЮБВИ

Чтобы в зрелые годы взяться за перо и замахнуться сразу на роман, надо, на мой взгляд, иметь немалое мужество. Ну и дарование, конечно, в себе распознать. Да и познания нужны, знакомство с опытом предшественников в сем деликатном деле... С первых же страниц рукописи стало понятно: всё это у автора есть. Сомнения в нужности и художественной ценности произведения исчезли почти сразу, а вот интерес всё возрастал. И возникли некоторые мысли, которыми рискну поделиться.

Сейчас над художественным словом, литературой, духовностью стоит практическая суета. Тиражируется бездарность, псевдо- и даже антилитература. Воинствующий делитантизм прочно обосновался на книжных полках магазинов. Амбициозные неумехи, прилитературная шпана всегда чутко реагировала на «запросы рынка». Произошла резкая и циничная подмена художественных ценностей на хлам местного значения, измеряющийся погонными страницами. Напёрсточники от литературы одержали полную победу над «исписавшимися соцреалистами». Потрясённые своей гениальностью, нынешние «ничевоки» не слишком утруждают себя отделкой литературной формы, слога, работой над собой и словом.

В общем, постперестроечный маразм породил духовную засуху в литературе. И, как и следовало ожидать, высохшее русло тут же заполнили крокодиловы слёзы приладочных критиков и моча мелких юмористов-смехачей. Неизвестно откуда появились «благодетельные особы», готовые «раскрутить» каждого, кто способен плясать под их, разрушителей, дудку. Окружив пиететом, тащат они на пьедестал «иллюзионистов пера» (Я. Смеляков), у которых то и дело случается непроизвольная словесная дефекация. Рукоделие детективствующих дам не знает границ. На телевидении все-рьёз обсуждается вопрос о легализации мата. Словесный блуд, невнятица и нелепица, жеманное хохетство, глумливое ёрничество, хохмаческое паскудство, желание понравиться любой ценой, у нынешней «претендующей бездари» превалирует над всем остальным.

Одарённым авторам сейчас трудно бывает избежать воя и визга бульварной прессы, ритуальных плевков «демократической» критики. Но надо помнить, что жажда надругательства над высоким - это в большой степени личная месть за собственное пигмейство. Сейчас в России, как говорит Е. Евтушенко, возникла ситуация кризиса не только литературы, но и отношения к ней. Она, литература, можно сказать, стала зоной повышенной опасности. Не парадокс ли, говоря о сфере возвышенной и созидающей? Глядя на современного производителя текстов, теряешься в догадках: что, среди современников нет никого, кто бы заслуживал серьёзного внимания? Есть! Один из них - перед вами.

С Альфредом Симоновым знаком немало лет. Правда, не до такой степени, чтобы знать его «душевные порывы», но всегда чувствовал в нём творческую, извините, начинку. Этот симпатичный улыбчивый товарищ всегда нёс в себе мощный художественный потенциал, что и ощущается на страницах его романа. Он свободно и раскованно вводит читателя в мир переживаний своих героев, сомнений и

радостей, мыслей своих героев, в атмосферу своего - нашего! - времени. Как и в жизни, здесь он прост и доступен, интеллигентен и самоироничен, подтянут и собран.

С доброй профессиональной завистью вижу, что пишет Альфред Николаевич сжато и выразительно, тонко, со вкусом и знанием дела. Слово его всегда точное и на месте, строка упругая и многоцветная. Он умеет выстроить фразу и держать интонацию. Это пример взыскательного труда состоявшегося литератора.

У него нет никакого подтекста, зато есть сам текст. Роман можно открыть на любой странице и читать, наслаждаясь свежестью и красотой языка, новизной и неожиданностью жизненных ситуаций, поведением героев. Импонирует его стремление оставаться самим собой, не сбиваться на чужой тон, полное неприятие штампов, затёртых выражений. Его мысль не замутнена декоративной метафорикой, всегда несёт убедительную завершенность.

Не лишним будет сказать, что его текст отличается удивительной мягкостью, родственным отношением к предмету изображения. Что ж, это особое свойство его зрения и слуха, это - музыка его души. Похоже, автору хорошо работается, - сами собой приходят нужные слова, мысль обретает глубину, а образы - ёмкость и органичность. Сильная проза! Пора-пора поправлять нравственное зрение, расфокусированное 15-тилетним шабашем всякого рода иронистов-пародистов, «сексопаталогов» и прочих дурамаров.

Что скрывать, книги подобного содержания - «на основании обширного фактического материала», - написанные членами организации, где бывших сотрудников не бывает, неравноценны по своему содержательному уровню. Смеем заявить, что роман Симонова - произведение серьёзное, высокохудожественное и отнюдь не «для служебного пользования». Более того, и это выгодно выделяет его из массы «детективов», он не содержит никакой криминальной окраски.

Автор удержался от стрельалок и пугалок, но с подкупающей искренностью поделился мыслями своего героя. Смелость художника Симонов счастливо соединил с чистотой художественного слова, перед чем меркнут и рассыпаются в пыль любые надуманные красоты. Нелишне заметить, что автор великолепно сумел донести до нас эмоционально богатый, философски глубокий, психологически тонкий мир своего героя. Его полковник Зотов живой, со всеми недостатками и достоинствами человек. И нет нужды наделять его ни сверхъестественной силой, ни божественной красотой, от чего он больше теряет, чем приобретает. И вообще, со вкусом и чувством меры у Альфреда Николаевича, походе, полный порядок.

Эта книга - не для беглого прочтения. Она документ, продукт и свидетельство эпохи, части отечественной истории, жизни поколения, которое строило, защищало, стало свидетелем разрушения своей страны, но не утратившего светлых надежд.

И уже за одно это она заслуживает внимания и читательской благодарности.

Евгений ГУСЕВ,

член Союза писателей России

“Любви все возрасты покорны...”

А. С. Пушкин

Часть I

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

Машина резко затормозила у самого края заасфальтированного пятачка, за которым начинался крутой обрывистый берег реки. Олег, застегнув пальто, вышел из машины и стал медленно спускаться по едва заметной тропке к воде. Была уже середина декабря, а Волга ещё не накрылась своим ледяным одеялом. Вода, линия противоположного берега, группа деревьев на старом кладбище, далёкий мост - всё казалось чёрно-белым. Ни одно цветное пятно не разнообразило этот унылый среднерусский пейзаж, который может любить, пожалуй, только русский человек, у которого прошли здесь детство и юность... Олег немного постоял у воды, затем, зачерпнув её в горсть, умыл лицо. Вода оказалась на удивление тёплой и мягкой, как будто сейчас не середина зимы, а, по крайней мере, ранняя осень. Пора было уходить. Впереди - возвращение домой. Почти сто километров по скользкой, мокрой дороге со слепящими огнями встречных автомобилей.

Заезжая в родной город по своим служебным делам, он обязательно приходил на это место, и как бы он ни устал, какие бы жизненные обстоятельства ни пытались скрутить его в бараний рог, здесь ему сразу становилось легче, и, словно из этого особенного воздуха, вдруг возникали решения проблем, над которыми он бился месяцами. Но сегодня был не его день.

Утром, перед поездкой сюда, неожиданно раздался звонок. Звонила Ольга, женщина, которую он любил и вместе с которой они были уже два года. Тихим, извиняющимся голосом, с трудом подбирая слова, она произнесла то, что хотела ска-

зять давно, но, видимо, не решалась, или попросту жалела его. Но ни жалость, ни привязанность, увы, не могут заменить любовь, а накопившиеся непонимание и раздражение, видимо, подтолкнули её к тому, чтобы произнести те беспощадные слова, после которых у него всё внутри словно окаменело: *«Я больше не приду, не звони мне, не беспокой меня больше! У нас всё»*.

Господи, неужели, всё так просто?..

...Олег сел в поджидавшую его неподалёку «Волгу», против своего обыкновения, не на переднее сиденье, как было заведено у бывших советских начальников, а на заднее, тем более, что чиниться ему было не перед кем, а на заднем сиденье можно немножко подремать, да и поразмышлять над тем, что произошло. Обида, ревность, недоумение понемногу уступали место обычным эмоциям, которые неизбежно одолевают сильно уставшего человека, пережившего стресс. Да и заботы, которые заполнили весь его день, понемногу уже отвлекали от печальных мыслей. Раскисать, в общем-то, было некогда, хотя в какие-то минуты боль и досада сжимали его сердце.

Он в свои сорок с небольшим многое испытал, да и романы (как счастливые, так и не очень) периодически случались, но сейчас навалилось никогда не приходившее к нему раньше ощущение страшной пустоты и никчемности жизни. И напрасно он убеждал себя, что здесь одна лишь физиология, не больше - это совсем не помогало...

Машина тронулась, и за окном замелькали знакомые с детства улицы. В мокрые декабрьские сумерки двухэтажные дома, построенные сразу после войны, выглядели мрачновато и только усиливали его и без того подавленное состояние.

«Надо встряхнуться, не раскисать, - ещё раз подстегнул он себя. - По сути, ещё ничего не случилось, подумаешь звонок. У женщин это бывает. Они живут впечатлениями и

эмоциями, а логика - не их стихия. Наверное, я нечаянно задел её самолюбие, а она, как бывало и раньше, обиделась, вот и всё...».

Машина медленно ехала по центру родного городка. Слабые фонари едва пробивали своим тусклым светом чернильные сумерки, и только голубая неоновая вывеска «гастроном» напомнила о том, что в мире существуют и другие цвета, кроме тёмных. Витрины магазина были хорошо подсвечены и выглядели неожиданно нарядно и приветливо.

«Да, - подумал Олег, - как всё изменилось». Этот магазин, ещё недавно с трудом выдерживавший натиски огромных голодных очередей, сейчас, как было видно, почти безлюден. Совсем как тогда, в уже далёкий октябрьский вечер, когда на работу ему позвонила жена и попросила, чтобы он хоть что-нибудь купил к ужину. «Дома - шаром покати», - сказала тогда она. Но сказала без раздражения и обиды, а как о чём-то привычном и уже порядком надоевшем.

Олег почти не пользовался своими знакомствами среди нагловатого племени торговых работников. Но в тот день нужда заставила, так сказать, поступиться принципами... Он, созвонившись со знакомым директором гастронома, через несколько минут подкатил к магазину, чтоб купить красноватый кусок какой-то колбасы.

Внутри почти не было народу, только у хлебного отдела толпилась небольшая группа людей; хлеб в продаже пока имелся, но витрины были девственно чисты: исчезли даже желтоватые пачки маргарина, ранее хоть как-то заполнявшие огромное витринное пространство. В мясном отделе, как бы в насмешку над покупателями, висел огромный плакат, на котором была изображена упитанная говяжья туша с надписями на ней: «Филе, огузок» и ещё что-то, что он не запомнил, а на ярко освещённой витрине, на ослепительно белом подносе покоилась огромная белая кость с красными ворсинками мяса, на

которой, как бантик к подарочной упаковке, был прикреплён ценник с надписью: *«Кость пищевая, гов. 1 руб. 06 коп.»*.

Олег тогда невольно засмеялся, увидев этот натюрморт, да ещё с такой несуразной ценой. *«Интересно, почему шесть копеек-то?»* - подумал он.

Почему-то ему представилось, как эту композицию написал бы какой-нибудь голландский художник шестнадцатого-семнадцатого веков, полотна которых всегда изобиловали дичью, мясными тушами и диковинными фруктами...

- *А смеяться тут нечему*, - сурово сказала ему какая-то тётка, проходя мимо и алчно поглядывая на эту кость. - *Довели страну до ручки!*

По внешнему виду Олега она безошибочно определила, что это кто-то из начальства. Другая форма протеста простых людей тогда ещё была немыслима. Это потом, через пару лет, их город и другие города России вздрогнули от многотысячных митингов, на которых прорывалось копившееся годами людское недовольство. Колбасы, правда, от этого больше не становилось, но свободы слова появилось в избытке...

Машина давно уже мчалась по загородному шоссе, и Олег подумал, что после всего пережитого самое лучшее сейчас вздремнуть. Так он и сделал.

По тому, как «Волгу» потряхнуло, он безошибочно угадал, что они въезжают в черту большого города. По какой-то дурацкой традиции, участки дороги на въезде всегда ремонтируются в последнюю очередь и они любезно предоставляют возможность каждому вообразить себя простынёй, которую нещадно трут о стиральную доску. Метров 50 мокрой, в выбоинах, дороги быстро прогнали остатки сна. Посмотрев в окно, он понял, где едет, и подумал, что улица, на которой живёт Ольга, как раз по дороге... Олег зачем-то вытащил из кармана расчёску, у которой от старости выпало несколько зубов, привёл в

порядок свою шевелюру и слегка охрипшим со сна голосом сказал водителю: *«Саша, остановись у той кафешки, я ненадолго выйду!»*.

- Хорошо, - только и ответил шофер, возивший на своём веку уже третьего начальника и ко всему привыкший. Он не особенно переживал, если шеф задерживался где-нибудь сверх меры, поскольку умел использовать любую, свободную от управления машиной минуту для сна. Его умение мгновенно засыпать и также мгновенно просыпаться вызывало чувство лёгкой зависти у Олега - сам-то он уже давно глотал снотворное, когда хотел выспаться.

От кафе до ольгиного дома надо было пройти метров сто, не больше, но каких метров! Тротуар представлял из себя шедевр кулинарного искусства матушки-зимы: снежная каша на воде с грязью, украшенная (для аппетита) пустыми яркими коробками из-под сигарет...

Олег уже почти подошёл к её дому, когда мимо проехал синий «Жигулёнок» со знакомым номером и у него, как когда-то в юности, ёкнуло сердце. Он растерянно остановился, не зная, двигаться дальше или замереть на месте?

Из машины вышла Ольга, за ней выскочил её ребенок, а затем и муж появился. Он передал ей какие-то пакеты, что-то сказал и уехал, по-видимому, ставить машину в гараж. Ноги у Олега словно онемели. Первой мыслью было подбежать к Ольге, обнять, поцеловать, сказать что-то очень важное и очень нежное, но она уже усталой походкой входила в свой подъезд, а её маленькая дочь что-то ей весело говорила, видимо, радовалась, что день в детском саду закончился и её ждёт приятный вечер с папой и мамой.

Олегу в долю секунды неожиданно пришло в голову то, о чём он раньше и не думал: эта чужая семья живёт своей жизнью, своими радостями и надеждами, своими маленькими праздниками и бедами, и ему впервые за два года его знаком-

ства с Ольгой стало не по себе. *«Господи, а я-то здесь зачем? Зачем впутался в её жизнь?»*.

Он ещё минуту постоял около её дома, увидев, как в подъезд вошёл её муж, обременённый какой-то сумкой, и медленно, с ощущением грусти и, как ни странно, облегчения, сменившего чувство досады, вернулся к машине.

* * *

Место, где они познакомились с Ольгой два года назад, было настолько необычным, что, если бы какой-нибудь гений взялся писать «всеобщую историю любви», этот эпизод имел бы полное право занять в ней самое видное место. Ведомство, где работал Олег, изъяло огромную партию фальсифицированной водки - две тысячи ящиков. После всех необходимых процедур это дерьмо надо было уничтожить. Всё было учтено, кроме одного: куда девать эту бесцветную жидкость, способную отнять у людей здоровье, а иногда и жизнь? С маленькими партиями ещё как-то справлялись, но такая крупная сыщикам попалась впервые. Наконец договорились с городской свалкой и решили отвезти туда фальсификат - раздавить бульдозером и сровнять с землёй.

Ранним субботним утром Олег, одевшись попроще (всё-таки ехать предстояло на свалку, а не на званый ужин), подкатил к своему управлению. Все сотрудники уже были на месте. Два КамАЗа, под завязку загруженные ящиками с поддельной водкой, стояли, что называется, под парами. И процессия, немного напоминающая похоронную, тронулась. Впереди шла машина с мигалкой (на случай осложнений с ГАИ), в середине - КамАЗы и «уазик» с сотрудниками, в том числе и вооружёнными (водка - товар опасный), позади - Олег в своей служебной «Волге». Ехать пришлось около часа, а когда приехали на место, глазам открылось невиданное зрелище - огромное поле, заваленное разнообразным хламом, среди которого выде-

лялись белые бумажные упаковки, огромные стаи чёрных ворон и ослепительно белых чаек, периодически взлетающих над этой фантастической картиной. Посередине этой огромной помойки были видны группы оборванных людей, что-то добывающих и складывающих это «что-то» в тележки, сумки, пакеты - у кого что было. Увидев приехавшую машину, эти люди стали медленно приближаться, чтобы рассмотреть и оценить товар по достоинству. Олег распорядился поставить сотрудников с оружием по периметру участка, который им показал один из аборигенов, оказавшийся служащим свалки.

Ребята в форме, держась за автоматы, брезгливо ступая по замусоренной земле, заняли круговую оборону. Обитатели свалки остановились и стали наблюдать издалека за тем, что происходило. Олег, вытащив сигарету и закулив, чтобы заглушить неприятный запах, дал команду начинать - и на площадку полетели ящики с водкой, разбиваясь, звеня и распространяя удушливую вонь некачественного алкоголя.

Отверженные, увидев бутылки, бросились к площадке, и Олегу на какое-то мгновение показалось, что его ребята могут не сдержать этот натиск законченных алкоголиков и потомственных бомжей, для которых разворачивающееся действо было верхом святотатства. У некоторых вырывалось из груди некое подобие стога, того самого, что «на Руси у нас песней зовётся». Но представители закона устояли, а бомжи отошли на безопасное расстояние и жадно смотрели на уничтожаемые ящики с палёной водкой, которым, казалось, не будет конца. Изредка до Олега доносились возгласы, которые не могло перекрыть даже карканье ворон: «Сволочи, что вы делаете? Отдайте лучше нам!». Но когда бульдозер начал ровнять ящики и бутылки с землёй, поднялся такой крик и вой, что огромные стаи ворон взметнулись в небо и, казалось, закрыли собой солнце. Напряжение вокруг группы усиливалось, Олег физически чувствовал ненависть людей, стоявших поодаль и

наблюдавших, как под блестящими гусеницами хрустят и превращаются в осколки тысячи бутылок с надписями «Урожай», «Сибирская», «Хлебосольная»...

На секунду он отвлёкся от наблюдения за этим процессом, в котором и сам-то участвовал впервые, и вдруг заметил съёмочную группу, которая на две камеры снимала всё происходящее.

- *Что такое, откуда они взялись?* - спросил он у старшего группы.

- *Никаких заявок не поступало, товарищ полковник!* - недоумевал тот.

- *Иди и выясни, в чём дело?* - распорядился Олег.

Оперативник быстро подбежал к телевизионщикам и стал что-то выяснять, по привычке размахивая руками. Операторы продолжали снимать, как бульдозер крушит горы бутылок и как реагируют люди - завсегдатаи свалки, а между тем от группы отделилась какая-то женщина и быстрым шагом, вместе с оперативником, направилась к нему. Затем они разделились. Она пошла по тропочке в обход свалки, а оперативник, показывая своё усердие, побежал напрямик, чтобы успеть проинформировать начальство: - *Олег Николаевич, это московский телеканал! Говорят, что им разрешила съёмки дирекция свалки.*

- *Ничего себе термин*, - с усмешкой подумал Олег и мысленно выстроил логический ряд: *дирекция свалки - заведующий помойкой - управляющий сортиром...*

- *Сейчас подойдёт старшая и всё объяснит.* Гневная девушка, - добавил оперативник и отошёл в сторону, как бы слегка побаиваясь предстоящего разговора. (Олег потом много раз убеждался в правоте этой характеристики.)

«Время, время... Оно наш бесстрастный партнёр по игре в подкидного дурака, которому выпало раздать колоду,

состоящую из карт с нарисованными цифрами: сто лет, пятьдесят, десять, один год, один час, одна минута... Какие карты тебе выпадут, никто не знает, всё по-честному. Но мне выпало четыре десятки и ещё несколько, по единице. Впрочем, в эти карты мы ещё поиграем, - подумал Олег, усмехнувшись, - хотя в этой игре в дураках остаётся только человек...».

Что делать, возраст переходный... Подобные мысли приходят всё чаще, особенно когда видишь, как вместе с детьми «подрросло» и небольшое брюшко, и волосы, ранее густые, как лесная чащоба, которые так любили гладить его возлюбленные, больше стали напоминать хорошо ухоженный парк с отдельно стоящими деревьями и блестящими на солнце вытоптанными полянками...

Когда Олег как-то рискнул за рюмкой коньяка поделиться подобными размышлениями с близким приятелем, которого он всегда держал за неглупого человека, то услышал в ответ тривиальное, мол, есть ещё порох в пороховницах, мы ещё повоем, ты ещё хоть куда...

Да, хоть куда, хоть куда-нибудь бы удрать от этого чувства безнадёжности и тоски. Он подошёл к небольшому домашнему бару, в котором, в отличие от прежних времен, вместо сиротливой, наполовину выпитой бутылки «Столичной», стояли разноцветные, празднично сверкавшие при свете, бутылки с отечественными и импортными напитками, которые он почти не пил, предпочитая всем прочим хороший коньяк, да и то изредка.

Когда-то в студенческой юности он попал на вечер встречи с профессором столичного театрального института, который долго и очень доходчиво рассказывал о культуре винопития, и особенно коньякопития. Олег запомнил его поучение слово в слово: налить немного коньяка в тонкий большой бокал прозрачного стекла, погреть его в своих ладонях, как замёрзшие

щёчки любимой девушки, затем вдохнуть его запах и сделать небольшой глоток, слегка задержав напиток на языке, и только потом проглотить. Олег за много последующих лет убедился, что таким способом действительно можно прийти к выводу, что коньяк - это лучший из напитков, придуманный человечеством, кроме родниковой воды, разумеется. Но вода не придумана человеком, она - от Бога.

Скользнув взглядом по этикеткам, Олег достал початую бутылку «Хеннеси», налил полфужера и залпом выпил ароматную золотистую жидкость, впервые, пожалуй, презрев поучения заезжего профессора театрального института...

* * *

...В этот час, когда день ещё не перевалил за середину, в маленьком уютном кафе, каких за последнее время возникло немало, было почти пусто. Исключение составляла какая-то женщина, сидевшая спиной к залу. «Наверное, из obsługi», - подумал Олег и сел за свой любимый столик в дальнем углу. Мягкое кресло сразу приняло его в свои уютные объятия. Барменша знала Олега и улыбнулась ему, как старому знакомому. «Как обычно?», - поинтересовалась она.

«Да». Олег всегда говорил ей несколько приветливых слов, но сегодня ему не хотелось ни с кем разговаривать. «Как обычно» - это значит турка с кофе по-турецки и бокал натурального апельсинового сока. В этом кафе Олег частенько встречался с Ольгой, а несколько дней назад она неожиданно сама позвонила и сказала, что очень соскучилась. С ней такого прежде не случалось. Олег удивился, но оценил этот порыв по достоинству, и уже через полчаса ждал её за этим самым столиком. Ольга появилась тогда, как всегда, весёлая и улыбающаяся, но эта весёлость, как заметил Олег, была окрашена в какой-то истерический оттенок.

- Что-то случилось? - спросил он, поцеловав её в щёку.

- Нет ничего, милый! - ответила она. - Всё хорошо. Только что-то не по себе.

- Но ведь должна же быть причина? - допытывался он.

- Она есть, только я не хочу тебя расстраивать! - тихо ответила Ольга.

Олег внимательно посмотрел на неё, невольно отметив про себя, что сегодня, идя к нему на коротенькое свидание, она не сделала макияж. Кто-то из его друзей, знаток женщин, сказал ему в шутку однажды: «Если женщина пришла к тебе не накрашенная, значит, ты её больше не интересуешь ни как мужчина, ни как деловой партнёр. Всё, что тебе остаётся, незаметно исчезнуть из её жизни.»

Он невольно вспомнил эти слова старого повеласа и в шутку сказал: - Расстраивай, чего уж там! Наверно, хочешь опять пропасть дня на три?

Ольга почему-то побледнела и сказала: - Нет-нет, ты говоришь глупости! Мне кажется, я без тебя умру!

- Ну, это преувеличение. Найдётся реаниматор, - с сарказмом произнёс Олег, не к добру вспомнив, как в самом начале, когда их отношения только устанавливались, она внезапно исчезла на три дня. Он извёлся за это время, поскольку не знал, что предположить. Его ревнивое воображение подсказывало, что произошло что-то крайне неприятное, и первое, что он тогда подумал, - она уехала куда-то со своим бывшим приятелем, с которым встречалась до него.

Олег знал, что Ольга любила того человека, но потом что-то произошло... Что именно, он не знал, да и знать не хотел, поскольку одна мысль, что у неё был ещё кто-то, буквально изводила его. Она тогда вернулась вся какая-то взвинченная, потухшая и, что ей было несвойственно, агрессивная. Сразу, прямо глядя ему в глаза, сказала, что была с человеком, которого любила. Думала, что любила. И если бы не он, Олег, продолжала бы так думать и дальше.

- Зачем же ты вернулась? Любовник сплхнул в постели? - спросил тогда Олег, задохнувшись от ревности и обиды. (Как его, такого умного и симпатичного, так искренне относившегося к ней, можно променять на кого-то ещё?) Обычная мужская иллюзия, которая способна испортить жизнь, если быть у неё в плену слишком долго.

Олег в свои годы расстался уже со многими иллюзиями, но с этой не мог, да и не хотел. Ольга тогда ничего не ответила, только смотрела на него своими огромными глазами (которые из голубых становились зелёными, когда она злилась или нервничала). Олег тоже молчал. На языке вертелись и жгли губы самые грубые мужские ругательства, но он сдержался. Ругаться ему не шло, и он это знал, да и профессиональная способность держать себя в руках в тот раз спасла их отношения. Олег просто встал и, не прощаясь, ушёл...

На следующий день Ольга позвонила и разговаривала с ним, как будто ничего не случилось. Олег долго молчал в трубку, но затем понемногу втянулся в разговор ни о чём. После он долго молча сидел в кресле и не мог понять, что произошло. Ведь только вчера он сказал себе, что никогда больше не заговорит с этой женщиной, забудет всё, что произошло за этот месяц, и вот, на тебе, болтал с ней как ни в чём не бывало, и страшно боялся, что она так и положит трубку, ни о чём не договорившись с ним. (Тогда он понял, что влюбился, влюбился, как восемнадцатилетний мальчишка, и уже не сможет так просто расстаться со взбалмошной красавицей).

- О чём ты думаешь? - спросила она, отвлекая его от несчастливых мыслей о прошлом инциденте.

- Так, о нас с тобой...

- Ну, и что же?

- Да ничего. Давай выпьем кофе и посмотрим друг на друга. Ты ведь хотела видеть меня, а не слышать, - сказал он, улыбаясь. Ольга тоже заулыбалась и маленькими глоточками

стала отпивать из крошечной японской чашечки очень тонкого фарфора спасительный кофе. Им было так хорошо вдвоём в этом безлюдном кафе. Она так ничего и не сказала ему в тот день, а он, успокоенный встречей, перестал волноваться.

«Да, а волноваться-то оказывается есть о чём, - думал он, возвращаясь в день сегодняшний, запивая огненный кофе ледяной водой. - Скорее всего, повторилась та же самая история. Впрочем, что гадать... Может, позвонить, встретиться, что-то выяснить? Нет, пожалуй, не стоит. Мобильник наверняка отключён, а домой звонить неудобно. Суббота, семейный день. Ольга сегодня, наверно, убирает квартиру и готовит обед. Хотя какой обед? Кроме яичницы, она же ничего не умеет готовить! Творческая натура... Неужели, разрыв дался ей так просто? Может, остынет и позвонит, как в прошлый раз и, как ни в чём не бывало, предложит увидеться?».

Взгляд его упал на включённый телевизор, закреплённый на каких-то железках в самом углу кафе. Передавали новости, и Олег почему-то подумал (а скорее, почувствовал), что сейчас увидит Её на экране. И точно, пошёл сюжет о каком-то народном умельце, и оператор крупным планом показал улыбающуюся Ольгу, берущую интервью. Олега почему-то поразило именно то, что она улыбается и спокойно делает своё дело. Никаких следов переживания на её лице он, к своей досаде, не заметил. Сюжет закончился. Женщина, сидевшая к нему спиной, нажала на «лентяйку», экран телевизора погас, и Ольга исчезла.

- Что ж, будем теперь видеться по телевизору, - Олег невольно произнёс эту фразу вслух.

Женщина, сидевшая к нему спиной за соседним столиком, видимо, подумав, что он обратился к ней, обернулась и спросила: - Что вы сказали, я не расслышала?

- Извините, это я не вам. Наверно, схожу с ума, раз сам с собой разговариваю...

- *Вовсе не обязательно. Так часто бывает с одинокими людьми. Им ведь не с кем разговаривать...*

- Конечно-конечно, - торопливо сказал Олег, чтобы закончить этот ненужный разговор, и впервые взглянул на собеседницу. Что-то неуловимо знакомое было в её лице. Он, несомненно, где-то уже видел эти тёплые, слегка влажные, голубые глаза с поволокой. Но где именно, вспомнить не мог. Улыбнувшись женщине, Олег достал пачку «Давидофф» (он любил курить редкие сигареты) и закурил.

- А вы меня не узнали, - почему-то утвердительно сказала женщина. - *Впрочем, столько лет прошло...*

Олег, которого уже стало раздражать вторжение в его одиночество, сказал несколько грубовато: - *Только не говорите, что у вас внебрачный ребёнок, и вы искали меня всю жизнь и, наконец-то, нашли!*

- Зачем вы так, - ответила она тихим, спокойным голосом. - *Мы и виделись-то всего один раз на улице, очень давно, весной...*

Олег ещё раз взглянул на неё и... внезапно вспомнил: - *Боже мой, это вы?! Вас зовут, кажется, Настя, если мне память не изменяет...*

- Не изменяет. Память - не женщина - всегда при вас, - её, видимо, обидела его грубоватость.

Олег взял свою чашку с кофе и спросил разрешения присесть за её столик.

- Конечно, присаживайтесь! У меня есть ещё минут 15, я жду мужа, да и сюжет надо было посмотреть по местному каналу.

- Зря вы защищаетесь, я ещё не нападаю, - сыронизировал он.

...Настя, Настя. Странная она была их первая и последняя встреча. Такие могут произойти только в юности, когда кажется, что мир создан исключительно для тебя, все люди просто обязаны тебя любить, а впереди ещё столько всего, что не стоит на чём-то одном задерживаться надолго.

Это случилось в конце мая, в очень тёплый солнечный день. Олег был тогда студентом последнего курса. Накануне он со своим ансамблем выступил на каком-то вечере с песнями собственного сочинения, получил гонорар, стоял и раздумывал, на что бы его потратить: пойти вечером с подружкой в театр или прокутить эти деньги с друзьями? Когда он уже было начал склоняться ко второму варианту, как наиболее быстрому, его окликнул нежный девичий голосок: *«Привет, маэстро!»*.

Олег оглянулся и увидел молоденькую девчушку с пронзительными голубыми глазами. Девчушка приветливо улыбалась ему, держа в одной руке маленький букетик ландышей, а в другой аппетитную буханку чёрного, свежего, дурманяще пахнущего хлеба.

Олег иронично провозгласил: *- Ну вот, и слава пришла, наконец-то, давно жду!*

- Я не слава, меня зовут Настя, - просто сказала она...

О чём они говорили тогда, он не помнил, наверно, оба несли какую-то весёлую чепуху. Настя протянула ему хлеб и сказала просто: *- Угощайтесь!*

А он и не отказался. Так они тогда и склевали эту буханку, как две беззаботные птицы, а затем, договорившись увидеться на другой день, разбежались.

Но другой день - это уже перевёрнутая страница книги, где, как оказалось, написана уже другая история... Начиналась сессия, надо было садиться за книжки, да и девушка у него тогда уже имелась, и расставаться с ней он не собирался. Так он и

потерял Настю из виду и никогда больше не встречал, хотя и жалел иногда, что промелькнула в его жизни эта девчушка с глазами, похожими на два василька, и бесследно исчезла. Впрочем, он и не пытался её найти...

- *Как сложилась жизнь?* - задал он тривиальный вопрос, которого она, видимо, ждала.

- *Нормально.* - Она немного помолчала, откровенно, с некоторой долей любопытства разглядывая его, а затем неожиданно сказала: - *Ведь я вас тогда ждала, долго ждала...*

- *Мне нечего сказать в своё оправдание, да и что теперь об этом говорить!*

- *Действительно, Олег Николаевич, это так.*

- *Настя, я ведь тогда не назывался по имени-отчеству, возраст не позволял.*

- *Да вы, Олег Николаевич, и тогда ничего не поняли! А я просто влюбилась в вас на том вечере с первого взгляда в парня, который был значительно меня старше. А что со мной было, когда я увидела в витрине ЗАГСа вашу фотографию с молодой женой...*

- *Настя, успокойтесь! Это уже похоже на индийскую мелодраму.*

- *Это не мелодрама. Это, Олег Николаевич, моя жизнь. Моя жизнь без вас,* - добавила она с обидой в голосе.

Олег смотрел на неё, не отрываясь. Её васильковые глаза, которые ему тогда так понравились, были, как и в ту весну, слегка влажными, и оттого казались ещё более печальными. Олег очень хотел почувствовать себя виноватым (он знал эту особенность женщин навязывать мужчинам чувство вины за разбитую жизнь или за разбитую чашку - всё равно, разница невелика), но не мог. Скорее, его одолевало чувство потери, потери чего-то хорошего и тёплого, что могло согреть его жизнь, но не согрело, потому что не случилось. Солнышко забыло взойти, и день не родился...

Проведя рукой по вспотевшему лбу, он сказал с какой-то несвойственной ему злостью: - *Неужели трудно было меня разыскать? Вы же знали, где я учился. Моя и ваша жизнь могли сложиться иначе. Может быть, даже...счастливо.*

Настя несмело провела тёплой ладонью по его щеке и волосам: - *Я девчонкой мечтала об этом, не сердитесь!*

- *Господи, да я готов молиться на любовь, даже прошлую.* - Он поцеловал её руку и сказал: - *Прости меня!*

Отодвинув остывший кофе, Олег вытащил из пачки другую сигарету и как-то неожиданно для себя поднялся, чтобы уйти, опять уйти, как тогда. В это время в кафе вошёл мужчина лет сорока, довольно высокий, спортивного телосложения, с чёрными усами и элегантной бородкой, какою любят украшать себя люди, причисленные к лику творческих интеллигентов. Он подошёл к Насте, обнял её за плечи, спросил, давно ли она его ждёт.

- *Да нет, минут 20, не больше,* - ответила женщина.

- *Ну, поехали! А то дети у бабушки совсем заждались.*

Настя накинула на себя шубку и, бросив на Олега быстрый взгляд, вышла из кафе...

Оставшись один, Олег сидел, глядя в одну точку. Он почувствовал, как быстро стала подрагивать нижняя губа, что с ним случилось в минуты сильного волнения. Сидел и жалел, что нельзя отмотать назад ленту ещё не доснятого до конца фильма под названием «Моя жизнь», вернуть тот весенний денёк и всё поправить - прийти на первое свидание с этой голубоглазой девчонкой, вскружить ей голову, да и самому влюбиться по уши. Потом жениться, обзавестись детьми да и жить себе спокойно и счастливо, а не так, как сейчас...

- *Ладно, хватит,* - сказал он себе. - *Забавно всё-таки получилось. Одна меня бросила, потому что не любит, другая постеснялась найти меня и быть со мной, потому что любит. Кто же поймёт этих женщин?! Только не я!*

Подошла барменша, чтобы убрать со стола чашку и пепельницу. - *Это не ваша?* - спросила она, протягивая ему маленькую визитную карточку.

- *Данет.*

- *Наверно, та дама оставила.* - Она несколько двусмысленно улыбнулась и добавила: - *Я думаю, это для вас...*

Олег взял из её рук со вкусом сделанную визитку, на которой значилось: *«Анастасия Болотникова. Дизайнер. Телефон домашний, рабочий...»*.

Подумал секунду, а затем спрятал визитку в бумажник, рассчитался с официанткой и вышел из кафе.

Дни шли за днями, а Ольга так и не позвонила, хотя Олег практически постоянно находился, как было принято выражаться в их среде, в режиме ожидания. За два года он привык к тому, что она звонит ему ровно в час дня, они о чём-то долго разговаривают и иногда договариваются встретиться. Каждый день, в 13.00, он с надеждой смотрел на телефон, но тот молчал, а если и звонил случайно, то в трубке слышались совсем другие голоса, и темы разговоров были другие... В голове назойливо вертелась строчка из почти забытого в наше время Евтушенко - властителя дум интеллигенции и молодёжи 70-тых: *«А ходят в странной суете разнообразные не те...»*.

Сам он позвонил ей лишь однажды, когда у него всё не клеилось, и желание увидеть или хотя бы услышать её голос достигло критической отметки. Он схватил трубку, не раздумывая, набрал нужный номер, но ответом ему были только длинные гудки. После этого случая он стал поспокойней, как будто бы смирился с тем, что уже ничего не изменить. Женщина может дать тебе всё, если любит. Но однажды она может забрать у тебя это самое всё и отдать другому. А что будет с тобой, её, конечно, взволнует, но не сильно. Ты - уже её прошлое, о

котором она с удовольствием вспомнит... в старости.

...Через несколько дней после разрыва с Ольгой Олегу позвонили и пригласили на какое-то совещание. Он сразу не нашёл убедительного предлога, чтобы уклониться от очередного нудного сидения, а через секунду было уже поздно: надо ехать. Присутствие на совещании Олег всегда рассматривал, как своего рода повинность, которую он должен был отрабатывать своим временем - самым дорогим, что есть у человека. По собственному опыту он знал, что суть почти любой проблемы можно уяснить и принять решение за полчаса, если, конечно, всё хорошо подготовлено, а вопрос, как говорится, проработан. Толковое решение, как правило, можно найти только в ходе неформального общения, когда собирается несколько профессионалов и на понятном им одним языке договаривается о наилучшем способе действий. Но наши совещания, чаще всего, это ритуальное заклинание по поводу очевидных вещей, своего рода парад мыслей, где всё расписано, и нельзя уклониться ни на сантиметр от отведённой тебе роли.

...Самое курьёзное совещание, которое пережил Олег, состоялось лет 15 назад, тридцать первого декабря, часов за 10 до встречи Нового года. Народ дисциплинированно сидел, но мало что уже соображал, поскольку у всех были какие-то свои планы на предновогодний вечер, и мысленно многие уже налили себе из запотевшей бутылки холодной водочки в хрустальную стопочку и подцепили вилкой маринованный белый грибочек... Совещание затянулось часа на три. Олег сидел как на иголках, не зная, что предпринять. Он пригласил к себе на дачу компанию друзей, которые ждали его на вокзале, и чувствовал, что может опоздать и всех их подвести.

После окончания «великого сидения» он подхватил какую-то машину и, как был в парадной форме, помчался на вокзал, где и застал вконец обозлённую на него команду во главе с же-

ной. Впрочем, все были рады, что он, наконец, появился, и мероприятие не сорвётся. Радость эта ещё больше усилилась, когда они вышли из электрички и увидели волшебный зимний лес, тёмный, таинственный и яркую луну, льющую свой свет на заснеженное поле. Метров триста им предстояло пройти по тропинке, протоптанной в лесу - так было короче. Эх, если бы кто-то посмотрел тогда на их компанию со стороны!

Впереди шёл Олег в парадной шинели, за ним - группа хорошо одетых, притихших (ночной лес всё-таки) женщин, а замыкали колонну трое мужчин, несущих в руках, на плечах и на шее разнообразные сетки, пакеты и рюкзаки с припасами. Один Олег шёл налегке, мотивируя свои привилегии тем, что не может уронить своё офицерское достоинство даже в лесу, взяв в руки что-либо, кроме табельного оружия.

Объяснения были поняты народом, хотя и не без ворчания и иронических реплик. Олег подсластил пилюлю тем, что обещал защитить всю команду от волков, которые недавно (по слухам) здесь сожрали с голодухи собаку, и даже обещал показать её обглоданные косточки. На кости компания смотреть отказалась, но женщины (не без кокетства) потребовали, чтобы Олег достал своего друга «макарова» и избавил их от участи несчастной псины.

...Олег достал из сейфа свою записную книжку, папку с бумагами и стал одеваться. На днях он, наконец-то, купил себе зимние ботинки. Он всегда помнил, что театр начинается с вешалки, а настоящий джентльмен - с хорошей обуви. Но эти ботинки он купил второпях (зима навалилась, как обычно, внезапно), и когда, наконец, влез в них, понял, что выбросил деньги на ветер. «Шузы» были той самой народной модели, которая во все времена в нашей стране называлась «Прощай, молодость!». Но другого ничего не было и пришлось обуться в эти уродливые, пузатые, чёрно-болотного цвета башмаки. Олег

сразу же почувствовал себя лет на 10 старше. (Таково свойство обуви, как, впрочем, и одежды. Они могут тебя сделать молодым, а могут состарить так, что тебе начнут уступать место в общественном транспорте.)

Взяв папку, Олег вышел, решив прогуляться пешком до здания администрации. Времени было с запасом, да и хотелось немного размяться перед многочасовым сидением.

Улица встретила его шумом машин, холодным сырым воздухом, лужами оттаявшей воды на ледяном асфальте, который коммунальные службы опять забыли «подсолить» или «попесочить». Только здесь, ступая по снежной коре бугристых тротуаров, он оценил несомненные защитные свойства своих «бахил» и смирился с тем, что они никак не вяжутся с общим стилем его одежды. Как говаривала в уже далёком его детстве бабушка главное, чтоб ноги были сухие.

Все эти дни Олег, когда ехал куда-то или шёл, всматривался в номера машин, в надежде увидеть Ольгин «жигулёнок». Она обычно сама сидела за рулём, но водила автомобиль так, что вслед ей неслись самые изысканные ругательства, к которым она, впрочем, привыкла. А если уж дело доходило до выяснения отношений, Ольга использовала свой главный и неотразимый аргумент - улыбку теледивы, от которой мужики сразу терялись и становились сговорчивыми и галантными, зато женщины приходили в ярость.

...Её машину Олег неожиданно заметил около небольшого кафе, открытого всего несколько дней назад. Сквозь лобовое стекло ему удалось разглядеть Ольгин силуэт. Он почувствовал, как ёкнуло сердце и кровь прилила к лицу, сбилось дыхание. *«Сейчас она выйдет, а я в таких уродливых стариковских ботинках»*, - почему-то мелькнуло в его голове. И в то же время он с надеждой подумал, что сейчас она заметит его, и, может быть, всё объяснится и вернётся на круги своя. И когда Олег был уже совсем рядом, задняя дверь Ольгиной машины

внезапно открылась, а из кафе выбежал какой-то высокий парень лет 28 и, широко улыбаясь, сел к ней в машину.

Олег стоял, задохнувшись от ревности, не зная, что предпринять. *«Как глупо! В общем, вот тебе и объяснение тому, что произошло. А ты всё лезешь в какие-то психологические дебри. А всё очень даже просто! Ты уже немолод и, видимо, поднадоел, а тот - её сверстник, может быть, даже немного помоложе. А тягаться с молодёжью по этой части - дело безнадежное...»*.

Когда Олег поравнялся с машиной, он понял, что Ольга заметила его, но не вышла, не объяснила ему ничего, а просто завела машину и уехала...

Когда много работаешь, думать о своих душевных переживаниях некогда, только иногда вдруг захлестнёт тоска, да такая, что хоть волком вой. Ан нет, вместо волчьего воя в кабинете раздаётся телефонный звонок, и тебя опять начинают невольно втягивать в круговорот дел, а твой биологический компьютер, именуемый в просторечии мозгами, вновь начинает поиск решений, производя миллиарды операций в секунду.

Олег, по своей природе, был человеком эмоциональным. Знак Водолея, под которым он родился, предполагал в нём натуру творческую, склонную к вечному самоедству даже по поводу таких вещей, о которых и думать-то не стоило. Но профессия научила его сдержанности, умению договариваться с людьми, быть спокойным и приветливым даже там, где созданы все условия для эмоционального взрыва. Олег почти никогда не повышал голоса ни на близких людей, ни на подчинённых, но и сам не терпел, когда с ним говорили хотя бы на полтона выше.

Разлад, а затем и разрыв с первой женой произошёл у него именно тогда, когда она внезапно, по какому-то пустяковому

поводу, начала кричать на него. Олег тогда не придал особого значения этому случаю, но подобные сцены начали повторяться с обидной регулярностью, и из их отношений ушло то главное, что заставляет людей жить вместе — любовь. Ещё некоторое время в них по инерции срабатывало чувство долга и дружбы, но потом и это чувство иссякло... Они расстались без сожаления и обид.

...Олег стоял у окна своего кабинета. Стёкла были забрызганы мелкими каплями зимнего дождя, которому надумалось вдруг пролиться над заснеженным городом в канун Нового года. Тёмные зимние тучи бесцеремонно закрыли солнце, и день больше походил на сумерки. В такой день хорошо ругаться с кем-нибудь или долго и нудно выяснять отношения, цепляясь за каждую фразу собеседника и точно припоминая, что он сказал 15 лет назад, когда обещал вернуть занятую до завтра трёшку.

По мокрому, временно освободившемуся от снега, асфальту шли группками студенты института, расположенного неподалёку. Несмотря на мрачную погоду, девушки улыбались, о чём-то весело разговаривая друг с другом. Олег подумал, что не отказался бы на денёк снова побыть студентом, вновь почувствовать себя молодым и беззаботным парнем, у которого так много всего впереди...

Когда-то, в студенческой юности, он мечтал стать учёным, и всё шло к тому, что он поступит в аспирантуру, а там, там... Впрочем, он тогда слабо представлял себе жизнь учёного с её вечной борьбой за место под научным солнцем, интригами коллег и диссертациями, которые никогда не будут востребованы. Всё это он понял лишь потом, когда со стороны наблюдал за жизнью научных коллективов, и ему стало ясно: в том, что он не стал учёным, повезло как ему, так и науке, которая преспокойно обошлась без него в годы так называемого зас-

тоя, а затем стала тихо умирать от бескормицы в годы перестройки и демократии.

«Однако, в голове, как на замусоренной площадке - хоть метлой выметай», - подумал Олег.

Сейчас ему предстояло решить: звонить Ольге или нет. Сегодня был день её рождения - 28 лет. Он понимал, что она, наверное, всё-таки ждёт, что он поздравит её, скажет обычные в таких случаях слова. Но как пересилить себя, перешагнуть через то унижение, которое он испытал, увидев её в машине с тем парнем? И опять почему-то вспомнились старики-ботинки, в которых он был тогда, и которые она наверняка заметила - на что другое, а на обувь она всегда обращала внимание, бросив как-то реплику, что если увидит его в стоптанных или нечищенных ботинках, то сразу бросит.

Он горько усмехнулся - дались ему эти ботинки... После того случая он забросил их в дальний угол шкафа, стоящего в кабинете, и теперь носил модные туфли на тонкой подошве, которые были по-французски элегантны, но на улице промокали сразу. Впрочем, по улице он почти не ходил, предпочитая перемещаться на машине.

«Да, машина - это, пожалуй, выход! Да и красиво будет. «Я послал тебе чайную розу в бокале» - вот решение. Блок был далеко не дурак... Эффект, конечно, дешёвенький, но главное, разговаривать не придётся...».

Олег вызвал машину, доехал до ближайшего цветочного киоска, ухлопал последние карманные деньги на дорогую голландскую розу, вложил в празднично шуршащий пакет открытку, где типографским способом были напечатаны стандартные поздравления, и попросил шофёра отвезти всё это Ольге, объяснив, как её отыскать на студии.

Водитель вскоре вернулся, доложив, что выполнил задание, а на немой вопрос Олега ответил: *«Принято с улыбкой и благодарностью. Больше ничего. - И добавил с какой-то*

грустью: - Ну и красивая же она!».

«Да, красивая, - подумал Олег, но подумал как-то отрешённо, как о чём-то таком, что уже не имеет к нему прямого отношения. Так, наверное, он мог бы подумать о прекрасной античной статуе: - *Очень красива, само совершенство, но она всегда будет стоять в музее и никогда - у меня в комнате*».

Олег открыл ящик стола, где обычно у него лежали личные вещи - разные дорогие сердцу безделушки и фотографии, и достал оттуда толстую затрёпанную книжку, в которой между пожелтевшими страницами хранились, как засушенные цветы, фотографии Ольги. Она была очень фотогенична, а природная пластика позволяла ей выглядеть так, как будто она всю жизнь только тем и занималась, что позировала перед фото- и кинокамерами. Олег подержал в руках каждую фотографию, всматриваясь в её улыбающееся, такое тёплое и уже такое чужое лицо. И лёгкая грусть уступила место злой тоске. Он понимал, что в его жизни заканчивается что-то очень важное, может быть, даже главное, что даётся людям. Одним на всю жизнь, другим на год, а чаще всего на недолгое время. Да, всё кончено. Если уж она не воспользовалась поводом связаться с ним после своего дня рождения, то ждать больше нечего.

В прошлом году, когда у них произошла крупная размолвка, как раз в день её рождения, всё было иначе. Они встретились с Ольгой на каком-то парадном мероприятии, которое она снимала, и, увидев Олега, едва кивнула ему и сразу же отвернулась. Олег отнёс её холодность к деловому настрою, да и сутолока там была немалая... Он подошёл к ней в перерыве, поздравил с днём рождения и подарил ей крохотную изящную зажигалку. Ольга, как всегда, искренне обрадовалась подарку и поцеловала его в щёку. Она выглядела обворожительно, изрядно поработав над собой с помощью приличного визажиста. Олег глаз не мог от неё отвести... Едва дождавшись конца мероприятия, он подошёл к ней снова и предложил встретиться

хотя бы на полчаса. Ольга засмеялась, но как-то неестественно, и сказала, отводя глаза в сторону, что занята, и у неё сегодня гости.

- Да и вообще, - добавила она неожиданно. - Пора нам с тобой всё заканчивать, милый! У меня всё хорошо, а ты только усложняешь мою жизнь...

Олег был поражён тем цинизмом, с каким она сказала это ему, мужчине, которому ещё несколько дней назад шептала в постели самые ласковые слова. (Хотя она никогда не говорила, что любит его.) Олег тогда обиделся и ушёл, оставив её собирать аппаратуру вместе с оператором. Он не воспринял всё это всерьёз, но, в то же время, понял тогда, как легко и просто может всё закончиться. Всё, чем жил он в последнее время... Это был, пожалуй, самый тягостный день рождения, который довелось ему пережить на своём веку. На другой день он зашёл пообедать в соседнее кафе и неожиданно для себя увидел Ольгу.

- А я ждала тебя, - сказала она, как ни в чём не бывало. - Давай сегодня увидимся, я очень соскучилась.

Олег молча кивнул, хотя в душе был очень рад, что всё так хорошо закончилось. Она была хозяйкой положения и чувствовала это, используя свои преимущества в полной мере. Да, она была опытным игроком...

* * *

...Зима-зима, какая же ты длинная у нас, в средней России! Уже в конце сентября ты начинаешь напоминать о своём скором появлении. Как властная хозяйка, решившая сделать дома капитальный ремонт, ты снимаешь нарядные зелёные чехлы с лугов и деревьев, завешиваешь голубое небо серыми простынями облаков, моешь окна дождями, а затем, притомившись от работы и побелив всё, что только можно, успокаиваешься на время. Люди достают тёплые пальто, дублёнки и шу-

бы, пахнущие нафталином, который, впрочем, почти не причиняет вреда нашей российской моли, привычной и к более сильным ядам. Наша моль питается нафталином столь же охотно, как мехом и кожей. Он для неё вроде витаминной добавки, от которой она лишь тучнеет и увеличивает свою прожорливость. Вам ещё повезло, если где-то на шапке или шубе вы заметили только крохотную дырочку, которую легко устранить, а не заметную плешь на самом видном месте. Именно эти места почему-то особенно любит моль, вводя нас в уныние и непредвиденные расходы...

Зима - время, когда большинство людей сосредоточивается на себе, на своих проблемах житейских и рабочих, и только изредка, в предчувствии весны, кольнёт вдруг сердце под вечер, который так приятно проводить, закутавшись в плед и прихлёбывая ароматный чай, одним глазом поглядывая на бесконечные мексиканские или бразильские страсти, настолько далёкие от нас, что становится приятно от сознания: ты здесь, в заснеженном промёрзшем городе, а не в жаркой Бразилии или Мексике, и тебе так хорошо и спокойно... Впрочем, когда на экране мелькнёт тёплый синий океан, то сразу вспомнится последняя поездка на юг, беззаботные летние деньки, мимолётные встречи, едва не перевернувшие твою жизнь, которая всё-таки устояла, слегка покачавшись вправо-влево.

Мой приятель, любитель курортных романов, умел цветисто расписывать женские прелести, и особенно то, как он был влюблён в очередную красавицу, встретившуюся на юге, тем не менее, женился довольно поздно на женщине, живущей в соседнем подъезде, которая по своим внешним данным никак не могла соперничать с курортными дивами. Я как-то спросил, почему он не женился на одной из тех курортных красавиц?

- *Что тебе ответить?* - сказал он. - *Понимаешь, большую роль играют декорации, в которых разыгрывается пьеса под названием Любовь. Я несколько раз ездил после курор-*

та в другие города и встречался там с теми, кого безумно любил на юге. И что же? Увидев свою пассию осенью, закутанную до подбородка, с покрасневшим от холода носом, я чувствовал, что всё меньше и меньше хочу её видеть. А потом, пообщавшись, замечал вдруг, что всё не то. Она совсем не та, какой казалась там, на юге, глаза маленькие, а ноги короткие, да и поговорить, в общем-то, не о чём. Так всё и не складывалось... Зато со своей Танечкой я познакомился в театре, проводил до дома, и то только до подъезда. Поговорил с ней и понял, что здесь декорации не играют никакой роли. Она мне понравилась, а потом я её полюбил. В общем-то, не жалею. Хотя на юга мы ездим только вместе, чтобы лукавый не попутал...». Сказал он это с некоторой грустинкой, как старый боец, вспомнивший свои былые победы в давно отгремевших битвах.

Впрочем, зима хороша уже тем, что она всё-таки кончается, и начинается лучшее время года, называемое весной.

«А до весны ещё далеко», - с грустью подумал Олег, повертел в руках фотографии улыбающейся Ольги, ещё раз взглянул на каждую из них, а затем решительно порвал в клочья и выбросил в мусорную корзину. И ему стало легче. Правда, ненадолго.

* * *

От тётки Олегу достался целый ворох старинных пластинок, давно ставших раритетами. Он сидел в своей комнате, перебирал их, раздумывая над тем, выбросить их или оставить у себя (против чего активно возражала жена), и склонялся к тому, чтобы, в виде исключения, согласиться с ней... От нечего делать он решил проиграть некоторые из этих редких вещей на случайно сохранившемся дома проигрывателе «Аккорд», сделанном в тогда ещё советской Прибалтике. Песни в исполнении Робертино Лоретти и мелодия албанского танго конца

50-тых просто заворожили его. После этих пластинок пошли ещё более старые, по-видимому, выпущенные ещё в начале 50-тых годов прошлого века. Он достал одну из таких древностей - с песней о Сталине. Она была почти лишена мелодии и звучала как-то жалобно, несмотря на то, что советские колхозники хором выражали восхищение своей жизнью и приглашали любимого вождя приехать к ним - посмотреть, как замечательно они живут. Но Сталин, как известно, не очень любил покидать пределы столицы, и колхозники вряд ли могли вживую рассказать ему о своей счастливой жизни...

А дальше пошли уже совсем старые пластинки, довоенные, шипевшие, как рассерженные потревоженные змеи. Но сквозь шипение и треск ясно прослушивалась главная мысль той эпохи: *«Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...»*.

Олег, выросший в 70-тые, подобных песен никогда раньше не слышал. Музыкальное сопровождение его жизни состояло из песен Александры Пахмутовой, которые он полюбил навсегда и частенько напевал про себя, и «битлов», подаривших его поколению какие-то новые, с трудом пробивающие «железный занавес», ритмы. Хотя те, битловские пластинки «на костях», то есть самодельно записанные на ненужных рентгеновских снимках, шипели не хуже довоенных, а просвечивающие «кости», особенно «рёбра», напоминали о бренности существования на нашей Земле. Но кто думает об этом в юности?.. Музыка захватывала без остатка, делала весёлым, энергичным и уверенным в себе.

На самом дне картонной коробки, где хранились старые пластинки, он, к своей неопишуемой радости, увидел ту самую, с записью забытого шлягера 60-тых годов «Маленькая девчонка» из югославского фильма «Любовь и мода». Сам фильм был пустяшной подделкой под цветистые ленты Голливуда, но песня, прозвучавшая на таком похожем, и всё же непонят-

ном языке, покорила страну. Вечерами из каждого окна лился голос Иво Робица, певшего о маленькой девчонке, которой нравилось летать на самолётах.

Олег сначала решил сохранить только эту пластинку, тем более, что именно с этой песней в маленьком студенческом ансамбле он впервые выступил как солист и имел, как тогда говорили, бешеный успех. Девчонки наперебой назначали ему свидания, чего раньше никогда не случалось, а парни слегка завидовали. Но всю великую силу искусства Олег, в то время студент-первокурсник, познал тогда, когда самая красивая девушка, которую все звали СОДИ (шутливая аббревиатура от слов «самая оригинальная девушка института») и на которую он боялся даже смотреть, зная свою влюбчивость, подошла к нему после концерта, познакомилась с ним и даже поинтересовалась, где он будет встречать Новый год. Олег, вообще-то, собирался уехать домой, но такое с ним случилось впервые, и он что-то вдруг придумал на ходу, предложив ей встретить Новый год с ним. Олег только потом понял, какую глупость он совершил, поскольку сразу влюбился в неё, и когда она через пару месяцев неожиданно выскочила замуж за молодого офицера, отбывавшего за границу к месту службы, он долго не мог найти себе места.

...Они встретились снова через пять лет, когда Олег, уже молодым офицером, в минуту грусти забрёл в садик перед институтом, чтобы немного подышать воздухом студенческой свободы. Стоял погожий осенний денёк, на лавочках вокруг клумбы сидели парни и девушки, наслаждаясь последним теплом, весело болтая друг с другом перед лекциями или листая конспекты, чтобы суметь хоть что-нибудь ответить на семинаре. Олег в этой атмосфере немного отогрелся сердцем, пообщался со знакомыми, которых у него здесь было великое множество, и, почувствовав себя отдохнувшим душой и готовым к новым свершениям в службе, не торопясь отправился на ра-

боту. Мимо него прошла молодая, хорошо одетая женщина, в лице которой было что-то неуловимо знакомое. Олег поравнялся с ней, мельком взглянул и пошёл дальше. Когда услышал, что его окликнули, оглянулся удивлённо и опять посмотрел на женщину, которая стояла и грустно улыбалась ему: *«Олег, ты что, не узнал меня, или притворяешься?»*

- *Господи, Ирина, ты, что ли?* - только и смог произнести Олег.

- *Я, я, - опять улыбнулась она. - Что, сильно изменилась?*

... Это уже потом Олег научился лицемерить и щадить женщин и их самолюбие, когда дело доходило до ответов на подобные вопросы. Но тогда он только и спросил: *- Что хоть с тобой случилось-то?..*

От её ослепительной красоты почти ничего не осталось. *«Может, она мне просто казалась тогда такой?»* - подумал Олег, но тут же отогнал прочь эту мысль. Ведь ей восхищалась вся мужская половина института, включая преподавателей, как молодых, так и не очень.

- *Ну, как сложилась жизнь, госпожа офицерша? Муж уже в майорах, наверное, не меньше?* слегка растерявшись, спросил он.

- *Не меньше, - улыбнулась Ирина. И в этой улыбке, в прихотливом изгибе слегка припухших губ, которые он когда-то целовал, угадывалась прежняя красавица, знавшая цену своей красоте и любившая, когда её оценивают другие.*

- *Ну, где ты сейчас, в каких краях?*

- *Возвращаемся из Германии. Там муж прослужил пять лет, да и я с ним. За границу ему надо было ехать женатым, вот мы и поженились тогда так скоропалительно, - как бы оправдываясь за прошлое, сказала она.*

- *Ну, это так по-военному. Пришёл, увидел, победил! И - как честный человек женился...* - Оба засмеялись довольно плоской шутке. Олега уже немного тяготил этот разговор с же-

нщиной, которую он когда-то любил так, как могут любить только в юности. Мучился, когда она, промелькнув в его жизни, как метеорит в звёздном небе, вдруг пропала, чтобы никогда больше не появляться. Олег собрался было откланяться, но что-то не до конца понятое, какая-то недоговорённость оставили его. И он отважился спросить: - *Ирка, дело прошлое... Ты видела, как я втюрился в тебя тогда, хотя понимал, что я не пара тебе. Почему ты со мной встречалась почти месяц, да ведь и не просто встречалась, а потом так скоростно вышла замуж за почти незнакомого «финика»?*

- Ну и ты пойми. Я ведь тоже тогда была совсем молодой. Мне едва восемнадцать исполнилось. Мне нравилось, что ты в центре внимания, что подружки мои по тебе вздыхали. Но что ты тогда мог мне предложить, студент-первокурсник с сомнительной перспективой? А тут - парень серьёзный, солидный, обещал комфортную жизнь в Европе...

- Ну-ну, неужто так банально - всего лишь брак по расчёту?

- Не знаю. Мне казалось, я его любила, да и сейчас, наверное, люблю... Помнишь игрушку кубик Рубика? Кто-то за нас складывает одноцветные стеночки нашей жизни... В общем, я родила троих детей, навалилась куча забот, институт пришлось бросить. Вот, приехала восстанавливаться. Мужа вернули в Союз, и мы через три дня уезжаем в Забайкальский военный округ.

- Да, это обычная практика. После европейского комфорта и вдруг Забайкальские сопки. Невесело...

- Ничего, - сказала Ирина, поправив рукой волосы. - Ведь я - офицерская жена, и это тоже профессия. Пережила Европу, переживу и сопки...

- Дай-то Бог! - сказал Олег, заглянув в её глаза, похожие на две влажные маслины, которые когда-то сводили его с ума, а сейчас почти не трогали.

Они сухо попрощались и больше уже никогда не виделись.

...Олег ещё раз перебрал все пластинки, обтёр каждую цветастой тряпчочкой и подумал: *«Пусть себе лежат...»*. Он сложил их в аккуратную стопочку, рассортировав по годам, а сверху положил маленькую заезженную пластинку с песней «Девочка мала». Его тётке эта песня тоже, по-видимому, нравилась...

* * *

Через несколько дней наступал Новый год. Для Олега это был единственный праздник, во время которого к аппетитным запахам праздничных блюд не примешивались политические ароматы, и из своего достаточно незатейливого лица ему не нужно было делать лицо официальное, ездить на торжественные заседания, слушать, а иногда и самому произносить поздравительные речи, которые никого не волновали, но были необходимым атрибутом, как хлеб к обеду, без которого ни один русский человек не сядет за стол.

Закончив неотложные дела, Олег стал прикидывать, что подарить жене и детям, и где взять ёлку, без которой он сам мог бы вполне обойтись, но его потомство, хотя уже и выросло давно, требовало, чтобы в гостиной непременно стояло это вечнозелёное дерево, которое появлялось в российских городах и весях только в двух случаях: в Новый год и на похоронах, когда ветками ёлок, по какой-то древней традиции, устилали тротуар или землю перед домом усопшего. Именно из-за этого Олег недолюбливал запах еловой хвои, но в Новый год ёлка пахнет по-другому - празднично и вкусно.

По традиции, установившейся в семье, ёлку всегда покупал он сам, привозил домой тайком, а затем, как бы невзначай, просил детей выйти на балкон и взглянуть на лесную красавицу. Весёлые хлопоты, особенно украшение ёлки игрушками и мишурой вносили в его дом, пусть и не надолго, мир, покой и

тихую радость.

На улице наконец-то, впервые за этот месяц, появилось зимнее холодное солнце, и на душе стало веселее, а все его сердечные переживания на какую-то минуту показались ему причудой стареющего мужика - не больше того. Он поймал себя на мысли, что всё реже вспоминает об Ольге и уже не вглядывается в номера машин, проносящихся мимо, в надежде увидеть её «жигулёнок», а, если повезёт, то и её саму... Да и звонок, тот единственный звонок, ждать почти перестал. Он всё чаще думал о том, что с ним произошло, в прошедшем времени, и чувство освобождения и покоя понемногу наполняло его душу.

Олег позвонил своему приятелю и поинтересовался, купил ли тот ёлку, а услышав отрицательный ответ, предложил съездить вместе на ёлочный базар. Приятель, немного поколебавшись, согласился. Ему, в отличие от Олега, нужно было отпрашиваться с работы, а это не очень-то весёлое занятие, поскольку редкий руководитель - от самого маленького до самого большого - не сделает при этом кислое лицо, а затем, как будто давая взаймы деньги, которые не надеется получить назад, даёт наконец разрешение.

Сашка, старый друг, несколько лет назад снявший погоны, устроился на работу к процветающему фирмачу, который сделал его своим заместителем по всем вопросам, кроме коммерческих, коими занимался исключительно сам. Зарплату он платил вполне приличную, и Сашка, наконец-то, зажил по-людски. Очень скоро из худого оперативного начальника среднего уровня он превратился в холёного, хорошо одетого, откормленного джентльмена, который неожиданно стал нравиться молодым женщинам, если раньше и обращавших на него внимание, то исключительно как на представителя власти, от которого ждали не мужского внимания, а помощи в беде.

Олег вышел из здания и сразу увидел Сашку, стоявшего на

крыльце: - Привет, давно ждёшь?

- Минуту, как подъехал.

- Как мы ёлки-то повезём, давай я возьму «уазик».

- Иди ты со своим «уазиком»! И вообще, я против использования твоего служебного положения в наших личных целях.

- Ладно, не выделяйся, как всё это везти?

- На крыше, у меня там багажник.

- Что-то не припомню в твоём лысом «москвиче» ничего такого...

- Причём тут «москвич»? У меня уже три дня, как «Тойота»!

- Показывай-показывай, как ты живёшь не по средствам!

- Как раз по средствам, была бы возможность, взял бы «БМВ»! Вот машина так машина...

- Да, боевая машина воров...

- Да иди ты, знаешь куда?..

- Куда?

- Иди в запас, уже немолодой. А ведь ни дачи, ни машины приличной нет!

- Все разбегутся, а служить-то кто будет?

- Найдутся, а ты своё уже оттрубил!

- Кончай похоронную тему, давай уже поедом, а то у меня всего полчаса - совещание ещё провести надо...

Сашка, побывавший в двух горячих точках, где не раз пуля или осколок бандитского фугаса могли пробить ему башку, в конце концов заслужил мирную и спокойную жизнь без забот о куске хлеба и литре бензина, но сам Олег к такой перемене в своей жизни ещё не был готов. Как пел один его приятель в сочинённой им же песне: «Нам ещё не жмут погоны, мы хотим ещё служить...».

Ёлочный базар располагался в пяти минутах езды. «Тойота» шла мягко, без толчков и вздрагиваний, а Олегу как будто

чего-то не хватало. Хотя надо отдать должное японцам несмотря на некоторую узость глаз, у них совершенно правильный взгляд на жизнь, по крайней мере, в части комфорта своих автомобилей...

Ёлок было много. Они стояли дружными рядами, воткнутые прямо в сугробы, одним своим видом создавая праздничное настроение, но цены на них были прямо-таки запредельные... Какие-то пожилые люди в потёртой одежде, бывшей когда-то нарядной, молча и грустно рассматривали ёлки и иногда робко спрашивали у мордатого продавца, можно ли взять еловые ветки, которые он отрубал от слишком больших ёлок, чтобы покупателям не пришлось отрезать их дома при установке. Мордатый, видимо, был в хорошем настроении и милостиво позволил разобрать эту зелёную благодать. Люди торопливо стали выбирать ветки покрупнее и попушистее, а одна бабуля набрала целую охапку, связала верёвочкой и быстрым шагом - своя ноша не тянет - пошла восвояси.

Делать было нечего: Олег и Саша заплатили за приглянувшиеся ёлки мордату, погрузили их на крышу машины, надёжно привязав к трубам багажника, и поехали развозить их по домам. Когда заехали за угол, Олег увидел ту самую старушку, которая, проникнувшись современным духом предпринимательства, развернула бойкую торговлю еловыми ветками возле гастронома. Вокруг неё уже толпилась группа покупателей, в том числе и прилично одетых, и Олег искренне пожелал коммерческих успехов этой последней надежде русского капитализма со старушечьим лицом...

Когда Олег вернулся в управление, к нему в кабинет зашла секретарша, миловидная женщина средних лет, готовившая удивительно вкусный кофе и знавшая обо всех почти всё. Её природная мягкость, улыбчивость и умение слушать сразу давали собеседнику редкий шанс, что его наконец-то поймут, в

то время как вся предыдущая жизнь прошла без понимания и участия. Именно поэтому мужики, как молодые, так и не очень, любили поплакаться ей в жилетку, и, соответственно, делали её осведомлённой обо всём, что происходило в учреждении.

- Олег Николаевич, завтра к 10 вам надо быть в Москве.

- У кого?

- У зама.

- Что за вопрос?

- Я не знаю, конечно, но мне думается, что кадровый.

- С чего вы взяли? - спросил Олег раздражённо.

Секретарша понизила голос до полушёпота: - Шеф разговаривал с Москвой, отнекивался по вашему поводу, отпустить не хочет...

Олег закусил губу, зачем-то взял со стола ручку, повертел её в руках и положил на место. Затем встал, подошёл к окну. Секретарша продолжала стоять, видимо ждала, что он хоть как-то прореагирует на это известие, но Олег молчал. Тогда она спросила: - Я пойду?

Олег кивнул, пробормотав: - Спасибо за информацию.

Кадровый вопрос - это значит перемещение куда-либо на параллельную должность или повышение. Ни то, ни другое Олега, что называется, не грело, так как было связано с хлопотами, от которых он уже порядком устал.

«Не дожждётся, - подумал он. - Никуда не поеду, хватит с меня!»

За время службы он уже трижды переезжал из одного города в другой и сейчас остро почувствовал, что время, когда ему были интересны новые города, когда хотелось начать всё с чистого листа, на котором нет ни одной записи о твоих старых служебных грехах, прошли, и что уехать он уже не сможет. Дети учились, жили дома. Жена, наконец-то, нашла приличную работу, на которую чуть ли не молилась, да и сам он уже перегорел... Ехать куда-то на 3-4 года, чтобы к 50-ти закончить слу-

жбу и возвратиться назад? Он знал, что при возвращении через несколько лет на родину, потери, обычно, бывают невосполнимы. Друзья отходят от тебя, знакомые забывают, и всё приходится начинать сначала. А это Олег уже проходил и, кажется, прошёл...

Успокоившись немного, он зашёл в кабинет к шефу. Тот, по-видимому, ждал его и был в мрачном расположении духа, поскольку ему тоже не улыбалось остаться без зама и тянуть оперативную телегу за двоих.

- Ну что, сорока тебе уже настрекотала?

- Да, товарищ генерал.

- Как мыслишь?

- Никак. Сначала надо выслушать их, а потом уже что-то решать. А, в общем-то, если предложат переехать, наверное, откажусь.

- Ты знаешь наши обычаи - раз откажешься, больше уже не предложат.

- Семён Иванович, мне через три года «полтинник»! Все карьерные мысли уже позади - как дымок от выхлопной трубы...

- Что это ты крест на себе ставишь?

- Да не я, а биология. Биочасы внутри работают и показывают без пятнадцати полночь.

- Да будет тебе. Я вот генерала получил в 49, и ничего.

- Ну, вы же знаете, генерал - это не звание, это счастье. Ведь когда служба подходит к концу, большого значения не имеет - полковник ты или генерал: впереди маячит одно и то же. Какая-нибудь замухрышистая должность в администрации либо, если повезёт, сносное место в какой-нибудь компании, где никому не будет дела до того, кем ты был на службе, сколько у тебя орденов, и как твоё здоровье.

- Да брось ты хныкать, как тётка в очереди, которой чего-то не хватило. Поезжай, выслушай, прими решение. Я

ничему препятствовать не буду...

- Спасибо на добром слове. Разрешите идти?

- Да, я дал команду, чтобы тебе запрягли мою «Вольво». «Лошадка» добрая, доедешь быстро, да и солидней как-то для будущего генерала.

- Хорошо, - только и сказал Олег и вышел из кабинета.

Кабинет замминистра находился на втором этаже, где располагалось всё руководство, включая Самого. Пройти туда можно было только по спецпропуску, и только в том случае, если тебя вызывали. Никаких простецких заходов к руководителю здесь быть не могло. Обстановка такого рода всегда немного напрягает даже закалённого человека. И Олег, войдя в просторную приёмную, тоже немного нервничал. Офицер в приёмной назвал его по имени-отчеству и сказал, что замминистра примет его через 10 минут, сразу после совещания, и предложил чашку кофе. Олег не отказался, сел в кресло и стал попивать кофе, который ему принесла молоденькая девушка с достаточно невзрачным лицом и подчеркнуто выдерживающая деловой стиль в одежде - никаких излишеств, кроме маленького, едва заметного красного шарфика на шее. Олегу, почему-то, пришло в голову, что это яркое красное пятнышко было похоже на запрещающий знак светофора.

Девушка спросила Олега: - *Что-нибудь ещё?*

Олег, чтобы как-то успокоиться, выдал бессмертную реплику Винни-Пуха: - *А разве у вас ещё что-нибудь есть?*

Девушка не приняла игры, а только сказала: - *Есть бутерброды. Если вы с дороги, можете перекусить. Совещание продлится ещё полчаса, не меньше.*

- *Это по многолетним наблюдениям?*

- Так как насчёт бутерброда? - невозмутимо ответила она вопросом на вопрос.

- Пойдёт, - сказал Олег и пошёл за ней, держа чашку с ко-

фе в руке, в небольшую комнатку, расположенную рядом.

- *Давайте, конечно,* - поддержал его офицер. - *Они там, кажется, здорово разговорились...*

Прошло уже полчаса, а дверь кабинета всё никак не открывалась. В приёмную вошли ещё несколько человек, солидных мужиков - все с хорошими кожаными папками для бумаг, вызванные к определённому времени. Всем было известно, что зам (при всей своей интеллигентности) особо не церемонился, когда дело доходило до разбора различных проколов. Поэтому люди, сидящие в приёмной, напоминали Олегу пациентов стоматологического кабинета. Очень хочется уйти под каким-нибудь удобным предлогом, а нельзя - сиди и жди, пока безжалостный дантист не вырвет тебе зуб, не позаботясь о наркозе. Лица у всех были такие, как будто на обед им дали одну клюкву, а на десерт предложили клюквенный сок без сахара.

Наконец дверь открылась. И оттуда начали выходить взвинченные очередной накачкой люди. Что они думали при этом, один Бог знает.

Девушка зашла с чашкой кофе и блюдечком сухого печенья в кабинет, через несколько минут вышла и, обращаясь к Олегу, тихо сказала: - *Проходите, пожалуйста!*

Олег зашёл в кабинет, встал у двери и сказал традиционное: - *Разрешите войти?*

- *Входите, входите,* - ответил хозяин кабинета. Он вышел из-за стола и сам пересел за маленький приставной столик, жестом предложив Олегу устроиться напротив. Это обычно делалось тогда, когда вышестоящий хотел выказать особое расположение к собеседнику и давал понять, что разговор будет носить полуофициальный характер.

Олег зама видел впервые. Его поразило то, что тот оказался сравнительно молодым человеком (не старше 40) с густой, хотя и седоватой, шевелюрой. Олег про себя отметил, что на зама был очень дорогой костюм, сидевший на нём, впрочем,

как на манекене.

- Ну что, разведку, наверное, провели и знаете причину вызова? - спросил зам.

- Конечно, - не стал лукавить Олег. - При моём-то стаже работы и не ковырнуть информацию...

- Ну, так что? Есть настроение подняться на ступеньку выше?

Олегу почему-то не к месту пришло в голову четверостишие Виктора Бокова, которое он когда-то слышал на авторском вечере поэта, и которое сейчас вдруг рискнул процитировать, учитывая полуофициальный тон разговора: - *То тебя в генералы, То тебя в рядовые. То тебе гонорары, То тебе чаевые...*

Зам заулыбался: - Ох, уж эти мне конторские интеллектуалы. Вечно у них наготове что-нибудь литературно-ехидное!

- Так и вы, Павел Фёдорович, тоже из конторы!

- Было дело, - улыбнулся зам. - Было, да прошло... У нас возникла необходимость укрепить новыми кадрами одно управление - за Уральским хребтом. Причём кадрами с конторским прошлым. Вы - не единственный кандидат, так что никакого насилия. Просто подумайте, для вас это хороший карьерный рост, должность генеральская, но я прекрасно понимаю, что сдвинуться с места Вам будет тяжело...

Зам ещё четверть часа посвящал Олега в тонкости обстановки в Управлении, и ещё раз подчеркнул: «Решение за Вами. - Потом, отхлебнув вконец остывший кофе, неожиданно произнёс: - А ведь мы заочно знакомы с Вами, Олег Николаевич!»

- Извините, не припомню, товарищ генерал! Может быть, на какой-нибудь совместной операции?

- Да нет, просто мы с Вами заканчивали один институт, только я на восемь лет позднее.

- Ну, - сказал Олег. - *Всё лучшее, оказывается, от нас. Так приезжайте к нам, зайдем вместе в альма-матер. Прикоснёмся к прошлому, а потом обещаю хорошую рыбалку.*

- С удовольствием, но, видимо, это будет не так скоро. - И, уже переходя на более официальный тон, добавил: - *Сегодняшний разговор предварителен, это только информация к размышлению, не больше. Жду Вашего решения через два дня. Отзовитесь в кадровый отдел...*

Зам поднялся, давая понять, что аудиенция закончена.

- Спасибо за предложение, рад был познакомиться, - произнёс Олег первую пришедшую на ум фразу, совершенно забыв про уставные отношения, и вышел из кабинета.

* * *

«Вольво», хоть и созвучна с «Волгой», машина совершенно из другого измерения. И посему считала ниже своего достоинства ехать со скоростью меньше ста сорока километров в час. Олег, воспитанный так, что на первое место всегда ставил безопасность, на этот раз не останавливал шофёра, да и самому ему хотелось поскорее попасть домой, осмыслить всё, что произошло, подумать над тем, что делать дальше. Ему, как любому военному человеку, конечно, было приятно, что о нём вспомнили и дали последний шанс обзавестись двумя красными полосками на брюках, перейти, по сути, в новое качество. Область, в которую ему предложили переехать, была, страшно подумать, где-то в тмутаракани... В прошлые времена приличные люди, если и попадали туда, то только в ссылку. *«Ладно, - подумал Олег. - Два дня - это целых 48 часов: хватит, чтобы всё обкашлять и дома, и на работе...».*

Короткий зимний день закончился, и густая, как кисель, почти осязаемая темень накрыла всё вокруг. До дома оставалось совсем ничего, и Олег начал уже мечтать о горячей ванне и ужине со стопкой коньяка. Машина, слегка притормозив, въе-

хала на узкий мост через реку, когда вдруг внезапный удар по левой стороне «Вольво» опрокинул автомобиль, завертел на месте, как стрелку компаса, и выбросил на обочину. Олег только и успел увидеть ослепительный свет фар, внезапно ударивший по глазам, а дальше - скрежет железа об асфальт и быстрая, как секунда, мысль: *«Господи, неужели я её больше не увижу?»*.

...Машина лежала на боку, успев всё-таки вынести своих седоков с моста. Вокруг не было ни души, и трудно было разобрать в этой кромешной тьме, что же произошло. Московская дорога была оживлённой, но ни одна машина не остановилась, ни один человек не поинтересовался, не нужна ли помощь. Олег, очнувшись, ощупал себя: вроде цел, только содрана кожа на голове да расквашен нос, из которого хлещет кровь, заливая его новый костюм и особенно ценимую им рубашку, которая раньше приносила ему удачу. *«Вот тебе и удача, - горько подумал он. - Впрочем, действительно, удача пронесло, только вот голова гудит»*.

В больнице Олег пробыл несколько часов. Он предварительно позвонил домой, предупредил, чтобы не беспокоились.

«Облицовка пострадала изрядно», - думал Олег, разглядывая своё лицо со свежеобработанными ссадинами. Врач констатировал сотрясение мозга, но предупредил, что окончательный вывод о возможных последствиях он сделает лишь через несколько дней. А сейчас необходимы покой и врачебный надзор, поэтому он настаивает на госпитализации. Олегу очень не хотелось оставаться в больнице, но он подчинился. Дело было нешуточное - всё-таки удар был довольно сильный...

Его отвели в отдельную палату, дали таблетку снотворного и посоветовали уснуть. *«Какое там уснуть»*, - засомнева-

лся Олег, лёжа на кровати, но таблетки взяли своё, и он отключился до утра.

Первым навестил его друг. Когда он появился в дверях, Олег сидел на кровати в раздумьях: «Сейчас умыться или попозже, когда совсем уж проснусь?». От неожиданности он вместо слов приветствия вдруг спросил Сергея (так звали приятеля): - Как ты себя чувствуешь?

- Здорово тебя по башке шарахнули, раз ты мне такой вопрос задаёшь. - рассмеялся тот. - Я-то как раз хорошо, а вот как ты? Врач говорит, что ты, как незабвенный Остап Бендер, отделался лёгким испугом, но с тяжёлыми ссадинами.

- Есть немного. Подожди, я умоюсь и поговорим.

Олег вышел в ванную, привёл себя в порядок и появился перед приятелем уже в нормальном виде.

- Тебе привет передали, - сказал Сергей. - Если это будет способствовать твоему выздоровлению, скажу, от кого.

- Ну...

- Звонили с телевидения. Хотят дать сюжет об этом происшествии. Просили о личной встрече...

- Кто звонил-то? - Олег спросил чисто машинально, хотя уже догадался, кто это мог быть.

- Представилась как Ольга, корреспондент, говорила, что знакома с тобой по совместной съёмке на свалке, где под твоим руководством когда-то крушили ящики с водкой.

- Да, да, - сказал Олег. - Но с такой нефотогеничной физией я на экран не полезу, не дождутся.

- Это точно, не будем портить твой имидж...

После ухода приятеля заехал шеф, просил не дёргаться и отлежаться.

- Но я завтра должен дать ответ заму, - сказал Олег. - Боюсь, что в таком состоянии я решу чего-нибудь не то.

- Не беспокойся, вопрос этот отложили до твоего выздоровления. Позвонишь туда через три недели. Вот и всё.

- Спасибо, - сказал Олег. - Тогда у меня есть время и подумать, и отдохнуть? Полтора года ведь без отпуска.

- Да и разобраться надо, кто же наехал на твою машину? Я дал команду тщательно расследовать этот случай. Кстати, водитель машины, которая вас подбила, и его приятель связаны с поставками палёной водки в наш регион. Учитывая, что ты был в последнее время на острие проблемы и здорово наступил им на хвост, будем прорабатывать и эту версию.

- Да не думаю, товарищ генерал! Они спокойно могли пристрелить меня около дома или в подъезде, как сейчас водится.

- Ладно, не думай об этом, но перед дверью твоей папаты всё это время будут дежурить два наших спецназовца...

- Ну, вот, - пошутил Олег. - А если дама придёт, мало ли что...

- Ничего, - улыбнулся генерал. - С дамами разберёмся. И, попрощавшись, вышел.

Как ни страдал врач Олега возможными последствиями, на Новый год он поехал домой. После больницы и всего пережитого собственный дом показался Олегу тёплым и уютным: он как бы избавил его от всех проблем, оставив их за порогом. «Мой дом - моя крепость», - говорят англичане. И, может быть, впервые в жизни Олег почувствовал великую правоту жителей туманного Альбиона...

Праздник тем и хорош, что готовишься к нему задолго, но уже на другой день, доедая остатки праздничного великолепия, думаешь о том, как завтра поешь хороших русских щей из квашеной капусты с приличным куском хорошо проваренного, беловатого, аппетитно пахнущего мяса... И чай, хорошо заваренный и отстоявшийся в любимом фарфоровом чайнике со

слегка отбитым кончиком носика, кажется божественным напитком. Ведь он приводит тебя в порядок после застолья и настраивает на миролюбивый лад.

Олег, попив чайку, сел в любимое кресло, взял в руки телефон и стал звонить оставшимся недопоздравленными друзьям и знакомым. Времена, когда все посылали друг другу открытки с поздравлениями, давно канули в Лету. В лучшем случае - звонок, в худшем - вообще ничего со ссылками на забывчивость. Поздравив двух своих бывших сослуживцев, Олег стал автоматически набирать следующий номер, и когда он высветился целиком на табло, понял, что набрал номер Ольги. Хотя Олег ждал довольно долго, трубку никто не поднимал. И потом до него дошло, что, скорее всего, у неё на табло тоже высветился его номер, и она просто не захотела разговаривать с ним.

«Вот бабы! - с досадой подумал Олег. - Если вобьют себе что-нибудь в башку, ничем не вышибешь!». Она даже не захотела узнать, как он. Конечно, если бы он валялся в кроватке на дороге после аварии, она с удовольствием бы подключилась со своим жердеобразным оператором и поснимала бы всё это, потом показала в своей передаче, а сейчас он ей абсолютно не интересен. Олег клял себя за проявленную слабость. Вот они - последствия травмы, уже начинают сказываться... Совершаешь поступок, который никогда бы не сделал в трезвом уме и доброй памяти. Пора окончательно выкинуть её из своей раненой головы и успокоиться.

Олег бегло пролистал записную книжку в поисках тех, кого нужно бы ещё поздравить, но не нашёл достойных таких усилий. Когда он попытался засунуть книжку в задний карман брюк, наткнулся на какой-то кусок картона. Он вытащил его на свет Божий. Это была визитка Болотниковой Анастасии.

Олег за суетой последних недель забыл о той встрече в кафе с женщиной, которую он один-единственный раз повстре-

чал ещё тогда, когда та была 15-тилетней девушкой. В визитке было два номера, в том числе мобильный.

«Позвонить, что ли? - подумал Олег. - Просто поздравить с Новым годом! Всё-таки я виноват перед ней, за то, что 20 с лишним лет назад, как она дала понять, испортил её жизнь».

И Олег набрал номер, указанный в визитке. В трубке прозвучало обычное: *- Да, слушаю, Олег Николаевич!*

«Вот техника до чего дошла, - подумал Олег. - Откуда она знает номер моего мобильного?», в трубку же произнёс: - Да, это я! Решил поздравить вас с Новым годом... Вы забыли на столе визитку, и я её, так сказать, приватизировал...

- Я её не забыла, а оставила для Вас - вдруг Вам захочется со мною поговорить когда-нибудь...

Олег подумал: *«Женщина явно задержалась в романтическом возрасте».* Но он не был настроен говорить серьёзно и опять свёл всё к шутке: *- Знаете, пишу сейчас портрет по памяти - девушка с пандышами и хлебом. И думаю, как назвать картину?*

- Да бросьте Вы! - рассмеялась она. - У Вас никогда не было способности к рисованию. Вы писали какую-то абстракцию, да и то плохо...

- Настя! Меня немного смущает, что Вы откуда-то знаете номер моего мобильного, знаете даже, что я не умею рисовать!

- Если человек Вам интересен, можно очень просто узнать о нём почти всё.

- Не думаю, хотя, как Вы, наверное, знаете, я профессионал в этой отрасли...

- Конечно-конечно! Просто, у нас с вами есть общая приятельница. Та самая, которой Вы только что звонили, а я как раз нахожусь рядом с ней!

«Ну и попал, - подумал Олег. - Ольга никогда мне о ней ни-

чего не говорила... Впрочем, может, и говорила, да я как-то не обращал на это внимания. Что мне было за дело до её подруг? А ведь ещё Пушкин советовал душисть прекрасные порьвы. А я проигнорировал мнение классика и попал в дурацкое положение».

- Ну, всем привет, и с Новым годом! - Олег в сердцах нажал на кнопку отключения. Легко отключить телефон и прервать связь, но как унять сердце, которое всё ещё надеется на что-то и бунтует, задавая нелепые вопросы. Что ж, нужно положиться на лучшего в мире утешителя - Время... Только оно может погладить тебя доброй рукой по редющим волосам и сказать тихо-тихо: «Уймись!».

Через день Олег вернулся в больницу и отлежал там ещё неделю, прочитав, наконец-то, все свежие журналы, представляющие для него какой-то интерес. Наобщался вдоволь с типичными представителями так называемого среднего класса и не только с ними. Узнал много поучительного о жизни, а самое главное о болезнях и способах их лечения.

Две недели прошли, а Олег так и не принял никакого решения по кадровому вопросу. Лёжа на больничной койке, трудно адекватно оценивать своё положение. И он, посоветовавшись со своей ленью, с которой безуспешно боролся всю жизнь, решил отложить всё на последний день. Все «за» и «против» находились в равновесии, и нужна была какая-то маленькая «гирька» или какое-то незаметное движение рукой, чтобы нарушить это обманчивое равновесие...

Врач осмотрел Олега, погонял его по своим тестам и, наконец отпустил с миром, сказав на прощание: *- Вы, Олег Николаевич, здоровы. Пока... Помните об этом. По утрам делайте зарядку, ешьте овсяную кашу и не перегружайте себя эмоциями. Для вашей побитой головы это может плохо кончиться.*

Выйдя из больницы, Олег решил прогуляться по улице, подышать свежим воздухом, а уж потом зайти на службу и доложить начальству.

«Боже мой! А ведь этого всего могло и не быть, если б не Ольга», - неожиданно мелькнула мысль.

После того памятного звонка Ольги о разрыве с ним, когда он впервые изменил своей привычке и сел на заднее сиденье машины вместо переднего, Олег почему-то стал поступать так и в дальнейшем. И это чудесным образом спасло его.

- С переднего сиденья меня, точно бы, выкинуло. И всё, кранты. Так что, спасибо, Ольга! Ну да ладно, всё позади, - почему-то вслух сказал он, жадно втягивая ноздрями морозный воздух. Поскольку Олег отказался от завтрака в больнице, то решил зайти куда-нибудь подкрепиться. Выбор его пал на «Блинную» - последнее прибежище бывшего общепита.

В «Блинной» было чистенько и уютно, и на всех столах (в отличие от прежних, советских, времён) в стаканчиках белели салфетки, а в маленьких чашечках оцетинились иголочками зубочистки. Олег был приятно удивлён таким переменам.

Уже через несколько минут девушка принесла ему порцию блинов, политых пахучим янтарным мёдом, и чашечку прекрасно заваренного чая, поскольку доктор велел не перевозбуждаться: не смотреть на ножки проходящих девушек и не злоупотреблять кофе. Если от первой рекомендации отказаться было сложно: красивые женские ножки, воспетые ещё Пушкиным, а за ним и всей русской литературой, пока ещё привлекали его внимание, то вторую рекомендацию можно было выполнить без всяких усилий. Олег только приступил к трапезе, как к его столику подошёл вальяжного вида мужчина, упакованный в прекрасную канадскую дублёнку, и попросил разрешения устроиться рядом.

- Не могу в одиночестве ни есть, ни пить, особенно последнее, - пояснил тот.

- *Пожалуйста, присаживайтесь, не мешаете.*

Мужчина сел, заказав себе бифштекс без гарнира, чашку кофе без сахара и фужер минеральной воды. Девушка проворно выполнила заказ, и уже через несколько минут всё желаемое им стояло перед незнакомцем. Он внимательно посмотрел на Олега, а затем (оглянувшись, не видит ли кто?) достал из кармана четвертинку водки, налил себе в фужер и только потом спросил Олега: - *Будете?*

Олег, сославшись на тяжёлую наследственность и с трудом излечённый алкоголизм, отказался. Мужик с наслаждением выпил фужер, затем второй, и, видимо, придя в норму, стал втягивать Олега в разговор о современной живописи, поскольку оказался художником, причём, довольно известным. Олегу приходилось ранее бывать на его выставках. В принципе, это был не диалог, а, скорее, монолог художника об искусстве. А поскольку водки оказалось мало, монолог имел резко критический оттенок не только по отношению к собратьям по искусству, но и к публике, которая плохо покупает картины и не даёт служителю муз нормально работать и прилично жить. Пока он говорил, бифштекс, лежащий на его тарелке, постепенно остывал и менял свой аппетитный коричневый цвет на менее аппетитный - черноватый.

Когда художник закончил монолог, и пора было уходить, он, взглянув сначала на слушателя, а затем на нетронутый бифштекс, задумчиво произнёс: *«Поступлю, как Вересаев...»*. Взял правой рукой бифштекс, завернул его в салфетку и сунул в карман, после чего церемонно откланялся и ушёл, а Олег доел свои блины и отправился на службу.

Сегодня надо звонить в Москву, решив перед этим вопрос, от которого когда-то поехала крыша у юного Гамлета: *«Быть или не быть?»*.

«А интересно, как бы в таком случае поступил Вересаев?» - усмехнулся Олег, вспомнив находчивого художника.

Олег хотел быстро пройти в свой кабинет, но не тут-то было: каждый встречавшийся ему офицер, поглядывая на подзажившие ссадины на его лице, спешил задать фальшиво заинтересованным тоном вопрос о самочувствии и тут же получить искренний ответ: - *Не дождётесь!*

Последнему попавшемуся навстречу коллеге, который дежурно справился о его самочувствии, Олег даже пригрозил: - *Добьёшься, что я сейчас начну долго и нудно рассказывать о том, где у меня болит, и чем лечусь. Мало не покажется! А ты, из соображений субординации, будешь всё это почтительно слушать!*

- *Избави, Господи!* - испуганно произнёс сослуживец.

«Ну что, - подумал Олег, устраиваясь в кресле, - будем включать станок». Это означало, что сейчас последует первый звонок - и точно, телефон противно замыкал, как ополоумевший от запахов весны кот, требуя, чтобы Олег всё бросил, схватил трубку и начал наконец свою служебную деятельность.

Наверное, каждый бывал в ситуации, когда вам необходимо срочно решить служебный вопрос, и вы, договорившись о встрече, заходите к начальству в точно назначенное время. Руководитель с озабоченным лицом в это время, конечно, разговаривает по телефону, решая какую-то проблему (то ли служебную, то ли домашнюю, - разобрать трудно). Поговорив, он обращает к вам светящийся доброжелательностью взор, который свидетельствует о полной готовности выслушать всё, что вы скажете, и искренне помочь решить самую трудную проблему. Вы ещё не успели закончить своё проникновенное слово радости, которую испытываете от встречи, как раздаётся новый звонок, и начальник, вежливо извинившись, ещё минут 10 разговаривает, разрубая очередной гордиев узел. И эта ситуация повторяется с завидным постоянством, пока вы маленькими фрагментами пытаетесь донести до руководства суть

своей челобитной, думая про себя: *«Какая сволочь вдолбила в твою плешивую голову, что звонящий по телефону имеет первоочередное право на внимание?»*. Всё дело, видимо, в телефонном атавизме. В старину, когда аппарат был редкостью, его имели только важные господа, и если уж раздавался звонок, то говорящий по телефону имел все преимущества перед сидящим напротив простым просителем. Этот неписанный закон о предпочтениях звонящего свято соблюдается многими поколениями российских бюрократов. Как правило, за время твоего сидения в важном кабинете начальник успеет решить с десяток вопросов по телефону (то есть или запретит, или разрешит что-то), но так и не решит твой. И тогда вы, неизбежно приходите к здравой мысли: позвонить недоступному начальнику по телефону и заставить его напрячь-таки мозги и уделить вам своё драгоценное время.

Олег давно проклял этот неписанный закон, и если человек заходил к нему по делу, трубку не поднимал. Сначала на него обижались, а потом привыкли.

Первым к нему нагрянул шеф, которому уже доложили, что он на месте. Они тепло поздоровались, и на немой вопрос генерала Олег ответил: *- Ничего ещё не решил. Дома все против, да и самому, честно говоря, не очень хочется так резко менять свою жизнь.*

Шеф, очевидно, предвидев такую реакцию Олега, фари-сейски вздохнул и выдал: *- Конечно, в пожилом возрасте делать такой зигзаг сложно, да, может, и не нужно...*

Олег даже побледнел от этой реплики. Кризис или даже парадокс его возраста состоял в том, что сам-то он продолжал считать себя молодым, способным на многое: и на продвижение по службе, и на любовь юной красотки. Но другие, окружающие его люди, к сожалению, так уже не считали. В глазах 20-25-тилетних он в свои 47 - вообще уже глубокий старик с при-

знаками тщательно скрываемого маразма. Поэтому двигать его никуда не стоит. А юные леди, если у них нет материальной или какой-нибудь другой заинтересованности, смотрят на него, как вороны на гвозди: блестит, конечно, но клевать это невозможно - несъедобно. И он, конечно, испытывает по этому поводу большой дискомфорт... (Редкие в его профессии долгожители, дотянувшие до 60, говорили ему, что потом к этому привыкаешь и сам начинаешь смотреть на девицу без интереса, поскольку этот интерес трудно, а порой и невозможно хоть как-то реализовать...)

- Дело не в возрасте, - парировал Олег, - просто и «за» и «против» находятся в равновесии, нет какого-то последнего, решающего аргумента. Если бы была необходимость послать туда именно меня, я бы не колебался. А ведь есть ещё три кандидата, которые только и мечтают о генеральстве...

- А ты уже не мечтаешь?

- Мне уже, честно говоря, всё равно. Я и в полковниках чувствую себя прилично. Тем более, что это моя вторая спецслужба, так что я уже дважды полковник.

- Ну, так и плюнь на всё, дважды полковник! Мы с тобой ладим, делить нам нечего, а поскольку проблемы с честностью у тебя притупились, стул подо мной пилить не будешь!

- Я не стал бы этого делать в любом случае, вы меня знаете не первый год...

- Знаю-знаю, так, к слову пришлось... Думай до 16-00, а затем заходи, отзвонимся. Да, расследование аварии почти закончено. Версия о заказном характере инцидента не подтвердилась. Два пьяных обормота поехали погонять с девицами по дорогам, а ездить прилично не умеют. В общем, обычное дело. Но за разбитую машину им придётся заплатить, и немало. «Вольво» была почти новая.

- Да, жаль машину... Вам не надо было поддаваться прекрасному порыву и доверять её мне.

- Переживём. Эта машина вообще несчастливая... Помнишь, как два года назад на скорости 160 у нас взорвалась задняя крышка? Я не стал тебя тогда пугать, ты - не автолюбитель, всё равно в этом ничего не понимаешь. Но если бы рванула передняя, государству пришлось бы тратиться на похороны, а родным - на поминки...

- Да я тогда ничего и не почувствовал, спал себе на заднем сиденье...

- Зато мы с Иваном тогда чуть не поседели окончательно. Ну ладно, жду, как договорились.

- Хорошо, - ответил Олег, сел в кресло и погрузился в свои невесёлые мысли. Ясно, что шеф не хочет его отъезда, по крайней мере, занимает нейтральную позицию. Он почему-то вспомнил, как друг его молодости говорил в таких случаях: «Ну, станешь ты генсеком КПСС, а дальше-то что?».

Раздумья Олега прервал звонок по спецсвязи: «Это из Москвы», - догадался Олег. Женский голос медленно, с расстановкой, произнёс: «Олег Николаевич! С вами будет говорить замминистра».

Первым делом зам задал ему тот же самый опостылевший вопрос о самочувствии. Но одно дело, когда этим интересуется твой подчинённый, и совсем другое, когда один из главных небожителей твоего ведомства проявляет высочайший свой интерес к тебе... Зная, что подробности здесь неуместны, Олег изобразил бодрячка-служаку, поскольку эта позиция была наиболее удобна в предстоящем разговоре, и ответил: - В норме!

- Ну что ж, хорошо, - сказал зам. - Мы включили вас в инспекторскую бригаду, которая выезжает для проверки того самого управления. Осмотритесь там, постарайтесь понять их проблемы, а затем и решение примем. Я понимаю,

что после аварии вам надо бы отлежаться, но дело есть дело, так что, готовьтесь. Вылет из Москвы самолётом через два дня. Все детали обсудите со старшим группы.

- Есть, - просто ответил Олег. - Ну, а вы когда к нам?

- Да у вас дороги не безопасны, таких людей калечат...

- Ну, Бог миловал...

- Вот именно, миловал, а если бы не помиловал? Ну, желаю удачи, с вашим генералом всё согласовано.

Олег понял из этого разговора, что вопрос о его переводе почти решён, и успокоился. Хотя путь к отступлению ещё сохранялся: - *Что ж, съездим, посмотрим. Да мне и надо уехать. Уехать от своего недавнего прошлого, от своей любви к этой взбалмошной женщине, которая за месяц так ни разу и не позвонила, даже после автоаварии. Уеду, подзабуду, перестану маяться. А то так до инфаркта недалеко...*

Оставшись в кабинете один, Олег сидел за столом и машинально писал на листке бумаги, лежавшем перед ним, одну и ту же назойливую фразу, которая как привязалась к нему два года назад (после знакомства с Ольгой), так и не отпускала: «The best years of my love» (лучшие годы моей любви). Та памятная суббота их такого экстравагантного знакомства на фоне декораций, больше подходящих для фильма ужасов или фэнтези, в окружении бомжей и автоматчиков была, наверное, самым длинным и одновременно самым коротким днём в его жизни... Поскольку одна часть этого судьбоносного дня длилась необыкновенно долго, а другая промелькнула и закончилась так быстро, как заканчивается вода в стакане, когда очень хочется пить...

...Ольга обладала удивительным свойством, которое присуще очень немногим - умением обращать в свою пользу любую ситуацию, даже скандальную, в чём Олег убеждался потом многократно. В ту субботу он испытал это на себе в полной

мере. Когда Ольга приблизилась к нему, Олег понял, что она находится в полной боевой готовности. Прежде всего, его поразили те «доспехи», в которых эта амазонка приехала на поле брани с палёной водкой. Она была в очень короткой синей юбке, открывавшей безупречные ноги как раз до того места, за которым мужчина (если, конечно, доберётся) уже вконец теряет голову; тёмно-красная блузка с откровенным вырезом и маленький белый шарфик, скрывавший, как Олег потом понял, родимое пятно на шее, которое она так не любила показывать.

В общем, цвета её одежды напоминали верноподданные цвета нашего теперешнего флага, который всегда нарядно смотрится в любой ситуации, особенно на телеэкране... Подойдя к нему почти вплотную, Ольга вместо «Здравствуйте!» сказала: - *Привет!*, - давая понять, что ей приходится разговаривать с руководителями и повыше рангом, как бы уравнивая себя с ним и демонстрируя свою независимость. - *Есть проблемы?* - поинтересовалась она, причём смотрела на него своими огромными глазами так, как будто наконец-то встретила мужчину из своих девичьих грёз здесь, посередине огромной помойки, и, конечно же, он, как её идеал, не может обидеть её. Олег, в общем-то, и не собирался этого делать.

- *Что за передачу вы готовите?* - спросил он.

- *Мы делаем сюжет о борьбе с некачественным алкоголем*, - нежным голосом проговорила она казённую фразу, - *эта фактура будет очень хорошо смотреться.*

- *Хорошо, только у меня просьба: не снимайте наших ребят крупным планом. Они без масок, здесь и так можно задохнуться. Поэтому просто сделайте общий план, а бульдозер снимайте, сколько хотите.*

- *Общий план - это наша терминология. Часто приходится иметь дело с ТВ?*

- *Да нет, сейчас нет, может, в прошлой жизни... Мы не большие любители поучать с экрана.*

- *Послушайте, у меня идея!* - она посмотрела на него с восхищением, как на шедевр, внезапно открывшийся ей среди всеобщего хлама. - *А что, если вы прокомментируете всё происходящее?*

Олег уже догадался, что это не импровизация, а домашняя заготовка, и чуть более официальным тоном сказал, слегка подумав и внимательно посмотрев на Ольгу: - *Пожалуй, в профилактических целях это будет даже полезно. У меня, вы знаете, тоже иногда случаются озарения, особенно на свалках... Давайте тогда расширим рамки. Я дам сейчас распоряжение, нам через час подготовят небольшую выставку образцов фальсификата, а я расскажу людям о признаках подделки.*

- *Гениально!* - воскликнула она, после чего протянула ему руку, представившись наконец: - *Ольга.*

- *Олег,* - в тон ей ответил он, и затем, подчеркивая разницу в возрасте, хотя ему и не хотелось этого делать, добавил, - *Николаевич.*

- *Отлично, Олег Николаевич! Тогда сейчас мы вас и снимаем,* - она продолжала смотреть на него своим гипнотическим взглядом, закрепляя успех и отрезая ему пути к отступлению, затем улыбнулась и, обернувшись, махнула рукой оператору, который издалека следил, чем закончится их диалог, и, получив отмашку, быстро направился к ним.

...Если бы Олегу кто-нибудь сказал, что он будет давать интервью на фоне безбрежной свалки, он бы не поверил. Да и никогда, наверное, не сделал бы такого. Но в той ситуации, когда он, обманувшись, профессиональный приём телевизионщицы приняв за выражение возникшей симпатии (вот оно, самомнение мужика!), отступать было уже некуда. И он тоже решил закрепить свой успех, покорив новую знакомую своим интеллектом и природным мужским обаянием... Олег потом не

мог вспомнить, что именно говорил тогда, но очень старался (как для дела, так и для того, чтобы сразить своим умом красавицу в триколоре).

Через пару часов они досняли сюжет в управлении, где Олег продемонстрировал публике сотню наименований палёной продукции - от элитных вин и коньяков, разлитых в сарае неподалёку, до простецкой водки, выработанной жадноватыми и не обременёнными моралью умельцами. Ольга, как старатель, напавший на золотую жилу, чувствовала творческую удачу и торопилась выжать максимум из этой ситуации, буквально загнав Олега.

Когда же всё закончилось, и после чашки традиционного кофе они прощались, она неожиданно для Олега, видимо, в порыве благодарности, а, может, ещё почему-то (кто их разберёт, этих женщин...), поцеловала его, что называется, в щёчку, а он (тоже неожиданно для себя) обнял её и долгим мужским поцелуем обозначил своё поражение. Олег был просто ошеломлён тем, что молодая обольстительная женщина ответила на его поцелуй и сказала, что позвонит завтра, чтобы показать уже смонтированный материал. Сказала это так, что он понял: завтра может произойти всё, что угодно.

Именно в те минуты он впервые написал на каком-то листке бумаги эту навязчивую фразу по-английски: «*The best years of my love*». Написал, посмотрел и удивился: ведь никакой любви ещё не было, да и быть не могло... Хотя любви-то ему больше всего и не хватало, как и большинству людей на нашей планете. И Олег тогда почему-то вспомнил, как маленьким мальчиком вечером вышел с сестрой в поле за бабушкиным домом, чтобы посмотреть на первый спутник Земли. Спутник они так и не разглядели среди бесчисленных звёзд, зато увидели, что всё поле вокруг усеяно светлячками - крохотными, зеленоватыми огоньками. Он оказался тогда как бы между двух Вселенных - маленькой земной и бесконечной небесной. Ему

вдруг стало страшно от ощущения бесконечности мира, и он убежал домой в светлый, тёплый кубик своей комнаты в доме, где его любили и всегда были ему рады.

Любовь во все времена была для человека надёжным убежищем, в котором он прятался от авианалетов жестокой жизни, бомбардирующей бесконечными проблемами, бедами, болезнями и конфликтами, и откуда не хотел выходить, когда всё это на время прекращалось. Человеку всегда было страшно без любви, поскольку, оставшись без неё, он становился беззащитным...

Ольга позвонила около часа дня, как они и условились. Когда стрелка зашкалила за тринадцать ноль один, Олег занервничал: а вдруг ничего не случится? Но звонок прозвенел, Олег снял трубку и услышал её голос: *«Жду вас в два часа в студии на просмотре сюжета».*

Олег, чуть помолчав, неожиданно для себя, видимо, подсознательно сопротивляясь течению, которое понесло его из маленькой тёплой речки прямо в открытое море (при том, что он плохо плавал и боялся утонуть), отказался, сославшись на занятость и упомянув (ни к селу, ни к городу) о свободе печати.

- Ну, тогда можно увидеться часов в пять, - и она назвала то самое кафе, где они потом много раз встречались...

* * *

Олег в раздумье стоял над своей выдавшей виды вместительной сумкой и думал, что ещё он забыл положить? Завтра ехать и он решил упаковать всё заранее. Приобретённый в многочисленных поездках по стране опыт, знание классики особенно старика Джерома, говорили, что главный принцип любого, отправляющегося в дальний путь, человека брать с собой только то, без чего нельзя обойтись. Главное, взять побольше рубашек и носков - этого проклятия любого команди-

ровочного (поскольку пачкаются и те, и другие быстро, и их надо как-то стирать, развешивая мокрые, оставляющие на полу лужи, тряпки на стульях и батареях, придавая временному жилищу вид перенаселённой коммуналки). Да, да, побольше рубашек и носков! Места занимают немного, зато не придётся возиться со стиркой, пытаясь с помощью крохотного обмылка, предоставленного любезной администрацией, или какого-нибудь дорожущего шампуня придать рубашке свежесть сибирского мороза вместо сомнительного запаха вспотевшего в чиновничьих трудах мужика... Вскоре сумка была собрана, упакована и задвинута в дальний угол спальни, чтобы не мешала нормальной жизни.

Поскольку Олегу дали день на сборы, он никуда не торопился. Накануне вечером он попрощался со своим ближним кругом, выслушав традиционную порцию напутствий и приятных слов, которым, впрочем, никогда не придавал значения. Как обычно, после хорошей выпивки хотелось подольше поваляться в постели и оттянуть процедуру бритья, поскольку иначе (волей-неволей) пришлось бы лицезреть в зеркале свою физиономию, которая сегодня никаких эмоций, кроме лёгкой паники, вызвать не могла.

Олег ещё часик провалялся на диване, но накопившаяся энергия требовала, чтобы её употребили по назначению. И он встал, решив не нарушать своей привычки быть всегда чисто выбритым. Как водится, все бритвенные принадлежности он машинально сунул в дорожную сумку, а снова потрошить её – плохая примета. Поэтому, найдя в ванной какую-то старую одноразовую бритву и намылив суточную щетину мылом, он начал приводить себя в божеский вид, напоминая при этом хирурга, решившегося самому себе сделать операцию без наркоза. Бритва не брила, а только скоблила кожу, причиняя довольно-таки ощутимую боль. Впрочем, в молодости, когда самой приличной бритвой считалась «Нева», он добровольно подве-

ргал себя этой ежеутренней пытке, поскольку качественная сталь, которую, конечно, делали в стране, шла на ракеты и космические корабли, а на бритвы - что осталось. А оставалось, конечно, барахло, из которого делали бритвенные станки, учившие всё мужское население страны стойко переносить пытки (на случай, вдруг попадётся в руки врага)...

«Ладно. Вроде ничего, щетины не видно - и хорошо. Теперь чашку кофе, крепкого, настоящего - того самого, что запретил пить врач!»

Однако, после некоторого раздумья, Олег заварил всё-таки чай, который быстро привёл его в порядок. За дверью мяукала кошка, где-то шлявшаяся всю ночь (это зимой-то... хотя, при её шубе, она могла себе такое позволить). Он открыл дверь и впустил озябшую зверюгу, которая радостно замурлыкала, предвкушая сытный завтрак (на светском рауте в ночном кошачьем клубе, ей, видимо, ничего вкусенького не перепало), но, подбежав к своей тарелке и не найдя там ровно ничего, мгновенно из светской, воспитанной в лучших кошачьих традициях, дамы превратилась в раздражённую кошачью тётку, которой где-то что-то недодали, и так завопила, что почти перекрыла собачий лай, который уже несколько секунд издавал мобильный телефон Олега. (Вместо мелодий, он воспроизводил лай собаки, мяуканье кошки, рычание льва и другие зоологические изыски.)

Кошка Элиза впервые услышала собачий лай в доме и сразу примолкла. Наверное, в её голове промелькнула здравая мысль: *«Не завёл ли хозяин собаку, которая и сожрала мой завтрак?»*. Она быстро обследовала всю квартиру, а затем, обнаружив источник звука в пиджаке Олега, встала рядом, не понимая, что же происходит. Олег достал из кармана пиджака лающий телефон, показал его Элизе и пошёл на кухню, чтоб налить ей рыбного супчика, который она так любила, а заодно и пообщаться с тем, кто с помощью мобильного лая нарушил

его покой. Придав своему голосу оттенок раздражения и крайней усталости, он произнёс: - Да, слушаю!

- Это Настя...

- Какая Настя? - не сразу врубился Олег. - Ах, да, извините, я ещё не проснулся до конца. Чем могу?

- Просто хотелось поговорить, а, если повезёт, увидеться...

Олегу не хотелось выбираться из дома, но офицерская привычка быть вежливым с дамой, хотя и поставившей его в новогоднее утро в неловкое положение, всё же заставила его сказать: - Конечно-конечно. Где и когда?

«Может, что-то через неё хочет передать Ольга? Может быть, даже помириться», - с надеждой подумал он при этом.

- Да я рядом с Вашим домом, через десять минут буду около него, если это Вас устроит.

- Выменя балуете. Сейчас выйду.

«Что ж, надо прилично одеться. А может, не надо? Не надо, - наконец решил он. - Я не на службу и не на свидание иду с любимой женщиной. Настя, наверное, человек излишне чувствительный, может, рассчитывает вернуться в прошлое на 20 с лишним лет назад, но это невозможно...».

Олег натянул белый свитер, проигнорировав галстук, без которого чувствовал себя, честно говоря, как голый среди одетых. Набросил на плечи куртку, подошёл к зеркалу и увидел то, чего так боялся увидеть: из зеркала на него смотрел мужчина, который выглядел старше своих лет, с крупными чертами лица и цепким (а мог быть и тёплым, в зависимости от обстоятельств) взглядом.

Творец, создавая Олега, почти все «материалы», потратил на «строительство» его мозгов, а уж всё остальное делал из того, что осталось. В юности это ему здорово мешало, так как в этом возрасте люди очень чувствительны к своей внеш-

ности. Но затем, по мере взросления, он превратился в довольно крупного мужчину с волевым лицом, всегда подтянутого и аккуратного: пожалуй, никто за последние 20 лет не видел его в неотглаженных брюках, нечищенных ботинках и несвежей рубашке. Впрочем, это мало помогало в устранении главного противоречия, которое преследовало его всю жизнь: если ему нравилась девушка или женщина, то он не нравился ей, и наоборот.

Впервые это несовпадение Олег пережил в седьмом классе, когда к ним в середине года перевели новенькую, которую тоже, по странному стечению обстоятельств, звали Ольгой. Влюбился он в неё с первого взгляда. Ольга, дочь морского офицера, была совершенно не похожа на одноклассниц, прежде всего, своими манерами: что-то было в ней из какого-то другого мира, где все говорят друг с другом спокойно и вежливо, не употребляют грубых слов - в общем, живут иначе, чем жили люди в их посёлке на окраине города, где все озабочены были только тем, как прожить от зарплаты до зарплаты...

Чего он только ни делал тогда, чтобы обратить на себя внимание небожительницы: играл в спектаклях и в оркестре, однажды даже вызвался петь вместе с ней на школьном вечере, но она отказалась: ей не понравились слова песни: *«Говорят, что нас с тобой не разлить водой»*. Он просто совсем не интересовал её. Ольга проучилась в их классе недолго, всего полгода, и уехала куда-то в Прибалтику по месту службы отца. Уехала неожиданно и как раз тогда, когда Олег валялся дома с ангиной. Он чуть не умер тогда от тоски, искал её адрес, чтобы написать и рассказать, как он её любит...

Олег не забывал её никогда. Он и сейчас до мельчайших деталей помнил её лицо, главным украшением которого были прекрасные серые глаза под изящными чёрными бровями, которые ещё долго потом снились ему. Но на всю оставшуюся жизнь Олег запомнил также и её нелюбовь: равнодушный

взгляд прекрасных глаз, которые так ни разу и не посмотрели на него с интересом.

... Олег вышел из дома, завернул за угол, но Насти нигде не увидел. Честно говоря, он не был уверен, что узнает её, поскольку тогда, в кафе, было темновато, а люди имеют свойство так меняться со временем, что, просматривая старые забытые фотографии, иногда с трудом находят на них себя, не веря собственным глазам. Олег ещё раз огляделся, но так никого и не увидел. Неужели его, как идиота, разыграли?

Он вытащил сигарету, прикурил от маленькой красной зажигалки, машинально поздоровался с каким-то знакомым, проходившим мимо. На улице было градусов 15 со знаком минус, и зимний холод быстро взломал хлипкую защиту плащевки, из которой была сделана его курточка. Олег подумал: *«Вот что значит равнодушие! Не придёт она сейчас, я даже не обижусь... Подышу немного и пойду домой».*

За спиной Олега хлопнула дверца машины. Он оглянулся и увидел Настю. Вопреки опасениям, он узнал её сразу. Когда они поздоровались, Олег спросил: - Ну, что случилось, что вы вытащили меня на мороз после серьёзной выпивки, за несколько часов до отъезда в сибирскую ссылку?

- Мне сказали, вы уезжаете надолго. У вас впереди новое назначение, - уклонилась она от прямого ответа.

- Господи, вы-то откуда знаете? Ещё, кстати, ничего не решено...

- Вы наверняка уже всё решили. Когда уезжаете?

- Завтра, Настенька, буду уже за Уралом!

Она как-то беспомощно посмотрела на него и умоляющим голосом произнесла: - Может, заедём ко мне в офис, поговорим?

- Это далеко?

- Нет, совсем рядом.

- *Ладно, часик у меня есть. Это ваша?* - спросил он, бросив взгляд на кокетливую иномарку.

- *Да, муж недавно подарил на день рождения.*

- *Недешёвая тачка,* - констатировал он, усмехнувшись, и добавил: - *Вам клицу, да и к куртке подходит.*

Настя улыбнулась. Судя по всему, машину она водила недавно и свято соблюдала неписаное правило - одежда не должна стеснять движений. Они сели в салон, Настя медленно тронула машину с места и осторожно поехала по заснеженной улице.

В офисе у Насти было довольно уютно. Чувствовалось, что здесь похозяйничала женщина. Стерильно чисто, много комнатных растений, даже, пожалуй, больше, чем нужно. Несколько картин на стенах и спокойная строгая мебель.

Настя сняла курточку, делавшую её похожей на молоденькую девочку, и осталась в костюме деловой женщины. Но было в её одежде что-то такое, что выдавало в ней натуру творческую, не терпящую стандартов.

Предложив Олегу чувствовать себя как дома, Настя попросила девушку, работавшую за компьютером в соседней комнате, приготовить им кофе. Олег внимательно огляделся вокруг и, с улыбкой глядя в её голубые глаза, сказал: - *Неплохо для девочки с ландышами и хлебом в интерьере.* - И, начиная светскую беседу, спросил, не скрывая иронии: - *Ну-с, дорогая леди, начнём с погоды?*

- *Да полно вам, Олег Николаевич, расслабьтесь... Что вы так напряглись?*

«*Действительно,* - подумал Олег. - *Не надо обижать женщину...*».

- *Мне немного неловко, Настя, это вы правильно заметили. Но один вопрос у меня всё-таки вертится на языке: что вас связывает с Ольгой? Это какая-то карма... Ничего не могу понять, всё-таки у вас разница в возрасте лет 5-6?*

Настя оценила деликатность Олега и улыбнулась: - Не 5-6, а значительно больше. Мы вместе работаем... иногда. Я ведь художник, закончила «суриковку», и меня иногда приглашают на телевидение оформить какую-нибудь программу. Там мы и познакомились с Ольгой два года назад.

«Почти одновременно со мной», - подумал Олег, но ничего не сказал. Лишь, достав из кармана куртки сигареты, спросил: - Можно?

- Конечно, да и я с вами. Может, выпьете что-нибудь?

- Знаете, Настя, у меня ощущение, что я играю в какой-то пошлой мелодраме с предсказуемым финалом...

Настя ничего не ответила, подошла к бару в форме глобуса, где стояло несколько бутылок, и молча налила ему и себе в огромные пузатые фужеры коньяку.

- Это очень кстати, - сказал Олег, - честно говоря, продрог до костей, пока ждал вас.

Она опять промолчала, протянула ему фужер и стала смотреть, как он маленькими глотками пьёт коньяк. Затем, чуть пригубив из своего фужера, каким-то извиняющимся тоном сказала: - Вы знаете, у меня нет никакого дела к вам... Просто захотелось немного побыть с вами, посидеть рядом, посмотреть на вас, всё-таки той далёкой весной что-то случилось. И не забылось...

- Спасибо за откровенность, - несколько смутился Олег. Я, наверное, зря позвонил вам в Новый год, вы могли всё не так понять...

- Да нет, не беспокойтесь! Я всё правильно поняла.

Олег заметил, что её голубые глаза стали опять влажными, как тогда, в кафе. И ему даже на секунду показалось, что она сейчас заплачет.

- Ну-ну, успокойтесь, так всё сложилось. Хотя, Настя, у вас же всё хорошо, и вы производите впечатление благополучной женщины с удавшейся судьбой.

Настя постепенно взяла себя в руки и неожиданно спросила, обращаясь к нему на «ты»: - Скажи, Олег, тебе бы хотелось увидеть сейчас свою первую, самую первую любовь?

- Не знаю... Она моя ровесница. Наверное, стала теперь толстой, ворчливой тёткой. Зачем копать в старых переживаниях, новых хватает...

- Когда я узнала, что мою первую любовь увела моя лучшая подруга, стало так обидно...

Олег больше всего на свете не любил этих женских разговоров, тем более, что в них не было никакой логики, а эмоции повторяли кривую синусоиды: от смеха к слезам, от слёз к смеху... Чтобы увести разговор от опасной темы, он, допив коньяк, спросил: - Где же обещанный кофе? Вашу привлекательность и коньяк я уже оценил...

Настя внимательно посмотрела на него и с усмешкой произнесла: - Я теперь начинаю понимать, почему Ольга иногда приходила от тебя в бешенство. Ты не даёшь женщине выговориться!

- Настя, между мужчиной и женщиной всегда должна быть некоторая недоговорённость, извини за банальность. Иначе их отношения, как салат без соли и перца - красиво, но невкусно.

Молодая хорошенькая блондинка с затейливой причёской отворила дверь и внесла кофе, аромат которого сразу настроил их обоих на миролюбивый лад и спокойный разговор.

«Так... Светская беседа о погоде, как и подобает у двух русских людей, чуть не переросла в ругань с последующими оскорблениями и мордобоем», - съязвил про себя Олег. Он смотрел на Настю, симпатичную, начинающую полнеть женщину, которая, по-видимому, хотела ему понравиться. И не глупая ностальгия была тому виной, а соперничество с более молодой подругой...

- Настенька, а давай разговор о наших отношениях от-

ложим до моего возвращения?

Она опять как-то растерянно посмотрела на него и едва слышно прошептала, видимо, боясь, что её услышит секретарша: - А вдруг ты уедешь навсегда, и мы больше не увидимся?

Олег понял, что разговор опять принимает опасный поворот, и, поставив свою чашку на маленький стеклянный столик, неожиданно для себя бросил: - Куда я денусь! Убежать от себя никому ещё не удавалось. Я понимаю, что нет ничего хуже равнодушия любимого человека, но, Настенька, по-моему, то, что сейчас происходит, Чехов назвал бы «капризом избалованной дамы» - подай и всё тут! - Олег поспешил перевести разговор на более интересующую его тему и спросил: - Как Ольга? Может, хоть ты мне объяснишь, что произошло? Почему она так со мной поступила? Порвала всё, как паутинку...

- У неё просто всё дома наладилось. Два года назад муж закрутил любовь с какой-то девушкой, ей стало известно, они поссорились и стали жить каждый сам по себе. Но у них дочь подрастает, и оба, по-видимому, поняли, что это - главное.

- Хорошая версия! Но ты же прекрасно знаешь, что до появления на сцене моего персонажа, там уже обретался один герой-любовник... Наверное, из-за этого муж и загулял!

- Если бы всё было так просто... Ольга - очень порывистая натура. Её иногда так заносит, что она потом не знает, как из этого выбраться. Именно так с тобой и случилось. Ты произвёл на неё впечатление, да дома всё рухнуло, вот она и закрутила роман с тобой. А потом не знала, как из этого выйти.

- Если её так тяготили отношения со мной, неужели нельзя было сказать откровенно?

- Ты же никогда её не слушал. Она много раз пыталась

объяснить тебе, что не может больше так жить, но ты ей или не верил, или не слышал...

- Мне казалось, ей хорошо со мной, - тихо сказал Олег.

- Так и было. Когда в день рождения ты прислал ей цветы, она сидела и плакала у себя в комнате, никого видеть не хотела. Чуть было не поехала к тебе на работу, но я отговорила.

- Ты? Зачем? Тебе-то какая от этого корысть?

- Я её пожалела, и тебя тоже.

- Да почему?

- Я не буду ничего объяснять, я и так сказала больше, чем было нужно.

Олег замолчал, бесцельно глядя в окно, затем спросил со злостью: - А мне показалось, что на её горизонте появился тот джентльмен, что был до меня, либо кто-то ещё. Может, ты мне ответишь?

- Я не знаю. Это только её дело. Тебе просто надо постараться забыть её, вернуть уже ничего нельзя, и вообще ей пора уgomониться - дочь растёт...

Олег сидел подавленный, не зная, что ответить Насе. Он как бы заново переживал ту злополучную встречу у кафе, когда увидел Ольгу с молодым парнем, садящимся в её машину. Ему очень хотелось спросить Настю о нём, ведь она наверняка всё знала, но сдержался, пожалев себя. Одно дело догадка, но совсем другое дело - правда... Пусть будет некоторая недосказанность - она оставляет хоть слабую, но надежду.

- Ну, что ж, наверное, пора... - Олег встал, оделся. Затем подошёл к молча стоявшей Насе, сильным движением притянул её к себе и поцеловал в щёку: - Спасибо тебе за то, что помнила, что встретились опять...

Едва уловимый аромат дорогого французского парфюма слегка вскружил ему голову и он невольно задержал её в своих объятиях, но всего лишь на секунду...

- Я отвезу тебя домой, а то холодно, - проговорила она торопливо, боясь отказа.

- Я не против, - сказал Олег, подавая ей куртку и помогая одеться.

«Хорошо, что мы встретились, - подумал он при этом. Хотя никто не разберёт, почему мы так тянемся к тем, кто нас не любит, и совершенно не ценим тех, кто любит нас... Вот вопрос вопросов! Стокгольмский синдром применительно к взаимоотношению полов».

Встреча с Настей не дала Олегу ни разгадки, ни надежды, что всё ещё можно поправить в отношениях с Ольгой, а, скорее, усложнила ситуацию, ещё более запутав её. И он, сидя с Настей в машине, чувствовал себя крайне неловко. И когда они, наконец приехали, Олег вздохнул с облегчением: - Ты уже неплохо водишь, но если бы в ту весну мы встретились ещё раз, а потом, может быть, ты стала бы моей женой, сегодня у тебя точно не было бы такого автомобиля. Так что, солнышко, благодари судьбу, что она уберегла тебя от такого потенциально бедного материально, но богатого духовно мужика... - Настя улыбнулась как-то невесело, но ничего не ответила. - Раньше ты была разговорчивее. В ту весну болтала без умолку. Ну, да ладно, спасибо, что подвезла. Вернись, обязательно позвоню!

Настя посмотрела на него долгим взглядом, медленно наклонилась к нему и поцеловала. Губы у неё были мягкие и тёплые, а пальцы, которые прикоснулись к его щеке, слегка подрагивали... Олег вышел из машины, махнул ей на прощание рукой, и, не оглядываясь, пошёл в сторону дома.

«Надо же! - с удивлением подумал Олег. - Я, оказывается, ещё нравлюсь женщинам, а в общем-то, хватит с меня... Надо отдохнуть от сердечных дел, да и дела служебные через пару дней навалятся, будет не до романов. Всё уляжет-

ся, как снег после метели. Скоро февраль и последний месяц зимы, может, и моя зима наконец-то кончится. Скорей бы».

До аэропорта доехали без приключений. Его «Волга» на зимней резине шла спокойно, лишь изредка подпрыгивая на колдобинах. Печка, как обычно, прогревала ту его часть, которая была выше пояса, совершенно не заботясь о не менее важной части тела, располагавшейся ниже. Ногам было холодно, и очень хотелось сесть (как дома на диване), поджав их под себя.

Москва встретила как обычно - огромной пробкой на въезде. Рассасывалась она медленно. Тысячи машин дымили выхлопными трубами и, в общем-то, давно уже должны были задушить этот главный город страны - но нет, никто не корчился от удушья - наоборот, сидящие за рулём люди улыбались, говорили что-то по мобильнику или просто сидели, думая о своём. Олег от нечего делать скользнул взглядом по веренице машин и поразился количеству женщин и бритоголовых крепышей за рулём. Дамочки вели себя, как правило, нервно, но осторожно, а бритоголовые - спокойно и нагло, используя любую щель, чтобы проскочить вперёд, наглядно демонстрируя свою агрессивность и безнаказанность. Да и что здесь поделаешь, если наша «Волга» выглядит совсем непрезентабельно перед каким-нибудь «Мицубиси Паджеро» огромных размеров. Водитель Олега твёрдо усвоил, что на дорогах надо уважать тех, кто больше тебя, поэтому не спеша, мелкими «перебежками», продвигался вперёд. Но ничто не вечно под луною... Путь, в конце концов, освободился, и их скромная «Волга» с провинциальными номерами, подрастолкав надменные иномарки, выскочила на оперативный простор и бодро пошла на Шереметьево.

«...Бруклин дурак - твёрдокаменный чёрт, Памятник зры

- *аэропорт!*» - Так прозвучал в далёкие 60-тые этот гимн техническому прогрессу из уст Андрея Вознесенского, романтизируя огромные сооружения из металла, стекла и бетона, которые сжали окружающее людей пространство и перемещение с одного материка на другой сделали делом обыденным. Куда там Колумбовым каравеллам, болтавшимся по океанам долгие месяцы, а то и годы! Конечно, «Боинг» или «Ту-154» лишь отдалённо напоминают красавца-парусника, но опасности, подстерегавшие и тех, и других, очень схожи. Если каравеллу мог протаранить пиратский корабль, то современный самолёт вполне способен сбить свихнувшийся военный, приняв мирное гражданское судно за самолёт-нарушитель незыблемость границ, как известно, важнее человеческих жизней; разбушевавшиеся бури могут опрокинуть и морской, и воздушный корабли. Да мало ли опасностей? Их так же много, как болезней у человека - есть несколько основных и тысячи редко встречающихся, но оттого ещё более опасных...

Олег нашёл свою группу в условленном месте, познакомился с коллегами, хотя с большинством их них уже виделся на различных совещаниях. После всех формальных процедур они дружно пошли на посадку в самолёт - уже порядком послуживший «Ту-154», немного старомодный, но надёжный летательный аппарат ещё советского производства.

Когда поднимались по трапу, маленькая девочка, шедшая с матерью - молодой женщиной с усталым лицом - вдруг заплакала и отказалась идти дальше. Мать отвела её в сторону, стала успокаивать, но девочка упрямо твердила: *«Боюсь, мама! Плохие дядьки или тётки нас взорвут!»*. Олег пожалел девочку, вернулся назад, подошёл к ней, присел так, чтобы она видела его лицо, и сказал: - *Не бойся, маленькая! Мы военные, мы тебя защитим!*

- *А где у тебя ружьё?* - спросила малышка, сразу перестав

плакать.

- *Есть у меня ружьё, мы прогоним злых людей, если они появятся.*

- *Ну ладно тогда,* - сказала девчушка, взяла мать за руку, посмотрела на неё заплаканными глазами и, тяжело вздохнув, пошла к самолёту.

- *Только пусть дядя военный рядом сядет, чтобы мне не страшно было!*

Женщина вопросительно посмотрела на Олега и сказала: - *У дяди есть своё место, ему надо там сидеть.*

- *Я рядом буду, не бойся, маленькая. Как тебя зовут?*

- Оля...

Олег улыбнулся. Опять это имя! И везде, похоже...

- *Я буду недалеко, а ты поглядывай на меня, чтобы я не заснул.*

- *Ладно,* - сказала девочка, окончательно успокоившись, и пошла с матерью в салон.

Их места были совсем рядом, и Оля, усевшись в своё кресло, стала беспокойно искать глазами Олега, а, увидев его, улыбнулась и помахала ему рукой.

...Когда-то дядя Хо, лидер маленького Вьетнама, пововававший на своём веку со всеми великими державами, сказал: «Нет ничего дороже независимости и свободы!». Это слова человека, знавшего истинную цену таких понятий. Олегу эти слова запали в душу после какой-то трескучей статьи в «Правде». На фоне затёртых лозунговых газетных строчек эти слова звучали как-то по-особенному, хотя, может, это ему тогда показалось. И сейчас, сидя в самолёте, на котором ему предстояло лететь, он почему-то вспомнил это выражение вьетнамского лидера. Наверное, испуг девочки не перед каким-нибудь сказочным волком, а перед террористами, которые, как псы, терзали его страну уже несколько лет, взрывая самолёты, эле-

кстрички, праздничные демонстрации и концертные залы, заставили его задуматься о том, что независимость и свобода имеют значение только тогда, когда обеспечена безопасность, когда люди спокойны за свою жизнь и жизнь своих детей. Ему, настоящему профессионалу, было больно видеть, как на протяжении последних десятилетий разрушался тщательно и умело собранный механизм защиты безопасности государства, как умело подобранных людей, элиту страны, причём, не назначенную, а выращенную одним из умнейших людей советской эпохи - Андроповым, заменяют на хороших, но пока ещё беспомощных ребят, в подготовке которых было нарушено, пожалуй, самое главное звено - преемственность. И именно в этом главная причина того, что маленькая девочка боится реальных террористов, а не сказочного серого волка...

Постепенно мысли Олега стали более спокойными, мерное гудение двигателей и ночная поездка до Москвы делали своё дело. Он закрыл глаза и попытался задремать, но вместо этого в голову полезла обычная в таких случаях «жевательная лента» воспоминаний. Почему-то вдруг вспомнилось, как однажды, после выполнения задания, летел вместе с коллегой из Ташкента в Москву.

Его товарищ, парень лет 30, совершенно не переносил высоты. Лететь самолётом он сначала наотрез отказался, но желание поскорей попасть домой оказалось сильнее, да и билетов на поезд «Ташкент-Москва» не оказалось. Перед вылетом они зашли на восточный базар, чтоб прихватить ранних ягод и фруктов, каких в российских краях ещё в это время года не наблюдалось. Рынок поразил их непривычным изобилием: на прилавках, рядом с южными румяными фруктами, высились горы крупной красной клубники, какой Олег не видывал никогда. Они купили по несколько стеклянных банок и забили их до отказа этими ароматными ягодами, которые стоили так дёшево, что они даже не стали торговаться - вопреки существовав-

шим здесь обычаям. Время было достаточно спокойное, хотя в Афгане уже вовсю шли военные операции. А в аэропорту их с товарищем распотрошили по полной программе, перещупав руками все вещи и осмотрев всё, что только можно. Олега это очень раздражало, его так и подмывало показать своё удостоверение майора КГБ, но он сдержался: парни делали своё дело, и делали его профессионально. Откуда им было знать, что перед ними их русский коллега?

Узбека, который досматривал сумку Олега, почему-то особенно заинтересовали трёхлитровые банки с клубникой и черешней. Он долго их вертел, затем вытащил одну ягоду и разломил её. По-видимому, парни искали наркотики. Узбек, закончив досмотр багажа Олега, улыбнулся ему и спросил почти без акцента: - *Зачем это барахло везёшь?* - и показал на ягоды.

- *Товарищ дорогой, у нас это барахло, как ты говоришь, появится только через три месяца, и моей майорской зарплаты не хватит, чтобы купить столько и угостить детей.*

Узбек подобрел окончательно и спросил: - *Вы военный?* Олег кивнул. - *Проходите, счастливо долететь!* - сказал парень, посмотрев на загорелое лицо Олега, и почему-то добавил: - *Через неделю я тоже туда...*

- *Удачи!* - ответил Олег и добавил единственное узбекское слово, которое он знал. - *Рахмат.*

Когда их самолёт взлетел, в салоне зазвучала успокаивающая индийская песенка, придававшая их полёту восточный колорит. Товарищ его сидел, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники кресла и когда принесли обед, он отказался, только попросил принести стопку водки, выпив которую, слегка порозовел.

Олег тоже принял сто граммов, закусил неплохим аэрофлотовским обедом и стал поглядывать в иллюминатор, кото-

рый располагался как раз над крылом. Было заметно, что крыло немного «гуляет». Олег знал, что это было нормальное рабочее состояние крыла. Но сто граммов, приведшие его в хорошее расположение духа, подтолкнули его сделать то, чего бы он в других условиях никогда не сделал, поскольку всегда относился с пониманием к людям, боящимся высоты. Он толкнул товарища локтём и, сделав озабоченное лицо, пошутил: - *Взгляни-ка, крыло чего-то гнётся, как бы не отломилось...*

Товарищ поглядел в иллюминатор: до земли десять тысяч метров, а крыло действительно делает машущие движения. Бедняга так и осел в кресле, затем, позвав стюардессу, попросил принести ещё 200 граммов водки. Выпив залпом и закусив рукавом, он испуганно взглянул на Олега и обречённо спросил: - *Долетим?*

Олег уже был не рад, что разыграл его, всё-таки они в воздухе, а не на твёрдой земле. Здесь, если что, спасения нет: - *Не бери в голову, я пошутил. Крыло испытывает расчётные нагрузки. Это его обычное состояние во время полёта.*

- А, всё равно, - сказал приятель и... уснул.

Всё-таки триста граммов водки подчас действуют гораздо лучше самого дорогого транквилизатора... Долетели они благополучно. А вечером того же дня уже угощали родных словенскими дарами Азии.

...Олег почувствовал, как кто-то дёргает его за рукав, и услышал сквозь дрему: - *Дядя военный, не спи! Ты же обещал защитить меня.*

Он открыл глаза. Девочка стояла рядом, крепко держа его за рукав и не спуская с него глаз.

- *Извини. Спасибо, что не дала мне заснуть. Но я уже проверил, здесь только хорошие люди, не бойся...*

Успокоившись, девочка отошла, а Олег взял свежую газету, осторожно развернул её, чтобы не задеть спящего со-

седа, и подумал: «Самолёт - это всегда порция страха, правда, суть этого страха сильно изменилась: раньше боялись, что отвалится крыло, а сейчас - что взорвут террористы...».

Приземлились затемно, а потом ещё километров триста ехали на машинах до места. Сибирь - земля огромная, и это расстояние там за расстояние-то не считается. Размеры нашего государства только и можно осознать, либо посмотрев на него глазами иностранца, либо, забравшись на высоту десять тысяч метров, за 5 часов стремительного полёта не осилить и половины страны.

* * *

До конца командировки оставалась всего неделя, а город Олег как следует так и не посмотрел. Разглядывая дома, улицы и людей из окна машины (и то только ранним утром или поздним вечером), не пообщавшись с коренными сибиряками в неформальной обстановке, трудно составить объективное мнение о месте, где сотни лучших или худших российских умов, будучи в ссылке, решали на принудительном досуге задачи бытия. Олег, отрабатывая своё направление, с каждым днём всё больше убеждался в одном: дела в управлении обстоят не так уж плачевно, как ему обрисовали в Москве. И результаты были ближе к средним, чем к плохим. Поэтому, когда руководитель инспекторской группы попросил каждого подготовить аналитический документ по результатам проверки, Олег постарался быть предельно объективным, излагая всё так, как обстояло в действительности.

Шеф, прочитав его отчёт, поморщился и сказал, что учтёт это мнение, и больше к этой теме не возвращался. Стало понятно, что мнение Олега шло вразрез с общей линией. Он точно понимал, что подготовленный им документ, в общем-то, ставит крест на его дальнейшей карьере. Плевать против вет-

ра всегда было делом опасным. Но, в конце концов, бывают же какие-то критические ситуации, как их называют «моменты истины», когда карьерные соображения должны потесниться перед элементарной порядочностью...

За всем, что Олег увидел в управлении, стоял некий внутренний конфликт - конфликт поколений. Молодой зам (ему не было и сорока) чётко следовал в русле политики нового руководства министерства - давать количественные показатели в то время, как шеф, прошедший школу КГБ, более склонен был к глубоким и масштабным разработкам, которые не могли принести сиюминутных результатов. Олег также исповедовал этот стиль работы - не отвлекаться на мелочёвку, которая даёт картину внешнего благополучия, но не влияет на реальную обстановку в городе и области (которая, впрочем, переживала очередной этап передела собственности). В небольшом, по российским меркам, городе были и заказные убийства, и перестрелки между криминальными группировками, за что местные жители даже называли его «сибирским Чикаго». Когда общий документ был подготовлен, почти единственный позитивный момент был взят из его, Олега, справки...

Группа инспекторов улетала в Москву в понедельник, а воскресенье отводилось для отдыха - тем более, что накануне руководство (по заведённой уже давно традиции) устроило небольшой банкет на какой-то базе отдыха, где гостей потчевали сибирскими пельменями и жарким из кабарги. Во время перерыва в застолье начальник управления подошёл к Олегу и сказал: - *Спасибо за поддержку. Всё-таки не зря нас воспитывали как приличных оперативников и порядочных людей.*

- *Но это направление у вас выглядит действительно очень неплохо,* - ответил Олег, - *а оно - основное в работе.*

- *Да, но этот стиль сейчас не в моде. Подавайте палки: в этом месяце 20, в следующем должна быть хотя бы двадцать одна... Нашу эффективность нельзя измерять такими*

показателями. Я ведь знаю, тебя прочили на моё место. Я говорю это без обид - это нормально, когда меняется руководство на местах после смены лидера в министерстве.

- Я не приму это назначение, даже если на меня будут давить. Вы вполне справляетесь. Я здесь ничего не смогу изменить, поскольку у меня такие же взгляды, как у вас, и такая же школа...

- Ну и что, прощай, генеральство?

- Я фаталист... Всё predetermined в этом мире. От нас с вами сегодня мало что зависит...

В воскресенье после обеда Олег пошёл прогуляться по городу. За ним увязался его коллега, тоже руководитель из провинции, который решил посмотреть город и купить сибирские сувениры. Они пошли по центральной улице, разглядывая старинные деревянные особняки с диковинными наличниками, украшенными резьбой везде, где только можно. Сколько труда и таланта неизвестных русских мужиков было вложено в эти деревянные кружева! Такие дома приглашали к отдыху, любви, мирной и спокойной жизни, хотя мира-то в сибирской стороне как раз и не хватало.

Олег с попутчиком зашли в магазин сувениров, выбрали какие-то деревянные безделушки, купили по бутылке кедрового бальзама и, не торопясь, пошли дальше. Около старинного монастыря, расположенного в центре города, было тихо и безлюдно, а двери почему-то были приоткрыты, как бы приглашая заглянуть внутрь. Олег любил бывать в монастырях, которые представлялись ему островками старинной России, сохранившими как архитектуру, так и внутренний уклад жизни. Монастырь был женский, монахини и послушницы, проходившие мимо двух мужчин, не поднимали на них глаз. Олега поразило, как много молодых и симпатичных женщин решили посвятить себя Богу.

Белокаменный центральный собор был сравнительно небольших размеров, весь какой-то очень уютный. Они зашли внутрь, купили свечи и поставили их перед образами, предварительно проконсультировавшись, где за здоровье, а где - за упокой. В этом оба были несильны.

Послушница, торговавшая свечками, немного рассказала о храме, возраст которого перевалил за 300 лет, и, указав на небольшой металлический ящичек, богато украшенный самоцветами, пояснила, что здесь хранится частица мощей почитаемого в этих краях святого. Попутчик Олега, раньше работавший следователем прокуратуры, вдруг весьма некстати проявил свои профессиональные навыки и строго спросил у послушницы: - *А какой именно фрагмент мощей здесь находится?*

Олег одёрнул его, шёпотом сказав, что такие вопросы здесь задавать неприлично. Тот всё понял и дальше только молчал, присмирив под строгими взглядами святых. Может быть, главное, что всегда украшало и украшает русскую землю, - такие вот храмы, построенные с соблюдением византийской традиции, органично вписавшиеся в русские пейзажи... На каждом пригорке около русских сёл и деревень обязательно возводили небольшие церкви, которые уберегали людей от злобы и одичания, делали их добрее и мягче. Поэтому разрушение храмов реальных, построенных из добротного кирпича, неизбежно повлекло разрушение храмов внутри каждого человека. И сколько это принесло бед, никто не считал...

Конец февраля даже здесь, в Сибири, напоминал о том, что скоро весна, и люди готовы будут распахнуть пальто, куртки и сердца и вдохнуть весенний пьянящий воздух, набраться новых впечатлений, а, если повезёт, то и влюбиться. Долгая прогулка по зимнему, заметённому снегом городу, где после вечерней метели снег не везде ещё успели убрать, порядком утомила обоих, и они зашли в кафе с названием, напомнив-

шим им о лучшей сказке детства «Три пескаря». У входа их встретил настоящий Карабас-Барабас, притворившийся добрым швейцаром, а официантки были сплошь Мальвинами девушками с голубыми волосами.

Два полковника, которых государство не баловало приличными зарплатами, посмотрели сначала на цены, а уж потом на названия блюд. Цены, кстати, были божеские, и они заказали бутылку коньяка, копчёный медвежий окорок и жаркое из кабарги, которое так им понравилось ещё на банкете.

«Мальвина» была мила и приветлива и не стала проверять чистоту их рук, а просто приняла заказ, пообещав, что всё будет исполнено очень быстро. Судя по всему, кафе открылось недавно, и народу там было ещё немного. Олегу понравилось, что в зале никто не курил и отсутствовал запах дыма, придающий и самому приличному заведению дух дешёвого кабака. «Мальвина» оказалась правдивой девушкой, и очень скоро они угощались прозрачными ломтиками свежего медвежьего окорока, необыкновенно вкусными и нежными, запивая всю эту благодать коньячком (не первоклассным, конечно, но всё же неплохим). От тепла и коньяка оба порозовели и почувствовали, что мир не так уж и плох, а жизнь состоит не только из изучения толстых томов всякой писанины, хотя и очень нужной, но мало украшающей наше бытие.

Вскоре в зале заиграл небольшой оркестрик, создавая лёгкий ненавязчивый фон. По заведённому не ими порядку, они стали говорить о работе, обсуждая результаты проверки, стараясь говорить тихо, соблюдая строжайшую секретность. Сотрапезник Олега, пропустив ещё рюмочку и сделав это неторопливо и со вкусом (что выдавало в нём знатока этого благородного напитка), внезапно сказал: - *Зря ты полез со своей справкой. Мужика не спасти, всё равно снимут, раз решили. А себе всё испортил...*

- *Белое будет белым, а чёрное - чёрным, и не мне пере-*

крашивать первое во второе.

- Ты пойми, была задача накопать, и накопили...

- Слушай, я сейчас приеду к тебе в управление и за месяц найду не меньше грехов, если не больше, и что, сразу же командовать «пошёл вон»? А контора работает неплохо. И работала бы ещё лучше, если б его зам не мутил воду. Их надо развести в разные стороны, и проблема решится.

- Не всё так просто, коллега!

- Всё равно жаль мужика. Если его уберут, пока новый войдёт в курс дела, управление будет лихорадить, а, значит, ситуация не улучшится, а, скорее, наоборот...

Они выпили ещё по рюмке. Как раз в это время принесли жаркое из кабарги (издававшее аппетитный запах), с жареной подрумяненной картошкой и различной зеленью.

- Что думаешь делать дальше? - спросил Сергей (так звали коллегу).

- Ты знаешь, я, пока был здесь, много раз спрашивал себя - хотел бы я жить в этом городе (даже в звании генерала)? И понял главное - чтобы здесь жить, надо здесь родиться. Поэтому - домой. Я надеюсь, что меня оставят в покое с этим переводом. А ты бы поехал сюда?

Сергей немного подумал и ответил: - Мне никто и ничего не предлагал. Наверно, поехал бы... Я ведь - потомственный офицер - в нескольких поколениях. Ты себя ощущаешь сначала оперативником, а потом военным, а я, наоборот, сначала офицером, а потом уже сыщиком.

- Ну, тогда флаг, серп и молот тебе в руки! - сказал Олег. - Давай, порекомендую тебя, если, конечно, спросят...

Вместо ответа Сергей сказал: - Давай-ка по последней, и пойдём. Завтра вылет в восемь утра.

- Здравствуйте! - сказал вдруг кто-то совсем рядом.

Олег машинально ответил, затем спохватился. В этом городе у него не могло быть знакомых, кроме нескольких сотруд-

ников управления. Он поднял голову и узнал стоящую рядом с их столиком женщину - ту самую, которая летела с ним в самолёте и чью дочку он успокаивал.

- Гора с горой... - пошутил Олег и предложил: - Присаживайтесь!

- Да нет, спасибо, много дел... Зашла на минутку перекусить, увидела вас издалека, думаю, тот это или не тот наш защитник от террористов?

- Он самый. Вы здесь живёте?

- Да.

- А чем занимаетесь, если не секрет?

- Я журналистка.

«Что-то везёт мне в последнее время на журналисток», - подумал Олег, а вслух сказал: - Я бы вполне мог говорить о своей профнепригодности, если б поверил, что вы появились здесь случайно... Ну-с, так чем могу быть вам полезен? Кстати, как вас зовут?

- Алёна.

- Олег Николаевич.

- Я знаю. В осведомлённых кругах ходят слухи, что вы заменили начальника управления, которое сейчас проверяете.

- Ну, - протянул Олег разочарованно. - Это уже интервью. Я-то думал, что понравился вам, и вы, движимые непреодолимым чувством, пришли сюда, чтобы повидаться. Дальше не продолжаю - найдёте в любом плохом романе девятнадцатого века...

- Нет-нет, - торопливо сказала она. - Я действительно зашла сюда за тем же, за чем и вы.

- Может, выпьете с нами?

- Только кофе, я за рулём.

Олег после выпитого коньяка пребывал в хорошем расположении духа, да и напряжение последних дней спало, осо-

бенно после того, как он решил отказаться от назначения. Он вновь почувствовал себя мужчиной, который может понравиться женщине, привлечшей его внимание, поэтому сказал не без кокетства: - *Научите, как современному, не очень молодому мужчине соблазнить молодую, симпатичную, многодетную журналистку? Без рюмки коньяка я обречён на неудачу...*

- *Но я совсем не многодетная, у меня одна дочка!*

- *Ну, в перспективе... Такая красавица, как вы, просто обязана нарожать Отечеству с десяток красивых мальчиков и девочек!*

- *Да, - вступил в разговор Сергей, молчавший до сих пор и с интересом наблюдавший за ними. - Поголовье людей в стране всё уменьшается, и женщины виноваты в этом в первую очередь.*

- *Почему же?*

- *Вы перестали соблазнять мужчин!*

- *Это очень спорный вопрос, - сказал Олег, - не будем углубляться. Всё равно здесь никогда не будет, как говаривал незабвенный наш лидер, консенсуса...*

- *И всё-таки, - Алёна попробовала перевести разговор в интересующее её русло. - Как вы оцениваете ситуацию в городе?*

- *No comments. I can't say you anything else, -* сказал Олег, продемонстрировав прекрасное английское произношение, которое ему когда-то привили в спецшколе.

- *Хорошо-хорошо, -* торопливо ответила Алёна, - *ни слова больше об этом...* После небольшой паузы она произнесла с некоторым волнением в голосе: - *Я хотела сказать, что у меня есть материалы, которые могли бы вас заинтересовать.*

- *По какой же части?*

- *По вашей!*

- *Ну, это уже серьёзно, -* сказал Олег. - *Приносите. Только*

лучше передать это всё через посредника. Я буду ждать у входа в гостиницу в 20-00.

- Да, - ответила Алена и быстро вышла из кафе.

Полковники переглянулись...

- Вот и верь после этого женщине! Сначала говорит, что любит, а потом выставляет счёт, - прокомментировал ситуацию Сергей.

- Ну, она как раз о любви-то ни слова...

- Суровая дамочка, но мне кажется, что нас пытаются втянуть в какую-то нехорошую ситуацию...

- Кто знает... Во всяком случае, мы должны получить эти материалы. Там, может быть, и ерунда, а может быть, и что-нибудь важное.

- Как думаешь, докладывать старшему?

- Мы люди в погонах, всё делаем только по команде и с ведома начальства...

- Так тому и быть. Пойдём, пора паковать чемоданы и готовиться к отъезду!

Придя в гостиницу, они доложили руководителю группы о встрече в кафе. Тот поморщился и сказал: - *Надо же, в последний день какие-то осложнения. Ну, что ж, идите, только с прикрытием...*

Он пригласил в номер ещё двух офицеров из соседних комнат и попросил их прикрыть Олега во время получения материала.

В условленное время Олег и двое его коллег стояли около входа в гостиницу. Олег выдвинулся вперёд, а его товарищи укрылись неподалёку, чуть в стороне, ведя наблюдение за обстановкой вокруг. Было уже темно, но вокруг гостиницы сияли огни, и площадь перед входом хорошо просматривалась.

В двадцать часов никто не пришёл. Никто не пришёл и через полчаса... Олег разочарованно вздохнул и, махнув рукой

коллегам, вернулся в гостиницу, доложил старшему и, под шуточки коллег, пошёл к себе в номер. Дверь, как ни странно, была не заперта.

«Вот те на! Впоныхах забыл запереть дверь на ключ!» - подумал Олег. И на всякий случай проверил бумажник и документы - всё было на месте. Ещё раз внимательно осмотрев номер, он увидел на подоконнике, за занавеской, тонкую зелёную папку с тесёмками... Всё было понятно: дамочка читалась женских детективов. Олег взял папку в руки, дёрнул за тесёмочку и стал просматривать бумаги. Это были копии различных финансовых документов филиала московского банка.

«Ну, это для специалистов», - подумал Олег. Правда, однажды он проявил себя как хороший финансист, но с оперативным уклоном, и твёрдая уверенность, что дважды два - четыре, а никак не восемь с половиной, его как-то раз выручила...

Ему принесли на подпись акт проверки крупного предприятия, где значилась итоговая сумма, касавшаяся штрафных санкций. Олегу она показалась непомерно высокой. Сотрудницы, которые составляли акт, были дамы опытные, но что-то насторожило тогда Олега: он взял ручку и стал в столбик (как учили ещё во втором классе) складывать составляющие итоговой суммы. Дамочки, узрев старания Олега, заулыбались, сказав, что всё просчитано и пересчитано десятки раз. Олег, не слушая их, спокойно продолжал заниматься сложением, и сумма у него оказалась в несколько раз меньшей, что он и продемонстрировал сотрудницам. Раздалось обычное в таких случаях «Не может быть!» да «Как же так?».

Этот документ, подписанный Олегом, повлёк бы самые тяжёлые последствия, в том числе и для его профессиональной репутации. Олег тогда только и сказал: «Обе без премии останетесь!». И вернул акт на доработку... Так до сих пор он и не понял, что тогда было - просто ошибка, или попытка подста-

вить его, и подставить по-крупному.

...Среди финансовых документов в этой папке его заинтересовал один, из которого можно было узнать, что в состав учредителей банка входила жена заместителя начальника управления.

«Вот оно что, - подумал Олег. - Теперь понятно служебное рвение молодого зама. Хотя во всём этом нужно тщательно разбираться, но к счастью, не мне...».

Он взял папку, зашёл в кабинет к старшему группы, передал её, пояснив на словах, что там.

- Интересно, - сказал шеф, - это может в корне поменять ситуацию. Хотя не исключена версия, что это - ложный компромат. В общем, будем разбираться, но уже в Москве...

Олегу страсть как надоел этот город, жизнь в гостинице, где не знаешь, куда себя девать по вечерам и подыхаешь от тоски, спасаясь только работой да периодическими застольями с товарищами, которые уже порядком утомили. Да и вообще, какое ему дело до страстей, бушующих в этом городе по поводу того, кто отхватит ещё больший кусок пирога, какой из хищников победит в борьбе за добычу, и что, в конце концов, может изменить вмешательство в этот процесс обогащения наиболее агрессивной части населения?

Нескоро, ох, нескоро эта свора придёт в возраст покаяния, когда наступит ощущение греховности того, что они сделали, ограбив огромную страну, обездолив миллионы людей, как раньше ничего не смысливших в политике, так и теперь с трудом понимающих лишь одно: государство больше не интересуется тем, как они живут, что они едят, как их лечат, и тепло ли им в своих очень скромных, заработанных тяжким трудом, квартирах, из которых их могут выселить за неуплату... Олег всё чаще приходил к мысли о собственном бессилии и о бессилии самой власти что-либо изменить.

Он вытащил сумку и быстро побросал в неё свои вещи. Когда всё было уложено, сверху он положил галстуки. Один из них ему подарила Ольга. Просто так, не к какой-то дате, а, видимо, не сдержав добрый порыв. Через несколько дней после того случая, Олег, повязав этот галстук, появился на презентацию какой-то крупной компании. В толпе приглашённых он, к своему удивлению, увидел и Ольгу, причём, с каким-то молодым мужчиной, на котором был точно такой же галстук... Как потом выяснилось, Ольга пришла туда с мужем, которому преподнесла точно такой же презент. Когда Олег сказал ей об этом, она только удивилась: *- А что здесь особенного? Этот галстук вам обоим подходит!*

Олег не удержался и съязвил тогда: *- Как и ты, наверное...*

- Но на шее-то я только у него, а не у тебя! - не осталась в долгу Ольга.

Олег промолчал. Он, любя её за красоту, за её женскую нежность (да мало ли за что можно любить женщину, точно всё равно никто не ответит), терпеть не мог её цинизма необходимого атрибута её профессии. Где-то глубоко в душе таилась мысль, что через месяц или через год эта женщина порвёт с ним (и хорошо ещё, если не присвоит ему какой-нибудь пятый или десятый номер в каталоге своих женских побед). Но в ту пору он был просто счастлив и думать об этом не хотел. Да и Ольга, после тех трехдневных «римских каникул», больше не давала повода к ревности.

Самое удивительное (что отметил тогда Олег), он совершенно не ревновал Ольгу к мужу, понимая, что она, наверное, выполняет свои супружеские обязанности, что-то говорит ему при этом, может быть, даже бывает счастливой, и удовлетворённой, как, впрочем, и он. Но (странная вещь) он готов был ревновать её к любому другому мужчине, тем более, что её профессия предполагала встречи с людьми неординарными, среди которых, наверное, были люди и поинтереснее, и помо-

ложе его. Это чувство мучило его, но он не давал ему воли, успокаивая себя тем, что если что-то случится, он тоже один не останется. Об этом он ей как-то и сказал, но должного эффекта не получилось. Она просто его не любила, а поэтому и не ревновала, и это равнодушие задевало его больше всяческих сцен ревности.

«Завтра буду уже дома», - подумал Олег, и от сознания того, что ему не надо будет никуда больше ехать, стало спокойно и тепло на душе.

Поздним вечером ему позвонила Алёна и каким-то очень жёстким голосом спросила: - Получили папку?

- Да.

- Ну, и что?

- Что вы хотите от меня услышать? Я передал её руководству. С документом будет разбираться внутренняя безопасность, и к этому я вряд ли буду иметь отношение.

- Но там же всё ясно!

- Это для вас, журналистов, всё ясно сразу и навсегда, а мы привыкли всё проверять, прежде, чем делать какие-то выводы.

Алёна помолчала в трубку, а затем спросила: - Это значит, что вы лично не будете заниматься этим?

- Нет, это не моя задача...

- Я могу получить назад документы?

- Алёна, не стоит жалеть о том, что сделано. Поверьте, всё будет тщательно изучено, будут сделаны соответствующие выводы, в том числе и организационные, но не здесь, а в Москве. Как я понимаю, основные каналы ухода денег тянутся в столицу, там и надо сосредоточить поиск.

- Я так на вас надеялась... Тогда, в самолёте, я впервые за многие годы почувствовала себя под защитой. Вы так хорошо поговорили с моей дочкой...

- Алёна, запишите мои координаты, дозвониться не-
сложно. Я уверен, что мы увидимся в ближайшее время в Мо-
ске. Я, по возможности, постараюсь подключиться к прове-
рке этих материалов, хотя не уверен, что это получится.

- Ну что ж, спасибо... Счастливо вам долететь. Может,
действительно увидимся, - сказала она потеплевшим голо-
сом.

- Жаль, вы поздно позвонили...

- Но всего одиннадцать вечера, не так уж и поздно!

- Да нет, я в другом смысле... Ну, да ладно, что не случи-
лось, то не случилось, - шутливо сказал Олег и повесил
трубку.

«А всё-таки хорошо, что я завтра уезжаю, - подумал он
почти весело. - Ну, что ж, пора спать, а то вставать рано».

Приняв тёплый душ, Олег лёг, но сон всё не шёл, а снотво-
рное у него закончилось. День был перенасыщен впечатлени-
ями, и сознание продолжало «жевать» всё те же «сухари».
Мысли об Ольге, о том, что будет с Алёной, если вскроется,
что она передала компромат на здешнюю элиту?

«Но нет, всё было сделано чисто, да и она - дама осторо-
жная. И хорошенькая, - опять подумал он о ней, как о женщине.
- Судя по всему, «в паузе» - либо развелась с мужем, либо рас-
сталась с любовником, или, как сейчас говорят, с бойфрен-
дом... Сколько ей? Пожалуй, лет 26-27. Более солидная дама
не стала бы втягиваться в эти опасные игры... Впрочем,
что-то её движет. Не очень-то верится в простые поиски
справедливости. Тут что-то другое...».

Когда Олега разбудили, за окном была густая чёрная ночь.
Кто хоть раз просыпался по служебной надобности зимней но-
чью, когда из крана в ванной льётся только холодная вода, а
глаза никак не желают открываться, и всё твоё существо про-
тестует против такого насилия над природой, тот поймёт, как

неуютно чувствует себя в это время человек.

Собрались все необыкновенно быстро, выпили по чашке кофе с бутербродами, сели в микроавтобус и помчались в аэропорт, расположенный в соседней области. Было холодно, и через час дороги все порядком продрогли. Один из запасливых полковников неожиданно вытащил из пузатого портфеля бутылку водки, которую пустил по кругу, и всем стало чуть теплее. Кто-то стал рассказывать анекдоты, а поскольку собрались люди бывалые, то у каждого этого добра было в избытке, и время полетело незаметно, а вскоре сверкающее огнями здание аэропорта впустило их внутрь, туда, где было тепло и спокойно.

Народ не любит летать ночью. Все предпочитают дневные рейсы. После последнего теракта в самолёте, случившегося неделю назад, всё стало здесь как-то строже... Люди внимательно приглядывались друг к другу, настороженно поглядывая на брюнетов и брюнеток, словно пытались понять, угрожает им что-нибудь или нет?

Олег огляделся по сторонам, ища свободное местечко. Посадку ещё не объявляли, и они с Сергеем решили обойти здание, а может (если повезёт), пропустить по рюмочке коньяка, поскольку продрогли в машине основательно.

В дальнем углу зала ожидания они обратили внимание на группу людей, что-то возбуждённо доказывавших человеку в форме гражданской авиации. Подойдя поближе и прислушавшись к разговору, они поняли, что пассажиры отказываются лететь в самолёте вместе с несколькими кавказцами, один из которых был вместе с женой и маленькой дочкой.

Представитель авиакомпании глуховатым голосом доказывал, что документы у людей в порядке, что они такие же граждане России, как и все остальные, и что всё уже тщательно проверено. Но люди всё никак не могли успокоиться. Судя по всему, это были их попутчики...

Кавказская семья и молодой парень, чем-то напоминавший раннего Кикабидзе в «Мимино», растерянно поглядывали по сторонам и пытались что-то доказать, показывая свои документы. Но толпа есть толпа - она не подчиняется законам логики. Все требовали отправить кавказцев другим самолётом.

Олег послал Сергея искать буфет, а сам подошёл к группе пассажиров и зычным, так называемым командным голосом представился: - Я - полковник Зотов, со мной ещё 15 офицеров. Не бойтесь, мы летим с вами, всё будет нормально! Не надо зря обижать людей...

- Не больно-то вы их защищайте! Недавно самолёт с пассажирами опять взорвали. Нам что, такой же участи дожидаться?

Олег, стараясь перекрычать возмущённых людей, уверенно и громкогласно объявил: - Долетим спокойно. Все меры безопасности, как я понял, приняты, так что для волнений оснований нет, - и добавил с улыбкой: - Главное, чтобы крыло не отвалилось. Не отвалится? - посмотрел он на лётчика.

Тот, обрадовавшись неожиданной поддержке, весело ответил: - Довезу, как в автобусе!

Женщины еще немножко поворчали, но обстановка уже разрядилась. Тем более, что объявили посадку, и все заторопились к выходу. Лётчик подошёл к Олегу, поблагодарил за содействие и сказал: - Второй случай такой за неделю... Люди сильно напуганы, особенно здесь, в провинции. Делаем, что можем, но систему проверки надо менять в корне - на войне, как на войне...

Олег распрощался с лётчиком и подошёл к Сергею, чью одинокую фигуру он заметил около сверкавшего бутылками бара. Сергей махнул ему рукой, указав на стоящую на столе рюмку с коньяком. И вскоре оба благополучно выпили за удачный полёт и мягкую посадку.

«Да, - подумал Олег, - маленькую девочку проще угово-

рить не бояться, чем большую группу взрослых людей, хорошо представляющих себе, что их может ожидать. Как бы всеобщее подозрение не переросло в массовый психоз, да ещё с национальной окраской. Вот это уже будет страшно».

- Ну, пошли, - сказал Олег, - не стоит отрываться от группы. Да и пассажиры, наверняка, уже поглядывают, не обманул ли я их, сказав, что со мной летит целый взвод защитников Отечества.

Олег с Сергеем быстрым шагом подошли к группе пассажиров и вместе со всеми прошли на посадку. В небе уже просматривались некоторые намёки на то, что утро всё-таки наступит, но на лётном поле пока было темно и холодно.

В самолёте после обычной суеты все расселись по своим местам и как-то сразу притихли. Кавказская семья, немного напуганная и обиженная всем происходящим вокруг, старалась вести себя так, как будто ничего не произошло. И только когда Олег проходил мимо, мужчина сказал: - *Спасибо, друг! Без тебя бы мы здесь ещё сутки просидели. А мне завтра лекцию читать в университете.*

Олег улыбнулся и, ничего не ответив, прошёл на своё место. А люди, удостоверившись, что в самолёте находится большая группа солидных мужиков с военной выправкой, окончательно успокоились. Самолёт взлетел, взяв курс на Москву.

- *Прощай, Сибирь! Мы не созданы друг для друга,* - сказал Олег, улыбнувшись Сергею.

- *Да, уж лучше они к нам,* - ответил тот расхожей фразой, и оба, согретье коньяком, вскоре уснули.

Олег с Сергеем позорно проспали весь полёт, забыв о своей высокой миссии, которую пассажиры, с подачи Олега, возложили на них, храбрых военных. В общем, как и обещал Олег, полёт прошёл нормально, и люди после приземления тут же забыли о своих страхах и подозрениях. В отличие от тех троих,

которые говорили по-русски с заметным акцентом и отличались от других, пожалуй, только цветом волос... Они-то, уж точно, не забудут этот полёт, как, дай Бог, не забудут и русского полковника, взявшего их под свою защиту...

* * *

Машина ждала Олега недалеко от входа в аэропорт. Он попрощался с коллегами, с удовольствием сел в обжитую машину и взял курс на родной город. В Москве уже начиналась ранняя весна, дороги, по которым мчались тысячи автомобилей, были свободны от снега и льда.

«Да, - подумал Олег, - хоть и Восточная, а всё же Европа - эта наша столица...».

«Волга» шла медленно, поминутно останавливаясь в пробках, и это позволяло Олегу вволю поглазеть по сторонам. Он соскучился по Москве, по родным местам, с которыми связана была вся жизнь. Да он просто сгинет, если хоть раз в месяц не сможет бывать в Москве, дышать её воздухом, смотреть на этих людей, которые все вместе, как живые клетки, составляли сердце государства Российского...

Олег почему-то вспомнил, как он впервые, лет эдак в 14, увидел Кремль. Он представлял его себе сделанным из блестящего мрамора, каким его изображали на открытках и учебниках. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что Кремль сделан из простого красного кирпича. (Много позже подобное же разочарование постигло Олега после того, как он увидел совсем близко одну знаменитую актрису. Она оказалась намного старше. Какие-то морщины на лице. И глаза не такой небесной голубизны, как у её героинь...).

Но Москва сродни картине великого художника - чем больше любишь её, тем сильнее впечатление. И, полюбив её раз, никогда с этим чувством не расстанешься ещё и потому, что это - столица, главный город русского народа, частью

которого он всегда себя ощущал.

К вечеру Олег был уже дома, в кругу своих домашних. Приняв ванну и юркнув в свой любимый халат, он понял, что это и есть маленькое счастье, ради которого стоит иногда уезжать далеко, иначе его не оценишь...

- Ну, что ты решил? - спросила жена, когда они остались наконец-то одни.

- Я никуда не поеду отсюда, поздно... Два-три года назад уехал бы, не задумываясь, а сейчас - нет. Знаешь, переделывать мир - удел молодых, а я, наверное, впервые за свою жизнь понял, что уже немолод, что силёнки с каждым годом будут убывать, что я уже не смогу сорить идеями, как раньше. Я подчас просто не знаю, как и все нормальные русские интеллигенты, что делать и кто виноват? Хотя раньше я всегда это точно знал. Жизнь меняется быстрее, чем мы. Не надо пытаться вечно догонять кого-то. Надо идти ровно и спокойно, тогда ты пройдёшь тот путь, который тебе отмерен, не создавая ни себе, ни другим искусственных трудностей.

- Чувствую, давно речей не произносил, - сыронизировала жена. - С аудиторией была проблема?

- Да, нет, просто передумал за это время много... Да и, издали взглянув на свою здешнюю жизнь, понял, что ничего не хочу менять.

- А как же повышение, назначение?

- Это уже, пожалуй, моё прошлое, впрочем, завтра узнаю.

- Начальник твой уже звонил, справлялся, когда появишься на службе? Надо бы позвонить, доложить...

- Не хочу сегодня ни о чём думать, успеется. Меня ждут нелёгкие дни. Чем всё закончится, не знаю. Может, придётся даже уходить.

- Как? Тебе ещё пятидесяти нет! Служить ещё, как ми-

нимум, года четыре осталось.

- Ну-ну, выслуга у меня уже есть, не зря мы с тобой поездили по нашей державе... Впрочем, это только мои прогнозы. Ты же знаешь, они ещё ни разу не сбывались, - успокоил он жену. - Ладно, давай спать, а то у меня голова вконец разламывается - сильно промёрз в машине. Если вдруг повезёт и появится температура, с удовольствием неделю поваляюсь дома!

- Нет уж, лучше будь здоровым, - сказала жена и погасила свет.

...Ночью у Олега действительно поднялась температура, причём такая высокая, что утром ни о каком выходе на службу и речи быть не могло!

Через неделю, немного оклемавшись, Олег пошёл в спецполиклинику, чтобы выписаться на службу. Врач, молодая черноглазая женщина в белоснежном халате, не чуждая дорогой косметики, долго вертела в руках рентгеновские снимки Олега, а затем позвонила в рентгеновский кабинет, сказав, что нужно сделать всё ещё раз...

Олег не стал расспрашивать в чём дело, молча оделся и спустился вниз. Его слегка пошатывало, поскольку температура продержалась несколько дней, и он ещё чувствовал сильную слабость.

Беспокойство Олега усилилось, когда его в рентгеновском кабинете стали детально исследовать сразу несколько врачей. Одна-единственная мысль стучала в мозг: «...А вдруг это всё? Вдруг сейчас мне объявят приговор, и всё вокруг потеряет смысл: дом, близкие, недавняя любовь и всё остальное, что ещё вчера казалось таким важным и без чего, казалось, нельзя было жить. И весь мир, такой большой и красивый, где я нужен ещё очень многим, сузится до точки точно так, как когда-нибудь сузится наша Вселенная. И эта точка поглотит всё: солнечный свет, звонкий воздух в утрен-

нем лесу, прикосновение губ любимой женщины - всё, что имеет хоть какое-то значение, пока ты живёшь».

Наконец, врачи закончили с ним, позволив одеться. Олег ни о чём не спрашивал, но по тому, с каким облегчением они рассматривали ещё сырые снимки, сравнивая их с какими-то другими, он понял - пронесло...

Доктор, уже пожилой и опытный профессор, подошёл к нему и с улыбкой сказал: - *Всё хорошо, Олег Николаевич! Просто первые снимки оказались некачественными, и у нас возникли кое-какие сомнения... Теперь их больше нет. Поболейте ещё до понедельника, и можно на службу. Но Сибирь вам строго противопоказана, - добавил он. - О чём мы и запишем в медкарточке...*

- Спасибо, - сказал Олег. - *Запись в карточке - это очень кстати! По крайней мере, не придётся ничего никому объяснять... Врачи запрещают, и всё тут!*

Когда он вышел на улицу и осторожно вдохнул сыроватый весенний воздух, воздух свободы и жизни, ему стало так радостно, как бывало в детстве, когда ему дарили новую игрушку. «Что ж, у меня ещё есть время, - подумал Олег весело. - *Время жить, любить, делать что-то полезное... Главное, ко времени надо относиться более экономно. Как к хлебу во время войны. Дорожить каждой его крошечкой... Время опытный игрок - сдало мне ещё одну карту, а сколько на ней обозначено, узнаю потом...».*

Он сел в машину, поджидавшую его у поликлиники, и под разудалую припевку Русского радио «*Всё будет хорошо!*» поехал на службу. Поехал в своё новое состояние, в возраст прощания, который неизбежно наступает у всех живущих на Земле людей у одних раньше, у других несколько позднее...

Какой-то весёлый бесёнок тронул Олега за рукав, накинул на него пальто и шепнул: *«Иди, прогуляйся, весна на улице, сколько можно торчать в кабинете»*.

Олег, несмотря на своё врожденное упрямство, в этом случае как-то уж слишком легко согласился и вышел на улицу. Бесёнок угадал его внутреннее состояние - за окном светило солнце, которое, казалось, тоже соскучилось по людям, и, радуясь встрече, осторожно касалось прохожих своими ласковыми тёплыми ладошками. Был канун 8 марта - праздника, который придумали несколько озабоченных переделкой мира дамочек где-то далеко от России; но поскольку наш народ всегда считал, что заграничное лучше своего, то и этот праздник вошёл в обиход русских людей, быстро потеряв свой политический смысл, и, в конце концов, превратился в дополнительный выходной день. Это произошло как в случае с английской блохой, которую подковал Левша. После того, как ей прицепили русские подковы, она перестала плясать - знай наших.

На улицах былолюдно, на каждом углу стояли кавказцы, торговавшие ветками мимозы, не засушенными, как раньше, а ярко-жёлтыми, похожими на горсточки крохотных солнечных зайчиков. Мужчины и юноши, которым пока ещё не повезло в жизни, покупали эту весеннюю жёлто-зелёную благодать, чтобы подарить своим любимым. Люди посolidнее подъезжали к цветочным киоскам на своих иномарках, которые благородством линий и навороченностью подчеркивали высокий финансовый статус своих владельцев.

Олег, повинувшись какому-то общему движению, подошёл к кавказской тётке без явных признаков принадлежности к шахидкам, и купил три развесистые ветки мимозы, купил просто так, поскольку до вечера ещё далеко, а букет для жены у него уже был приготовлен. Он всегда удивлялся, как цветы влияют на состояние людей, особенно женщин; крохотный букет под-

снежников, купленный ранней весной где-нибудь на углу у озябшей бабушки за гроши, способен был усмирить гнев, развеять печаль, вызвать радость у любой дамы. Олег шёл неторопливо, но машинально всё время пытался ускорить шаг - привычка спешить глубоко сидела где-то внутри него, хотя сегодня спешить ему было некуда. Женщины и девушки, как набухшие почки на деревьях, готовились сбросить свою коричневую защитную кожуру и показать окружающим хотя бы кончики своих пробивающихся наружу, как листики, нарядов. Самые отважные и юные уже ходили без шапок и платков, распушив волосы, и всем своим видом показывая, что зима для них закончилась.

А впереди - впереди так много всего, по крайней мере в планах и мечтах, но что об этом говорить - хорошо, если исполнится хотя бы часть. Вот прошла мимо девушка, не вполне определяемого возраста - можно дать 18, а можно и 30, всем своим видом демонстрирующая, что идущие мимо парни и молодые мужчины её не интересуют, но это не так - едва заметным движением глаз она оценивает проходящих с одной только мыслью: - это не тот, этот вообще какой-то, а этот - может быть! А вот-вот Он за такого можно и замуж, только почему он не обратил на неё внимания, говорит что-то по своему мобильнику. По-видимому, со своей девушкой. Ну, почему все приличные ребята уже разобраны? А мне достаются такие, из которых трудно выбрать мужа. Но этой весной всё произойдёт, всё случится. Ну не этот, так другой, не менее симпатичный и статный, встретится в такой же прекрасный весенний день.

Вот девушка, упакованная, как сейчас говорят, в полный прикид, идёт с надеждой, что вот этот или этот парень с ней заговорит. Она так хороша собой, так молода, модно одета, а парни, по виду студенты, только проводили взглядом, но никто не «приклеился», не спросил хотя бы «который час»! Но этой весной всё сбудется, всё произойдёт.

Олег, разглядывая встречных, ещё некоторое время продолжал забавляться тем, что придумывал за девиц монологи, которые они вполне могли произнести, а, может быть, и произносили про себя, сохраняя при этом внешнюю невозмутимость. Женщины уже выглядели несколько иначе, многие шли с пакетами и с сумками, из которых выглядывали букетики мимоз, гвоздик или маленьких розочек, кому как повезло; и, наверное, думали о том, что купить к празднику, кого пригласить на обед или ужин, что подарить матери и дочке.

В этой толпе Олег безошибочно определял одиноких женщин, даже при внешней весёлости глаза у них были грустные, но впереди весна, она всё поправит: одинокие найдут себе пару, неудачно поженившиеся - разойдутся, полюбив других, девушка в свою первую весну выберет свою первую любовь. Весна всех приласкает.

«Так, надо подарить кому-нибудь мимозы, не возвращаться же с ними на службу», - решил Олег сыграть роль Гарун-аль-Рашида, тайно исправлявшего всякие несправедливости. Внимательно посмотрев по сторонам, он выбрал объект - это была молодая девушка, одетая как все - в джинсы и тёплую куртку, из тех, что не бросаются в глаза. Он подошёл к ней и сказал, протягивая цветы: *«Это Вам».*

Девушка удивлённо посмотрела на него, даже не улыбнувшись, и спросила: *«От кого?»*

«Да, дожил, - подумал Олег и с улыбкой сказал девушке: От Деда Мороза. Опоздал на Новый год, только сейчас и успел! С праздником!». И пошёл дальше, не оглядываясь.

Девушка, видимо, не слишком избалованная мужчинами, крикнула вслед Олегу: *«Спасибо».* Он оглянулся, махнул ей рукой и пошёл дальше. Настроение у него окончательно стало праздничным. Конечно, несколько легкомысленно полковнику, которому ближе к 50, чем к 40, подходить к незнакомке и дарить ей цветы, но... в этот день хотелось почувствовать себя

легкомысленным и чуть помоложе. В этот момент в кармане пальто забился в истерике мобильник, требуя к себе внимания, но Олег, взглянув на определитель и не узнав номера, решил не отвечать. Сейчас кто-нибудь испортит настроение, которое бывает таким всё реже и реже, обойдутся.

«Привет, Олег», - услышал он голос за спиной и, обернувшись, увидел своего бывшего коллегу Николая, с которым не встречался уже очень давно. Да и где видется-то? Во время службы они дружили, иногда встречались семьями, но потом, когда Олег перешел в другое ведомство, эти встречи становились всё реже и реже, пока не прекратились вовсе. Крепче всего людей связывает совместная работа, общий интерес, а когда он пропадает - что остаётся?

Они дружески обнялись, как это было принято в их корпорации, отметив про себя, что скульптор, именуемый Природой, опять сделал несколько ненужных движений своим резцом и добавил обоим новые чёрточки на лицах.

- Я слышал, ты на смотрины ездил, - спросил Николай.

- Ездил, но без тяжёлых последствий.

- Как это?

- Телега великовата, а конь староват.

- Да кончай ты.

- Уже.

- Торопишься?

- Давай зайдём ко мне, да по рюмке коньяку за милых дам, праздник всё-таки.

- Идёт, - сказал Николай, - а то ещё три года не встретимся. А ты, кстати, что это пешочком ходишь? При твоих-то чинах нонсенс!

- Весна, захотелось просто прогуляться, без цели.

- Да, романтик в тебе сохнет только вместе с тобой. Дай бог, это случится не скоро, тем более, что ты - последний романтик.

- Ладно, вряд ли он сдохнет вообще! Ну, пойдём и будем говорить только, как учат евреи, ле хаим - за жизнь!

- Правильно учат.

Олег и Николай зашли в кабинет.

- Ну, неплохо устроился.

- Не жалуюсь, недавно отделали почти евростандарт.

- Пойдём в комнату отдыха, там и поговорим.

Олег достал из шкафчика бутылку коньяка, сухое печенье и несколько апельсинов, аккуратно нарезал лимон и всё это разложил на маленьком столике.

- Ну-с, начнём, по единой за дам-с.

Оба с удовольствием выпили, причём по старой традиции стоя, хотя ни одной дамы рядом не было, и некому было оценить красоту их жеста.

- Рассказывай, что видно и слышно на невидимом и неслышимом фронте?

- Непросто, - ответил Николай. - Да и что я тебе могу рассказать теперь. Только, как раньше говорили, в пределах публичной лекции о бдительности.

- Ну-ну, я не люблю ни лапшу, ни макароны. Они незстетично выглядят на ушах.

Выпили ещё по одной, закусив лимоном, немного помолчали. Затем, чтобы как-то заполнить возникшую паузу, Олег спросил: - Объясни мне, почему так неэффективна борьба с террором. За пару недель столько взрывов - у метро, самолёты, жертв не счесть?

- Да сам ты всё знаешь! Отсутствует надёжная система получения информации. В 90-х всё развалили, посчитав, что у нас больше нет врагов, и недооценили новую угрозу. Хотя появление её прослеживалось и необходимо было заранее формировать информационную базу.

- Ну, я понимаю, создание источников информации в террористических структурах - работа на долгие годы. Но по-

чему не работаете с населением? Иногда старушка у подъезда даст не меньше информации, чем профессионал!

- Не преувеличивай, со старушками террор не победить.

- Тем не менее вы должны использовать население. В общем-то спасение утопающих - дело рук самих утопающих.

- Хотя бы и так. Если не преодолеем беспечность населения ничего не получится.

- В этом с тобой трудно спорить.

- Вспомни, что у нас же получалось. По любому высказыванию, которое интерпретировалось как террористическое, мы годами работали, обкладывали потенциальных террористов так, что они без нашего разрешения пописать не могли!

- Не равняй, тогда терроризм как средство борьбы был только в отдельных головах, а сейчас на основе сепаратизма возникли хорошо организованные структуры. Мы все должны понять - это на годы. Кроме того, необходимо преодолеть рыхлость государства, сделать его более управляемым.

- Ясно, что ничего неясно, - сказал Олег. - Ну, давай ещё по единой.

Они выпили ещё по крохотной рюмке.

- Ну так что, значит, остаёшься? Ты уже официально отказался?

- Знаешь, с меня никто ничего не спрашивает, ни да, ни нет. Просто после моего участия в инспекторской проверке всё затихло.

- Ну, понятно. А сам-то как решил?

- Мне нечего там делать! Я останусь здесь, дома, знаешь где родился, там и пригодился.

- Вообще-то, может, ты и прав.

Николай уехал через полчаса, а Олег ещё долго разбирался с бумагами. Он любил поработать вечером, поскольку ник-

то не донимал ни докладами, ни новыми вводными, ни звонками, и можно было спокойно поразмышлять над решениями, которые ему постоянно приходилось принимать. Около 7 вечера всё-таки кто-то позвонил. Олег не хотел брать трубку, поскольку уже собирался уезжать, но со своей природной добро совестью он ничего не мог поделать и нехотя ответил на звонок.

- Привет, это Настя. Вы обещали позвонить, как вернётесь.

- Как раз сегодня собирался поздравить с наступающим праздником.

- У Вас есть возможность сделать это лично. Я сейчас в офисе, у нас небольшой девичник, и мы были бы рады услышать что-то тёплое от настоящего полковника.

- Да поздно уже, хотя... ладно. Через 10 минут буду, но ненадолго.

- Ждём!

«Так, ждём, значит, она там не одна. А вдруг там Ольга? Наверняка там! Ну, и что мне делать? Как себя вести? Впрочем, что говорил А. С. Пушкин? «Чем меньше женщину мы любим», ну и т.д. Впрочем, я для неё уже человек из прошлого, как тогда, 10 лет назад для меня была Наташа», - вдруг нахлынуло на Олега воспоминание.

Наташа позвонила ему и попросила о встрече. Если бы такое произошло 20 лет назад - он был бы на седьмом небе от счастья - ведь она была его студенческой любовью.

Всё произошло на новогоднем вечере, где он познакомился с очаровательной первокурсницей, похожей немного на красивую лисичку - он потом её так и звал. Они танцевали целый вечер, но не медленные танцы, которые считали уделом стариков, а стремительный энергичный твист, буржуазный та-

нец, который в исполнении комсомольских активистов терял свой идеологически неправильный привкус. Парни, почти все, как детдомовские, в одинаковых французских белых нейлоновых рубашках, плохо пропускавших воздух, обливались потом, но, заправившись сухоньким где-нибудь в мужском туалете, заменявшем в те времена бар, продолжали танцевать этот забойный танец. Оркестр, состоявший из студентов, часам к двум ночи устал и стал играть медленные блюзы из репертуара Армстронга и Эллингтона. Разгорячённые девчонки сквозь промокший нейлон чувствовали биение сердец своих партнёров. Почти все танцевали обнявшись, ласково прикасаясь друг к другу губами; была та самая кульминация студенческого вечера, когда всё и происходит - одни понимают, что встретили ту или того, о ком мечтали, другие, разочарованно поглядывая по сторонам, понимали, что сегодня шанс упущен.

Наташа обворожила Олега, она так красиво танцевала, прижавшись к нему, что-то рассказывала, постоянно улыбаясь, зная, что это её главное оружие - улыбка у неё поистине была голливудская, на все 32 зуба.

Уже ближе к утру он проводил её до дома, где она снимала комнату, и договорился увидеться на другой день. На другой день Олег впервые поверил, почувствовал, что встреча с этой девушкой - не просто очередная студенческая интрижка: он впервые подумал о ней, как о возможной жене. Да, так бывает, когда достаточно одного вечера, одной встречи, чтобы понять это серьёзно, возможно, навсегда. Олег возвращался по зимней утренней улице. Кое-где ещё теплились огоньки новогоднего веселья, но народ уже разошёлся по домам, и люди, устав от праздника, ложились спать.

Он чувствовал себя счастливым, потому что ему казалось, что произошло то самое чудо совпадения, когда два человека, парень и девушка, наконец-то нашли друг друга. Но так думал он, а что думала она - бог знает, он об этом так никогда и не

узнает. Они встретились на другой день, затем ещё пару раз... но что-то случилось. Что, Олег не мог понять. Девушка была с ним приветлива, но холодна. Догадавшись, что Олег завоёван, к чему она, видимо, безотчётно стремилась, она теперь не знала, что делать с этим завоеванием, и посчитала, что самое разумное - развеять наваждение новогоднего вечера, и идти дальше, не оглядываясь, и без него.

Когда они увиделись последний раз, Олег, глядя в её глаза, которые не выражали ничего, кроме скуки и желания поскорее закончить все отношения, сказал: - *Так не бывает, вчера - да, сегодня - нет. Ты же меня практически не знаешь.*

- *Бывает, в 17 лет бывает.*

- *И никаких надежд?*

Наташа, чуть подумав, ответила: - *Надежда не более чем самообман, чтобы утешить в горе или унять самолюбие.*

Она была несомненно умной и начитанной девушкой, но по-видимому ещё не готовой к серьёзным отношениям. Олег долго помнил её, даже когда уехал далеко. Какое-то внутреннее чувство, которому нет названия, упорно твердило ему, что это была та самая его половинка, которую ищут всю жизнь. Но он не был её половинкой - в этом всё дело.

Встреча с Наташей через 10 лет была сугубо деловой. У неё возникла какая-то проблема, которую она попыталась решить с его помощью, узнав где-то его координаты. Олег смотрел на 37-летнюю женщину, которая была уверена в том, что по-прежнему неотразима в глазах Олега, на её лицо с живыми, но равнодушными глазами, на её улыбку и не чувствовал ничего. Её просьба была практически невыполнима, и выходила за рамки его возможностей.

- *Ну, ерунда, - сказала она. - Почему бы тебе тогда не попросить об этом людей, которые могут помочь?*

Её бесцеремонность и уверенность в том, что он по-преж-

нему находится под воздействием её красоты и ума, разозлили Олега. Он не любил, когда его просто использовали, поэтому достаточно жёстко сказал: *- Я не могу прыгнуть в высоту на 2-20, если моя планка 1-50, как бы ни хотел.*

- Ты всегда любил вычурно выражать свои мысли.

- Зато точно.

- Да, теперь я понимаю, что ты - только моё прошлое.

- Ты правильно сказала - я только эпизод из твоего прошлого. Я пойду, - сказал Олег, *- у меня сегодня гости.*

- Пока-пока, - ответила она с явным разочарованием в голосе. Что она хотела от этой встречи? Олег потом поинтересовался и понял, что проблему, с которой она обратилась к нему, по силам было решить её мужу, влиятельному и не бедному человеку. Хотела удостовериться в своей женской силе? Может быть, может быть...

«Да, когда я становлюсь чьим-то прошлым, я там и остаюсь», - подумал Олег, решив, как себя вести в случае, если встретит Ольгу.

- Вот это фокус: денег почти не осталось, - констатировал полковник, заглянув в бумажник и похлопав себя по карманам. *- Ну да ладно, на скромную веточку мимозы хватит; Настя явно не из детей подземелья, и ей наверняка надоели розы.*

Он остановился около торговки цветами и купил не мимозу, а выращенный в родном довольно холодном городе бледно-красный тюльпан. Когда-то это была целая индустрия, люди по квартирам со всяческими ухищрениями выращивали тюльпаны к 8-му марта, составляя конкуренцию кавказцам с их несвежим товаром, но сейчас среди голландского изобилия - всё это как-то ушло. Конкуренция погубила выращивание зимних тюльпанов горожанами. *«Рынок, ничего не поделаешь»,* - подумал Олег. У тётки оставалось ещё два тюльпана, время было позднее, и она предложила их Олегу за совсем символическую

ческую цену. Олег порылся в карманах, но, к своему стыду, требуемой суммы не нашёл. Тётка смотрела на него с надеждой, ей жаль было упускать покупателя, да и держать цветы до завтра не имело смысла - завянут, и она удовольствовалась тем, что у полковника оставалось.

- Три цветочка - это уже кое-что, не стыдно появиться в приличном обществе, - сказал Олег, улыбаясь: *- Спасибо, мадам, с 8-м марта вас.*

Он вытащил из кармана маленькую шоколадку, которую ему в столовой дали вместо сдачи, и протянул её торговке. Та как-то растерянно посмотрела на него, сказала спасибо, и, отвернувшись, стала собирать свои корзинки. Праздник она рассматривала как удачный день для торговли, не больше. А, может, просто отвыкла от поздравлений.

Парень из службы безопасности посмотрел документы Олега, позвонил в офис и только после этого пропустил его в помещение.

Ну что ж, вперёд к прошлому, к своему прошлому. Хотя зачем всё это - бог знает. Вроде уже успокоился, вспоминаю её всё реже и реже, ни обиды, ни ревности я не чувствую, а прошло-то всего три месяца. Хотя какие месяцы - всю душу мне перевернули. Ладно, не забыть, бабам - цветы, а мороженого у меня нет, даже если там есть дети.

Олег постучался и открыл лёгкую белоснежную дверь с табличкой «Болотникова». Кстати, это, наверное, фамилия мужа Насти, а как же её девичья фамилия, я ведь тогда не спросил, а потом как-то забылось. Ну, одеваем на лицо улыбку № 5 - обаятельный и уверенный в себе мужчина, обрадованный встречей. В комнате секретарши никого не было, и Олег прошёл дальше, в кабинет Насти. Постучал ещё раз.

- Входите, - хором ответили ему нестройные женские голоса, среди которых он безошибочно узнал голос Ольги. И что

тут подделаешь, лёгкое волнение у него всё-таки появилось. Олег вошёл. *«Здравствуйте! Три девушки под окном пили поздно вечером»*, - процитировал он, слегка подправив, Александра Сергеевича. За столом сидели Настя, Ольга и секретарша, совсем молоденькая девчонка, которая в прошлый раз готовила им кофе.

- Как я угадал, - сказал Олег, раздав всем по цветочку и поцеловав каждую в щёку, после чего на губах остался горьковатый привкус дорогого парфюма.

«Сегодня мне перед женой не оправдаться косметика у всех девчонок стойкая, и благоухать мне теперь, как минимум неделю».

Несмотря на непринуждённый разговор и улыбки, в воздухе чувствовалась какая-то напряжённость, которую не снимал даже лёгкий музыкальный фон, создаваемый забытыми мелодиями Лиграны. Грусть по уходящей любви и молодости были по-французски грациозны и давали некоторую надежду на перемены к лучшему.

- Олег Николаевич, ждём от вас тоста, достойного настоящего мужчины, да к тому же полковника, - сказала Настя, наливая ему уже знакомый фужер с каким-то замысловатым вензелем на стенке.

- Это что, прямо из царского дворца? Я что-то не заметил этот знак принадлежности к высшему свету в прошлый раз.

Ольга с некоторым недоверием взглянула на него и торопливо, видимо не подумав, спросила: - А вы здесь уже бывали?

- Бывал-бывал. Мы с Настей оказываемся старые знакомые. И кто знает, как бы всё повернулось в тот день, не поторопись я пропить с друзьями свой гонорар, - усмехнулся он наигранно грустно.

- А вместе с гонораром и свою удачу?

- Может быть, хотя вопрос скорее спорный.

Олег видел, что Ольга напрягалась всё больше и больше, её выдавали губы, которые слегка кривились, когда она волновалась, поэтому он решил разрядить обстановку: - Я хочу пропеть эпиталаму, то бишь, похвальное слово вам, дорогие дамы, тем более что коньяк налит.

- Давно ждём, - сказала девушка-секретарша, - а то нас сегодня никто ещё не поздравил. Так что вы первый.

- Быть первым в жизни таких красавиц - это дар небес. Начну с тривиального пожелания счастья. Оно у каждого своё, но всё-таки его главной частью является любовь. Любовь ничто не может заменить - ни работа, ни друзья, ни удовольствия. Мы живём - пока любим, а когда не любим делаем вид, что живём, и такая жизнь густа и, наверное, лишена смысла. И ещё, - добавил Олег, глядя на девушку-секретаршу, - не торопитесь превращать своё настоящее в прошлое. - Она недоуменно посмотрела на него, мало что поняв из речи Олега. - За вас, дамы, - закончил Олег, встал в полный рост, выставил локоть параллельно столу, как требовала офицерская этика, и выпил до дна свой фужер. Женщины заулыбались, выпили по глотку сухого красного вина.

- Как вы съездили? - спросила Настя, видимо, просто так, чтобы поддержать беседу.

- Нормально, а самое главное, с большой пользой для себя.

- Какой же?

- Что-то такое понял про свою нынешнюю жизнь, чего раньше не понимал. Поверил также в истинность того, что сказал один поэт, которого я знал в старые годы: «Говорят, что после сорока Мир воспринимаем по-иному, Тусклыми глазами старика». Понимаете, как в детстве переставали нравиться одни игрушки, то нужны были другие. Так этот процесс идёт в человеке непрерывно. Мне уже нужны другие игрушки. - Олег поймал себя на мысли, что он, находясь в об-

ществе трёх женщин, каждая из которых могла бы украсить любую компанию, становится просто занудным, и, улыбнувшись, сказал: - *Видите, я среди вас, как гуру в баре. Говорю проповеди - а бесполезно. Собрание-то по другому поводу,* - и добавил: - *за вас, милые девушки, за весну не только на улице, но и в ваших душах.* - Олег взглянул при этом на Ольгу. Она сидела, улыбаясь, видимо, вполне успокоившись. Ни тени волнения или хотя бы любопытства.

- *Пойду сварю кофе,* - сказала Настя и попросила секретаршу: - *Анжела, помоги мне, пожалуйста.*

Олег остался с Ольгой наедине. Несколько секунд оба молчали, затем Ольга, взяв сигарету, чтобы хоть чем-то занять руки, спросила: - *Как ты?*

- *Ничего, вышел из штопора, сейчас в стабильном полёте.*

- *И далеко летишь?*

- *Не думаю. Мои полёты на дальние дистанции позади. А как у тебя?*

- *У меня всё нормально.* - И, помолчав, добавила: - *А я ведь видела тебя тогда около дома...*

- *Разве? Ты даже глазом не повела.*

- *Мне нечего было сказать, да и ребёнок был со мной.*

- *Ольга, закроем тему. Я только-только пришёл в себя, ты же знаешь, я тяжело перенёс всё, что произошло. Как будто всё это было не со мной.*

- *И не со мной тоже,* - Ольга склонила голову, Олег налил себе ещё немного коньяка и залпом выпил. Коньяк был из дорогих, но он не почувствовал вкуса, а Ольгу вдруг прорвало: - *Зря ты злишься на меня. Когда-нибудь всё так и должно было закончиться. Я просто устала, устала от твоей ревности, от того, что надо прятаться, в конце концов от того, что у меня с тобой ничего не будет впереди... Да и дочь подрастает, в будущем году - в школу. Она уже догадывалась,*

что в семье творится что-то ненормальное.

- Ольга, всё, что ты сказала, не больше чем аутотренинг, самовнушение.

- Думай, как хочешь. Весь парадокс ситуации в том, что отношения с тобой спасли мой брак. Я любила мужа, но мне не хватало того, что давал мне ты. Я, видимо, в чём-то изменилась, у нас наладились отношения, он нашёл новую работу, стал больше заботиться...

- Ольга, не приписывай мне свою семейную идиллию. Ты забыла ещё один элемент - моего заместителя.

- Какого заместителя?

- Того самого, длинного штыря, который с трудом помещается в твоей машине.

- А, это Мишин, мой новый оператор, мы уже три месяца вместе работаем. Кстати, ты выбросил свои отвратительные ботинки? Как увидела их на тебе, поняла, что правильно сделала.

- Ты их всё-таки заметила?

- Ещё бы, видел бы ты своё лицо тогда...

Олег понял, что Ольга опять вернулась в своё обычное состояние уверенной в себе, напористой и циничной журналистки: - Твоя беда, Олег, что в отношении ко мне у тебя всегда был обвинительный уклон так, кажется, говорили в твоём бывшем ведомстве.

- Говорили, но у меня были некоторые основания...

- Ты не мог понять - я свободная женщина, такой же человек, я - целый мир, куда тебя впустили...

- Слушай, не пей больше, а то у тебя, по-моему, начинает проявляться комплекс Наполеона, хоть ты и женщина.

- Да нет, послушай, ты должен понять, женщина создана не только для твоего удовольствия - у неё своя жизнь, и она вправе её менять, когда захочет...

- Прости, но в отличие от меня, ты просто не любила.

- Я и не говорила тебе, что люблю. Мне было хорошо с тобой с сильным опытным мужчиной, который сам знает, что ждёт от него женщина.

- Вот видишь, Оля, ты, выходит, просто использовала меня, как спичку - чиркнула, закурила и выбросила. Это к вопросу о свободе выбора. Ну, да ладно, давай закончим. Спичка сгорела, обуглилась и лежит в пепельнице - в коробке много новеньких...

- Это ты обо мне?

- И о тебе тоже, а больше о себе.

- А что у тебя с Настей? Она ничего, хотя намного старше меня.

- Теперь, кажется, ты ревнуешь наконец-то!

- Да нет, просто интересно.

- А она что, не рассказывала тебе о нашей встрече в далёкой юности?

- Совсем ничего. Но кажется, она к тебе неровно дышит.

- Не думаю. Это просто воспоминания о несбывшемся.

Дверь отворилась, и вошла Настя с подносом, на котором стояли четыре крохотных чашечки и серебряная турка, от которой шёл аромат дорогого, хорошо приготовленного кофе.

- Какой аромат, - сказал Олег, - чувствуется рука опытного мастера.

Кофе был действительно хорош, но, как известно, он обычно завершает вечер, поэтому Олег встал, поблагодарил за ужин и начал надевать пальто.

- Дома ждут, - сказал он, взглянув на часы.

- Олег, у меня к тебе дело, - вдруг сказала Ольга. - Я провожу тебя немного, если не возражаешь.

- Я на машине. Если хочешь, я попрошу, чтобы шофёр доставил тебя до дому. Тем более, что он всегда восхищается твоей красотой.

- Нет-нет, мы ещё пообщаемся, здесь. Тогда задержись

на минуточку. У меня задание редакции - взять интервью у Коневницкого, он приехал в наш город. На денёк. Ты мне как-то рассказывал, что это товарищ твоей юности.

- Да, но он, кажется, живёт за границей, уже лет 30 как эмигрировал.

- Вернулся, об этом было во всех газетах, да и по центральному телевидению. А вчера он приехал сюда навестить мать. - Ольга опять смотрела на Олега своим «фирменным» взглядом женщины, которой невозможно отказать, как в тот день, когда они познакомились.

- Я не уверен, что он захочет меня видеть. В своё время ведомство, к которому я принадлежал, выслало его из страны, и он вынужден был долгие годы мучиться то в Париже, то в Женеве, от глубокой нужды продолжая писать стихи, которые, за неимением лучшего, печатали в Европе и в Америке. Не думаю, чтобы он откликнулся.

- Ну, Олег, попробуй, мне это так надо. Завтра его встреча с читателями в концертном зале, вот там ты и договоришься.

Олег так до сих пор и не научился говорить нет, когда его о чем-либо просит женщина, и он сказал: - *Ладно, попробую.*

- *Завтра в три часа,* - сказала Ольга. - *Подойди, пожалуйста, я тебя там найду.*

В концертный зал он пришёл минут за 15 до начала встречи. Народу собралось немного, как обычно преобладали молодые девушки и женщины, всегда чувствительные к поэтическому слову, тем более имеющему лёгкий эмигрантский флер.

Коневницкий стоял в холле, окружённый группой незнакомых Олегу людей, внешний вид которых сразу говорил о принадлежности к богеме. Они что-то наперебой говорили, но приехавшая знаменитость только снисходительно кивала го-

ловой, изредка поглядывая по сторонам.

«Ох, как он постарел - волосы почти белые, да эта борода с сединой а ля Хемингуей, а ведь он младше меня на год», - подумал Олег. Он, рассматривая издали Коневницкого, почти забыл о том, зачем пришёл, с трудом узнавая в этом высоком холёном мужчине того мальчишку, который, написав свой первый десяток стихов, твёрдо уверовал в своё литературное предназначение и уже никогда в нём не сомневался. Вряд ли он был борцом - скорее ему подходила роль снисходительного созерцателя жизни, но получилось иначе. Переехав в Москву, он быстро попал в ту полуофициальную литературную среду, которая, охотно принимая от государства различные блага в виде бесплатного издания своих книг, приличных гонораров, званий, а иногда и орденов, тем не менее, следуя моде, слегка диссидентствовала, поскольку существовавший порядок вещей казался незыблемым.

Коневницкий в ту пору слишком всерьёз принял богемные разговоры, начав публиковать в самиздате произведения, которые не могли понравиться властям. В конце концов он оказался перед нелёгким выбором - оставаться в СССР и сесть, или выехать за границу. Он выбрал последнее и вплоть до недавних времён жил в различных европейских столицах. Там он издал несколько книг, которые принесли ему известность, как талантливому русскому литератору. Именно поэтому его возвращение на Родину не прошло незамеченным. Центральный телеканал показал сюжет о его прибытии в страну и подробное интервью с ним. Олег, посмотрев этот сюжет, едва узнал его, увидев совсем другого человека, немного уставшего, потрёпанного жизнью, и практически лишённого снобизма, который раньше был его родовым знаком. Только интонации голоса не изменились.

Олег вглядывался в своего друга юности и не решался подойти. Много воды утекло с того счастливого времени их друж-

бы, первых литературных опытов, длинных разговоров обо всём и ни о чём... Судьба распорядилась по-своему - Олег после института стал офицером спецслужб, а Коневецкий профессиональным литератором и диссидентом.

- Ну как, договорился? - услышал он за спиной голос Ольги.

- А, здравствуй. Что-то меня держит...

- Слушай, ты из-за своей щепетильности сорвёшь мне интервью, - в голосе Ольги зазвенел металл, это она умела.

Появление Ольги, красивой молодой женщины, привлекло внимание группы людей, которые окружили опального литератора, да и сам он повернул голову в их сторону и, увидев Олега, несколько напрягся - видимо, не зная, как реагировать. Тогда Олег махнул ему рукой и улыбнулся. Коневецкий, оставив собеседников, сделал шаг в его сторону, и Олег пошёл навстречу: - С приездом, Мишка, - первым поприветствовал Олег. - Рад тебя видеть.

- Старик, ты? Тебя не уволят за контакт со мной?

- Узнаю старую ехидну, - засмеялся Олег. - Отвечу тебе словами персонажа «Швейка»: «Я сегодня не на работе, и при мне ты можешь говорить что угодно».

Мишка засмеялся. Эту книгу они оба любили и цитировали когда-то совершенно свободно.

- Видишь эту красивую даму? - игриво и несколько хвастливо спросил Мишку Олег.

- Судя по всему, ты к ней равнодушен.

- Ну, ты настоящий инженер человеческих душ, углядел.

- Олег, у тебя на лице всегда было всё написано, и не думай, что твоя работа хоть что-нибудь в тебе изменила.

- Ладно-ладно, она просит дать ей небольшое интервью, сама боится отказа, не привыкла к ним.

- Хорошо, только ради тебя, и после выступления, пусть подойдёт. Ты-то останешься?

- Да, конечно. Всё-таки я был твоим первым слушателем и читателем. Слушай, а может, посидим после твоего триумфа?

- Меня здесь уже растащили. Хочешь, поедem со мной в один приличный дом, а то я ночью уезжаю обратно в Москву, и затем сразу в Питер, навещу семью.

- А удобно? Всё-таки в моём появлении в этой компании будет что-то неестественное, да и стеснять я вас буду, это уж из моего опыта, издержки моей прежней службы.

- Так ты в отставке?

- Давно, несколько лет. Сейчас занимаюсь более земными делами, ношу погоны, но уже другие.

- Ладно, найдись после моего выступления, подходи со своей дамой, часик выкроим. Грех нам с тобой не испить чашу мира - между бывшим диссидентом и бывшим чекистом, хотя, - он усмехнулся, - бывших-то у вас не бывает. - Коневский хлопнул Олега по плечу и быстрым шагом вернулся к своим, а через несколько минут скрылся за кулисами.

- Ну как? - спросила быстро подошедшая к нему Ольга.

- Я тебе редко в чём отказывал, - ответил Олег. - Всё в порядке. Тебе десять минут после выступления на всё, а потом мы с ним посидим и разопьём бутылку коньяка, а то так и не пообщаемся как следует.

- А мне можно с вами?

- Нет, - резко и жёстко сказал Олег. - При тебе я не смогу ни с кем разговаривать, даже с другом юности.

Он ожидал, что Ольга начнет уговаривать его, но этого не случилось. «Нет так нет», - сказала она и вместе с оператором пошла в зал, оставив Олега одного. Это было вполне в её стиле.

К началу встречи зал почти заполнился зрителями. Олега поразили глаза людей - такие глаза бывают у верующих, в них светились такие редкие сейчас искорки доброты и любви. Вид-

но было, что люди соскучились по разговору о каких-то высоких вещах. Раньше таких людей можно было встретить где угодно десятилетиями власть буквально загоняла людей в эпоху просвещения, и в общем-то почти добила своего. Но последнее десятилетие быстро размыло этот слой полуинтеллигенции, превратив многих из них в мелких торговцев, рабочих на стройках, а иногда и просто в бомжей. И эти лица почти исчезли с наших улиц. Их заменили бритоголовые уродцы со стеклянным взглядом, сосущие пиво, заполнившие город, и иногда создавалось впечатление, что кроме этих, других людей уже и не осталось.

Коневицкий выступал около двух часов, немного рассказав о себе, а затем перешёл к стихам. Олег сидел на самом заднем ряду, не изменив своей давней привычке на любом публичном мероприятии забиваться в самый дальний угол. Это позволяло воспринимать происходящее как-то со стороны, избавляло от необходимости делать заинтересованное лицо там, где ему было откровенно скучно. Но сегодня скука, что называется, отдыхала. Мишка, неплохо владея приёмами сценической речи (недаром его отец был актёром) читал свои конструктивистские произведения эмоционально и выразительно, донося до слушателей тот, подчас скрытый смысл, который невозможно понять, читая то же самое стихотворение в книге. Олег, сам того не желая, незаметно поддался общему настроению, погрузившись в этот забытый им мир изысканной литературы, который, казалось, давно уже умер, ан нет - жил, да и как ещё жил!

Олег смотрел на Мишку и видел, как постепенно из вальяжного маэстро тот превращается в мальчишку, вобравшего в себя достоинства и недостатки двух таких разных народов - русских и евреев. *«Ну-ну, не впадай в пафосное состояние»*, - сказал он себе, и, чтобы отвлечься, стал искать глазами Ольгу. Она вместе с оператором неслышно перемещалась по за-

лу, снимая с разных точек то выступающего поэта, то внимавшую ему публику. Поэзия, конечно, её не интересовала совсем, только крупные и средние планы, а в её хорошенькой головке наверняка уже крутился текст, которым она сопроводит свой сюжет.

«Странно, - подумал Олег, - я почти не размышляю о ней как о женщине, а ещё совсем недавно мне казалось, что я сойду с ума. Наверное, так и есть - казалось. Хотя никто не разберёт порой, где кончается реальность и начинаются иллюзии».

Публика громко захлопала. Поэт, прочитав своё последнее произведение, поблагодарил публику и начал подписывать свои книги, которые продавались перед началом. Олег, махнув рукой Ольге, поспешил на сцену.

Мишка стоял в плотном кольце людей, находившихся в том состоянии восторга и лёгкой грусти, которая бывает, когда человек соприкасается с чем-то действительно талантливым и высоким.

Олег только раз в жизни испытывал подобное. В студенческие годы он, выиграв конкурс на лучшую научную работу, попал в Ленинград (Санкт-Петербург по-нынешнему). Вечером, после конференции, их отвезли на спектакль Товстоногова в Большой драматический театр. Давали «Правда, ничего кроме правды» - пьесу о том, как американский конгресс судит русскую революцию. Олег приготовился увидеть очередную агитку в лучших традициях соцреализма, но увидел нечто другое. Товстоногов обрушил на него и его товарищей всю мощь своего дарования, сделав из посредственной пьесы настоящий шедевр. После спектакля зал, заполненный студентами, буквально орал от восторга. Олег со своим ироничным складом ума никак не мог предположить, что будет кричать от восторга вместе со всеми, а затем с группой студентов побежит

за кулисы поблагодарить режиссёра и актёров. К счастью, их туда не пустили.

Понемногу толпа вокруг Мишки стала редеть, и Олег подошёл к нему поближе, поздравил с успехом, напомнив о его обещании дать интервью.

- Конечно, давай их сюда, - ответил Мишка. Видно было, что он растроган такой тёплой встречей в стране, которая так неласково обошлась с ним когда-то.

Ольга, надев на себя свою фирменную неотразимую улыбку и включив в глазах ближний свет, чтобы не ослепить жертву, подошла к ним. Олег представил её и отошёл в сторону, чтобы не мешать творческому процессу.

Ольга, как всегда, работала энергично и немного бесцеремонно, навязав Мишке своё видение поэта-эмигранта, слегка взлохматив ему слишком хорошо уложенные волосы, затем дала команду на съёмку и начала «допрос» поэта, не опускаясь, правда, до бестактных вопросов.

От наблюдения за этим увлекательным мини-спектаклем Олега отвлёк знакомый голос: - *Привет, старик, вот и свиделись*». Олег оглянулся и увидел Володю, друга студенческой юности, того самого, что вытаскивал его из машины после автоаварии, случайно оказавшись в проезжавшей машине. *«Ну и денёк. Сплошные встречи с прошлым»*, - подумал Олег, обрадовавшись, улыбнулся и спросил: - *Привет! Ты что же так и не позвонил мне? Я так и не поблагодарил тебя как следует. Я же обещал тебе помочь с работой.*

- *Да зачем свои проблемы вешать на других. Сам справился.*

- *Устроился куда-нибудь?*

- *Да, в газету, пишу аналитические статьи обо всём понемногу.*

- *Ну вот, и ты туда же. Интервью хочешь взять?*

- *Нет, просто захотел повидать вас обоих.*

- Ах, да, у меня же вылетело из головы, что я не монополист по части знакомства с Мишкой. Ведь и ты вместе с ним учился.

- Да, кроме нас с тобой здесь ещё несколько наших. Они меня уговорили пригласить его на вечерок. Николай живёт рядом, жена уехала, и можем у него посидеть спокойно. Ты-то подойдёшь?

- Я с удовольствием. Мы хотели часик посидеть вдвоём, но так даже лучше. Правда, времени у него в обрез.

- Да ничего, всё-таки он один такой из нашей группы.

Олег кивнул, и выждав, когда Ольга переключилась на что-то другое, подошёл к Михаилу, передав предложение бывших однокурсников.

- А это далеко?

- Нет, Володя говорит, совсем рядом. Я, правда, там тоже не был.

- Тогда о'кей. Но только на час. Пошли, у меня ещё встреча с издателем, подписание договора, всё такое, ну ты понимаешь. Мне в России тоже надо на что-то жить.

- Ну так что, идём. Ты, кажется отстрелялся с телеви-
زيونщиками.

Ольга, услышав последнюю фразу, сразу оглянулась и сказала, что остались ещё один-два вопроса.

- Да я думаю, достаточно. Не надо делать из меня какого-то мессию, я в конце концов не Солженицын. Остальное как-нибудь в другой раз.

Ольга немного скисла с лица и со злостью посмотрела на Олега.

- Ну вот, вместо спасибо - гнев и ненависть, - сказал Олег, - делать добро даме всегда было опасным занятием, по крайней мере у нас в России.

На квартире у Николая собрались все, кто был на выступлении. Большинство из своих сокурсников Олег не видел с то-

го самого дня, когда они, молодые и счастливые, получили академические ромбики, прогуляли в ресторане всю ночь, поклялись в вечной дружбе и разъехались сначала по домам, а затем и по городам и весям великой страны, потеряв друг друга из вида. Может быть, именно поэтому все искренне обрадовались встрече и как-то даже забыли о своём знаменитом товарище.

Впрочем, Мишку это, кажется, не смутило, так как он и сам не стремился быть в центре внимания, скорее напротив. Он примостился на старом диване рядом с Олегом, и пил вместе со всеми старую добрую «Столичную» (прибережённую Николаем ещё с брежневских времён) и закусывал, чем бог послал: квашеной капустой, маринованными белыми грибами да чёрным хлебом с варёной колбасой. Всё это так напоминало их студенческую молодость...

- Как у тебя с гражданством? - поинтересовался Олег у Михаила.

- Обещали скоро вернуть, кажется, с этим проблем не будет.

- А жить где собираешься?

- В Москве, конечно. Мне уже сняли квартиру, ну а пока в гостинице.

- Дорого...

Мишка ничего не ответил, молча налил по рюмке и сказал: - Давай за нашу юность. Она пришлась на славное время - дала глоток свободы, и я ею отравился. А на тебя этот яд не подействовал, кажется.

- Не скажи. Вспомни, что мы тогда взахлёб читали «Мастер и Маргарита» Булгакова; Вознесенского; «Люди, годы, жизнь» Эренбурга; Пастернака; Гарсиа Лорку, Цветаеву, Ахматову. Но должен сказать, что если бы не ты, то я вряд ли бы в те годы прочитал все эти вещи! Они уберегли меня от того, чтобы стать ортодоксом. А это было бы удобней

всего, особенно в моём варианте жизни.

- А ты не жалеешь, что жизнь прошла так зарегламентированно, как я понимаю твою прошлую службу.

- Нет, пожалуй, нет. Жизнь была напряжённой по ритму, дисциплине, самоограничению, но это была самая яркая часть её. Тоже ведь иногда думал - не зря ли всё было: государства, которое охраняли, больше нет, идеология, которой поклонялся - оказалась мало приспособленной к изменениям, лидеры в этих условиях - просто пустые люди. Но знаешь, моё поколение можно погладить по голове за то, что тебя просто выслали из страны.

- Как это? Что ты говоришь, Олег!

- Да-да, Мишка. Когда ты пересолил и переперчил блюдо, которое предложил отведать власти, тебе дали возможность выбора - если не уживаешься с системой здесь, попробуй ужить там, за бугром.

- Да, но меня грозили и посадить, ты же знаешь, наверное.

- И тем не менее ты свободно уехал. Я хорошо тебя помню по нашей юности, ты любил и любишь Россию, тебе, конечно, было тяжело... Но это всё-таки не лагерь, как в 30-е или 40-е. Когда я думал об этом, я понимал - главное моё поколение сделало - при нём впервые за 70-летнюю историю практически не было репрессий. Почти не было - если быть точным.

- Слабое утешение, - сказал Мишка, поддевая грибок на вилку, - но всё же утешение. А я сейчас просто буду общаться. Ты знаешь, так соскучился по нормальной русской речи. Эмигранты, особенно во втором и третьем поколениях, говорят немного иначе. Там, за границей, это законсервированный язык, вроде нашей с тобой любимой кильки в томате, а здесь, как вышел из самолёта и услышал родное «.... твою мать», поверишь - слеза навернулась.

- Врёшь, поди. Ты никогда не любил ругательства, сам ни разу не обматерился, так что, как говорил Станиславский не верю!

Олег, отвлекшись от разговора, увидел, что их однокурсники давно уже забыли о них и наперебой рассказывают друг другу анекдоты, а девчонки - для них эти уже солидные дамы навсегда останутся девчонками, - сидят втроём в уголке и обсуждают что-то, впрочем, можно лишь догадываться что, по крайней мере, не нюансы поэзии Мишки.

- Давай, пойдём к ним, а то неудобно, - Мишка встал и вместе с Олегом пошёл к столу, где галдели и хохотали их сверстники. - Минуточку, - сказал Мишка, хлопнув в ладоши, - подарок из Торгсина. - Он раскрыл свой кейс и достал здоровенную бутылку Карвуазье и коробку французских конфет. - Вёз в подарок родным, но по такому случаю не мог устоять. Как это сказать по-русски не люблю «халявы». Какое чудесное и ёмкое слово - халява. Олег, когда оно появилось? В нашем обиходе его не было.

- А кто его знает. Давай-ка, изгнанник и невольник чести, разливай.

Мишка сам разлил всю бутылку по рюмкам и сказал: - Я рад вас видеть, ребята. Я сегодня понял, что приехал домой.

После этого перелил дорогой французский коньяк в гранёный стакан, долил его до половины и залпом выпил. В это время у него зазвонил мобильник, он торопливо ответил: «Иду», - и начал со всеми прощаться.

С Олегом он попрощался последним: - Я рад, что мы увиделись. Странная у нас с тобой получилась серединка жизни, не такая, как думалось в студенчестве. Совсем не такая... Ну, да что случилось, не переиграешь. Может, ещё увидимся. - Он обнял Олега и сказал всем: - До свидания, господа.

«Господа» заулыбались. За десять прошедших постперестроечных лет они так и не почувствовали себя господами.

* * *

День был набит впечатлениями до отказа, как автобус людьми в час пик, поэтому сон долго не шёл к Олегу. Он приманивал его к себе таблеткой снотворного, как незнакомую собаку куском сахара, - и тщетно. Состояние словесной жвачки в голове, мысленное произнесение правильных и убедительных речей, когда в них нет уже никакой необходимости, было ему слишком хорошо знакомо, поэтому он в конце концов включил лампу, и, достав с полки первую попавшуюся книгу, попытался читать. Это был увесистый том трудов академика Вернадского, который Олегу подарили недавно.

Об авторе у него было достаточно смутное представление, которое ограничивалось тем, что этот академик сделал в своей жизни нечто очень полезное, раз в его честь назван проспект в Москве. Олег, да и окружающие его люди, легко прощали себе подобное невежество. Нельзя же в самом деле знать всё на свете. Эта спасительная формула, которую с радостью усваивают все русские интеллигенты, наследники Обломова, была достаточно комфортна. Олег, питавший к точным наукам стойкое отвращение, привитое ему в школе, тем не менее любил иногда побродить глазами по научным публикациям, адаптированным для восприятия обычным человеком, не обременённым специальными знаниями. Наверное поэтому, начав вполглаза читать статью академика о зарождении жизни на Земле, он незаметно увлёкся и, пробираясь сквозь дебри специальных терминов, всё-таки добрался до сути, до главного вывода, который он принял сразу, не подвергая сомнению - жизнь в Космосе, частью которого является Земля, существует вечно, а живое происходит только от живого.

Неужели этот академик нашёл разгадку появления жизни на нашей планете? Значит, космос похож на огромное поле, где есть плодородные участки, где уже брошенные зёрна жизни прорастают, а есть камни, где жизни нет и никогда не будет.

«Да, - подумал Олег, засыпая, - как просто. Просто, когда скользишь мыслью по поверхности проблемы, как коньками по льду, но внутри - бесконечно сложная конструкция, которую, пожалуй, никогда и не понять человеку, да, пожалуй, и не нужно, а то...» - и он провалился в сон, здоровый и крепкий сон человека, решившего для себя что-то важное, что долгое время не давало ему покоя.

Он лежал в саду на скамейке, положив под голову берёзовое сучковатое полено. Солнце ещё только карабкалось к своей высшей точке и не слепило глаз, тем более что ветка цветущей яблони свисала как раз над ним, давая тень. Как подчас непостижима природа - крохотные лепесточки цветов яблони преграждали путь мощному солнечному лучу, превращая ослепительный свет в нежно-розовое свечение. Бесконечно голубое акварельное небо завораживало его, как бы обещая, что вот-вот на этом космическом голубом экране развернётся какая-то невиданная картина из прошлого либо будущего.

Неожиданно появился отец, недавно скончавшийся. Он был неестественно молод, почти мальчишка, но черты лица вполне узнаваемы. Он улыбнулся и сказал: *«Пойдём...»*

Они шли по какой-то узкой тропочке, с одной стороны ограниченной бесконечным обрывом, с другой - высоким забором. Олег всегда боялся высоты, даже на балконе у него начинала кружиться голова - а здесь он шёл совершенно свободно, не теряя равновесия, не ощущая опасности. Они шли недолго, впереди возник огромный синий океан, и Олег понял, что это - небо, то самое, которым он только что любовался в саду. Отец сказал: *«Теперь иди один, но не забудь возвратиться, как бы тебе ни было хорошо здесь»*. Ощущение радости и покоя, какого он никогда не испытывал, охватило Олега. Мимо него медленно, как огромные деревянные баржи по Волге, виденные им в детстве, проплывали планеты. Он вглядывался в них,

стараясь разглядеть и запомнить все: вот проплыл вертлявый Меркурий, сжигаемый Солнцем; закутанная в тёплый шарф атмосферы, Венера; Марс с бескрайними оранжевыми равнинами и разломами, бывшими когда-то руслами рек; огромный рыхлый Юпитер с красным пятном посередине, похожим на пятнышко крови; напоминающий забавную детскую игрушку, Сатурн...

Олег видел все детали поверхности этих соседей Земли, но нигде-нигде ни малейших признаков живых существ, ни одного даже маленького намёка на то, что здесь хоть где-нибудь теплится жизнь. Острое чувство одиночества пронзило Олега, как когда-то в детстве, когда мать и отец уехали и оставили его одного. Внезапно, почему-то Олегу пришло в голову, что медленно проплывавшие перед ним разноцветные планеты похожи на ёлочные шары, которые принёс однажды отец накануне Нового года.

Отец - это, пожалуй, ключевое понятие. И всё то, что проплывает перед глазами - тоже имеет своего Отца, только каждому шару Он определил свою роль, разместив их на разном расстоянии от звезды, венчающей ёлку. Земля, маленький голубой шарик, который получили люди в подарок от Создателя-Отца на праздник, только какой?

Олег почувствовал, как кто-то, как будто гладит его доброй нежной рукой по лицу. Он открыл глаза... ветер слегка раскачивал ветки яблони, одна из которых касалась его глаз. Рядом, около него, стояла Ольга. Только глаза у неё были неестественного голубого цвета, как небо, в которое он недавно всматривался. Лёгкий газовый шарфик, повязанный на шею, развевался на ветру и придавал её фигуре какую-то невесомость. Олег смотрел на неё, не отрываясь. Что она разглядывала в нём, что пыталась увидеть такое, что не видела раньше - он не знал.

- Не уходи, побудь ещё, - попросил Олег, почувствовав, что

она вот-вот исчезнет.

- Зачем?

- Не знаю, я ведь любил тебя, мне было так плохо, когда ты ушла.

- Но ведь прошло? Уже прошло...

- Да, наверное. Всё проходит. И уже не вернёшь. А в детстве я находил на реке «зажигательные» камешки обточенные водой куски кварца. Если их в темноте ударить друг о друга - видно пламя. Мы с тобой, как эти два камушка, кто-то нас ударил друг о друга, выскел искру, да и отложил в разные стороны. Мёртвые камни не породили ничего живого.

- Опять ты говоришь вычурно, - засмеялась она. - Просто наше с тобой время закончилось. Всё кончается. И это надо принять.

- А знаешь, Ольга, чем мы отличаемся друг от друга? Тебе было хорошо со мной, а мне было плохо без тебя. И обидно, безумно обидно.

Ольга наклонилась над ним и, как прежде, крепко и нежно поцеловала его.

- Не уходи! - крикнул он и проснулся.

Он взглянул на часы и увидел, что проспал-то всего ничего. А показалось... что жизнь.

Лёгкий утренний свет пробивался сквозь тонкие занавески, напоминая, что ночь кончилась, начинается утро, которое поднимет с постелей миллионы людей, впихнёт их в машины, автобусы, метро, трамваи, которые потом подвезут их к заводам, офисам, магазинчикам, учебным заведениям... И всё завертится заново, придавая какой-то неведомый смысл нашему существованию. Живое вечно будет порождать живое, если не на нашей земле, так где-то на другой подходящей планете, которую заботливо приготовит для жизни Создатель, смешав в нужной пропорции кислород и азот, песок и глину, плодород-

ную почву и безжизненный камень; и получится маленькая теплица, грядка для души, закрытая тонкой плёнкой атмосферы от вечного холода бесконечного космоса, в которой будут расти крохотные растения, вообразившие себя могучими лесами, маленькие лужицы, называемые безбрежными океанами, и едва различимые существа, называемые людьми, которых с большой натяжкой можно назвать разумными из-за их постоянной борьбы друг с другом из-за того, что они считают себя всемогущими, а прожив 60-70 лет, оставляют после себя лишь немного мусора, который живые постараются побыстрее убрать с земли.

«Тяжёлая философия, - подумал Олег, вставая с постели. - Видимо, коньяк только в малых дозах полезен для выработки оптимистического взгляда на жизнь».

Он автоматически привёл себя в порядок, надел тщательно отутюженный костюм, и свежую рубашку, выпил чашку кофе, приготовленного наспех, и сел в кресло напротив неработающего телевизора, на чёрном экране которого, как в зеркале, отражалась гостиная, картины на стене, комнатные цветы с сочной зеленью свежих весенних побегов, и он сам - 47-летний чисто выбритый и тщательно причёсанный, по-деловому одетый мужчина, у которого, как у робота-игрушки, разрядились батарейки, и он сидит, не двигаясь и тупо уставясь в одну точку в середине экрана. На него навалилась та самая фирменная русская хандра, идентифицированная ещё во времена Евгения Онегина. Острое чувство одиночества и беспомощности, от которого приходится лечиться либо водкой, либо путешествиями, но ни первое, ни второе не подходило для данного случая.

Олег взглянул на часы - они показывали 9 утра, он должен уже быть на рабочем месте. Надо идти, но как трудно, почти невозможно, поднять себя, когда смысл того, ради чего стоит жить, всё время куда-то ускользает. Олег всё-таки поднялся,

подошёл к окну. Около машины стоял его водитель, поглядывая на окна квартиры. Олег махнул ему рукой, показывая, что сейчас выйдет. Когда он набрасывал на себя пальто, зазвонил телефон.

- Слушаю, Зотов.

- Это Алёна. Я в Москве, привезла дополнительные документы. Вы обещали помочь.

- Рад вас слышать. Раз обещал - помогу.

- Я могу подъехать к вам и передать их лично.

- А почему не хотите передать их в Москве, телефоны я вам дам?

- Я вас видела, разговаривала с вами. Вам я верю.

- Спасибо, я подъеду сам, давайте условимся, где и когда.

«Ну вот и конец хандре, - подумал Олег. - Сколько ни философствуй о смысле жизни - а он у нас один - пока ты нужен хотя бы одному человеку, есть смысл жить и действовать, а не уходить в сторону. Слишком много людей завязано на меня, слишком много обязательств и долгов перед близкими людьми, товарищами по работе, перед страной, наконец. Да, я вошёл в этот сложный возраст - возраст прощения, когда на многое смотришь снисходительно, с иронией и юмором. Но это не значит, что надо всё бросить, от всего отрешиться. Может быть, и удастся сделать эту жизнь хоть чуть-чуть лучше и спокойнее. Я ведь всё-таки профессионал. А мы будем нужны всегда».

Олег вышел из дома, привычной энергичной походкой подошёл к машине. Шофёр открыл ему заднюю дверь... Олег подумал секунду и сел на более привычное переднее сиденье. У мужчин в погонах старший всегда сидит впереди. А он - старший. И так будет ещё долго, пока длится жизнь.

Конец 1-й части

Часть II

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

«Человек, прошедший большую половину своего жизненного пути, всегда имеет право на передышку, на осмысление пережитого, тем более, что проходил он этот путь достаточно осознанно», - я удивился этой сентенции, которая вышла из-под моего пера для очередного соискателя депутатского мандата.

Эта мысль даже как-то больно царапнула по моей душе, ещё не отошедшей от последних великих потрясений и перемен, происшедших в моей жизни. Бездомным псом заскулила жалость к себе, хотя все эти перемены и потрясения я предвидел ещё находясь при погонах. Да и жалостью это тоже как-то не называлось, просто - понимание необратимости хода жизни вызывало чувство неудовлетворённости собой...

Я уже почти втянулся в новый для себя ритм своей жизни, в новые условия, которые сам создал под себя; я уже смело вступал в новые отношения с людьми из другого слоя общества, пытаюсь понять их, но напряжение испытываю при этом невероятное...

Световой луч прошёл сквозь стекло и упал на светлый деревянный пол из реликтовых сосновых досок, высветив маленький жёлтый квадратик. Агент X, сидевший в старинном, обтянутом настоящей чёрной кожей, кресле, вытянул ноги и поместил их прямо в этот квадратик. Он любил потоптать этими ногами землю в поисках того главного, для чего собственно он и работал много лет.

Уже несколько десятилетий он и его коллеги выполняли очень высокую задачу, поставленную Правительством - реконструировать эмоциональную составляющую человека того периода. Это было крайне необходимо, поскольку человеческая цивилизация через несколько тысячелетий после Великих Потрясений, не оставивших почти никаких материальных следов от существовавшего тогда мира, столкнулась с опасностью вырождения, происходящего естественным путём: мужчины и женщины меньше интересовались друг другом, как особями противоположного пола, предпочитая иные способы решения естественных проблем и потребностей. Численность людей, с таким трудом возрождённая спустя несколько тысяч лет после Великого Потрясения за счёт персонала, уцелевшего на космических станциях, располагавшихся на других планетах и депортированных на Землю после того, как она вновь стала пригодной для жизни, всё сокращалась и достигла критической точки, за которой исчезновение цивилизации.

Агенту Х было поручено изучить такую сторону жизни древних людей, живших много тысячелетий назад, как любовь, описанную в нескольких сохранившихся от того времени информационных источниках. То, что само явление существовало, сомнений не было. Люди того времени, прежде чем вступить в контакт с целью воспроизведения потомства, сначала посылали друг другу какие-то эмоциональные потоки, не несущие какой-то конкретной полезной информации. Но именно они позволяли человечеству иметь расширенное воспроизводство потомства и, таким образом, обеспечивать выживание цивилизации. Но источники этих импульсов были практически неизвестны. В тех, дошедших до нашего времени знаниях говорилось о сердце и душе, как главных генераторах этих эмоций. Но проведение исследований основных и контрольных групп показывало, что сердце никак не участвовало в этом процессе, а душа - это, по-видимому, выдумка тогдашних лю-

дей с отклонениями в работе головного мозга.

Эх, если бы найти сохранившуюся черепную коробку человека того периода - технические возможности позволяли считывать отпечатки той информации, которая была когда-то в этой голове. Да где найдёшь? Эпоха Великих Потрясений почти ничего не оставила после себя, даже останков людей. Изредка находили отдельные фрагменты, были какие-то клочки, обрывки, но по ним реконструировать эмоциональный тип человека того времени было невозможно, слишком мало материала. А без него невозможно смоделировать любовь.

Агент Х, авторитетный исследователь, чтобы понять людей той эпохи, попытался хоть как-то реконструировать их быт. По сохранившимся картинкам он заказал себе дом и мебель из безумно дорогих материалов, в частности, настоящего дерева. Это могли себе позволить только немногие. Вся надежда на раскопки, ведущиеся группой Агента У. Нет ли у него новостей?

Агенту Х в общем-то не хотелось вставать с кресла, но тем не менее его не очень здоровые ноги, согретые солнечным квадратиком, пришли в движение. Он встал и надел тапки, сшитые по старинным образцам: с шашечками по бокам из очень дорогой ткани, сделанной на основе льна - экспериментального растения, выращенного с большим трудом на базе Воспроизводства утраченного. Подойдя к небольшому прямоугольному экрану, он набрал цифровой код и через несколько секунд увидел общую панораму раскопок, а затем и самого Агента У, сдувавшего пыль или что-то ещё с какого-то предмета. Агент Х приблизил изображение и увидел то, что хотел увидеть давно - человеческий череп, вполне сохранившийся в слоях земли, датированных 20-23 веками. Впрочем, эта датировка была очень условна, поскольку во времена Великого Потрясения подвижки земной коры были столь велики, что всё на Земле перемешалось, а затем было почти везде уничтожено

адским пламенем, вырвавшимся из своего подземного плена. Человечество так изрезало и искромсало поверхность планеты, что в некоторых местах произошли громадные разломы, из которых на поверхность вылились потоки огненной лавы, которые сожгли всё или почти всё. Этот процесс, как показали исследования, не был контролируемым, как сначала предполагали некоторые учёные, считавшие этот катаклизм следствием военных столкновений нет, всё было ещё хуже.

И вот спустя несколько тысяч лет, возрождённое из маленьких зёрнышек, оставшихся случайно в космосе, новое человечество пытается понять своё прошлое и, благодаря этому, выжить. Всё более пристально рассматривают нашу планету с помощью своих мощных приборов другие цивилизации, отделённые от нас десятками световых лет - но это пустяк для современных космических полётов. Только принципы гуманизма, универсальные для всех цивилизаций, достигших хотя бы какого-то самосознания, мешают соседям заселить Землю, которая вновь, как и прежде, обрела вполне сносные условия для существования. Но мы слишком хорошо знаем законы жизни и выживания: как только земная цивилизация ослабнет, будет малолюдной и неспособной воспроизводить самое себя - здесь и появятся совершенно другие, хотя и не менее разумные люди. Именно поэтому и важно было понять, и по возможности смоделировать, а затем и попытаться воспроизвести утраченный эмоциональный тип людей, живших здесь раньше. Но для этого нужна информация. А её мало, очень мало!

Главный Координатор лично наблюдал за ходом исследований, но, понимая их трудность, напрямую не торопил агентов, и только иногда тактично давал понять, что времени остаётся всё меньше и меньше.

Агент Х налил себе в небольшой прозрачный и тяжёлый сосуд немного воды, абсолютно чистой, но, к сожалению, имеющей искусственное происхождение. Естественных источни-

ков воды на Земле остались считанные единицы, и большинство землян позволяло себе эту роскошь только в праздник Дня Возрождения Земли. Вода, добытая из земных источников, почти не отличалась от искусственной по вкусу и цвету, имея все те же свойства, кроме одного: та, земная вода, была живой и давала человеку силы, а не только утоляла жажду.

Агенту Х иногда приходила в голову не очень логичная мысль: а может быть люди, пьющие искусственную воду и состоящие на 80% из неё, тоже постепенно утрачивали свойства живого существа - способность производить живое, и постепенно, строя себя из искусственной воды, сами становились как бы искусственными, теряя заложенные возможности к естественному воспроизведению себе подобного. Он даже высказал эту мысль на одном из совещаний у Главного Координатора, но мысль, лишённая точных измерений и научной проработки - это только мысль, не больше. Поддержки она не получила, хотя отдельные исследователи занимались ею, но уже в частном порядке, а здесь требовались исследования, поддержанные Правительством.

Агент Х сделал глоток воды и вновь повернулся к экрану. Агент У уже осторожно укладывал находку в специальный контейнер, где есть необходимые условия, чтобы всё сохранить в неприкосновенности. За спиной Агента У желтело огромное пустынное пространство. Казалось, оно было бесперспективно для поисков следов некогда могучей цивилизации - не за что глазу зацепиться. Но вдруг приборы, сканирующие подземные слои, неожиданно показали наличие каких-то предметов, упрятанных на несколько метров под поверхностью.

Агент Х прикоснулся к сенсору вызова. Агент У тут же откликнулся: *- Рад видеть Вас, Агент Х.*

- Я тоже, коллега, что там у Вас за находка? Боюсь поверить своим глазам!

- Да, это выдающееся открытие - черепная коробка, от-

лично сохранилась и, возможно, на ней есть отпечатки каких-то информационных фрагментов, в том числе и эмоциональных.

- Это неслыханная удача! Когда будете в Центре?

- Завтра, после полудня. Устал очень, хочу чуть передохнуть, группа останется для продолжения раскопок. На уровне трёх километров мы обнаружили какой-то динамичный объект!

- И что это может быть?

- Боюсь спугнуть, но возможно это огромная подземная река, реликтовая природная вода. Но это лишь мои предположения.

- Да, это был бы выход для нас всех.

- А, Вы о своей главной мысли о живой воде?

- Да-да, но об этом после. Жду Вас.

- Сейчас будем готовить и настраивать аппаратуру для снятия информации с объекта. Кстати, у вас есть какие-нибудь идеи, почему он сохранился и как мог там оказаться? Это очень важно, поскольку по последним данным на Земле в то время у людей был неодинаковый уровень развития, поэтому для нашей работы нужен объект с развитой эмоциональной системой. Хотя на сегодняшний день мы рады любому, мы ведь почти ничего не знаем. А времени у нас в обрез. Вы, наверное, слышали, сегодня на Землю с миссией доброй воли опять прилетают представители из системы С-24. Что-то зачастили. Боюсь, что они присматриваются к нам и это не только моё мнение; особенно меня настораживает их настойчивость в предложении о совместных исследованиях.

- Коллега, поговорим после вашего прибытия.

- Хорошо-хорошо, я забыл, что вы любите воссоздавать фрагменты атмосферы той эпохи...

Я вздрогнул и проснулся. Сквозь тёмный квадрат окна (как будто кто-то плеснул на стёкла чёрное чилийское вино) не просачивался ни один, даже самый маленький огонёк. Полная луна, которая в это время всегда прохаживалась по небу, уже, видно, завернула куда-то за крышу соседней высотки. И тоже света не давала. Да я и не любил это потустороннее свечение, которое всегда вызывало чувство тревоги и беспокойства, хотя, вроде, и причин-то никаких не было. *«Приснитса же такое, - подумал я, - фантастика, да и только».*

И к чему бы это? Ведь фантастику-то не читал с тех пор, как перешёл из шестого класса в седьмой, а тут такие видения.... Да ещё на трезвую голову... Ах, да, вспомнил - ведь сегодня полнолуние, я и забыл. И окно чёрное, потому что вечером опустил шторы, чтобы свет не мешал спать.

Я встал с постели, отдернул штору, и лёгкий уличный свет мгновенно наполнил комнату, развеяв наваждение.

Обычно сны мгновенно забываются, и уже через несколько секунд я не мог вспомнить, что же взволновало меня или встревожило. Но сегодня было не то... *«А, да ладно»*, отмахнулся я, прогоняя остатки сна, и включил лампочку.

Я сунул ноги в новые мохнатые тапочки с таксистскими шашечками, изображавшими какой-то узор, впрочем, я не стал задерживать на них своё ещё не вполне восстановившееся после сна внимание и медленно пошёл в ванную комнату, по пути включая свет везде. Правда была одна совершенно дурная мысль - может сделать зарядку, а потом уже умываться, но я её тут же отогнал, как чужую кошку, которая любит поваляться на коврик перед моей дверью.

Адская процедура - бритьё, кто её придумал, да и сколько времени она отнимает. Всё твоё существо кричит - не мучайся: щетины почти нет, а если и есть - её не видно, а если и видно - кому какое дело, но всё-таки столетия цивилизованной жизни

моих предков сказываются, и вот я бреюсь. По мере умывания, чистки зубов и умощения себя снадобьями, которые должны сделать тебя человеком, приятным во всех отношениях, в смысле издаваемых тобой запахов - начинаешь осознавать, как к тебе возвращается смысл жизни.

Взглянув на себя в зеркало, перед тем как покинуть ванну, я с огорчением убедился, что мой лоб напоминает лист из школьной тетради в линейку, под глазами очень правильной формы круги, напоминающие лунные кратеры. Ну да что говорить - лучше ничего не говорить по этому поводу. Хотя, что такое 49 лет - на юбилейных вечеринках обычно говорят, что это возраст расцвета, как физического, так и духовного, но это всего лишь образчик обычного лицемерия, ритуальные заклинания, не больше.

Я не паниковал по поводу своего возраста - нормальный возраст, да и что сделаешь - от времени нет ни лекарств, ни кремов. Оно всё равно топчется по тебе, как ворона по снегу, каждую минуту, оставляя свои следы, по которым можно безошибочно прочесть, что жизнь в лучшей своей части уже где-то позади. И ты чувствуешь себя, как в далёком детстве, когда катаешься весной на льдине, а она вдруг начинает разламываться, и ни один спасатель до тебя не доберётся...

Что это я? Мрачноватые мысли для предвесеннего утра... Ладно, всё-всё...

Мобильник в кармане сначала задрожал от злости, что его потревожили, а затем, как истеричная бабёнка стал орать всё громче и громче, требуя, чтобы я нажал на кнопку «приём». Я и нажал. Предыдущему аппарату, кстати, не повезло. Когда он меня однажды очень достал, я швырнул его на пол и расколотил, и несколько дней жил спокойно, не ожидая поминутно какого-то особого звонка - звонили-то всё по обычным делам, по

такой фигне, что и заводить-то эту игрушку не следовало.

- *Слушаю*, - стараясь скрыть раздражение, ответил я, одновременно пытаюсь правой рукой одеть на шею под воротник галстук.

- *Машина сломалась, я не смогу заехать за вами*, - виновато ответил шофёр.

- *А когда сможешь?*

- *Да кто ж её знает! Иномарка... Самому залезать внутрь не стоит.*

- *Ну, гони на станцию, а я на такси. Позвони, как там сложится. Понадобись после обеда, пока.*

Вот день - не задался с самого начала. Я повязал, наконец-то, галстук, вспомнив не ко времени пионерскую присказку из моего детства: *«Как повяжешь галстук, Береги его...»*. Ещё бы не беречь - 120 долларов. Сам бы, конечно, не купил, подарили. Хотя, что в нём особенного, я так и не прочувствовал, да, к тому же, посадив на него маленькое пятнышко и получив от недавно бросившей меня жены выговор, что не берегу дорогие вещи, потерял к нему все возвышенные чувства, как к предмету высокого французского дизайна.

Так, теперь натянуть куртку и на улицу, в холодрыгу, ловить такси и тащиться в офис. А не зря рисунок на тапочках напомнил мне шашечки такси.

«Холодно, странничек, холодно» - пробормотал я про себя бессмертного классика. Когда привык много лет ездить на машине, отвыкаешь одеваться в соответствии с погодой. Модные ботинки на тонкой подошве для мокрого снега никаким серьёзным препятствием не являются, и ноги мои сразу задубели, да и лёгкая куртка отовсюду продувалась, как деревенский овин.

Поймать такси утром на дороге непросто, если не догадаться вызвать его по домашнему телефону. Я простоял минут 30 на холодном ветру, обдуваемый мощными воздушными по-

токами, как модель самолёта в аэродинамической трубе, за которую вполне мог сойти мой родной переулочек.

Наконец, кто-то сжалился или жадность одолела, и около меня остановилась небольшая иномарка молочного цвета. За рулём сидела молодая женщина.

- Садитесь, - предложила она, - вам далеко?

- В центр, - я назвал улицу. - Ну, это по дороге.

Я хотел сесть на заднее сиденье, но дама жестом показала: «Садитесь рядом».

- Понятно-понятно, побаиваетесь «душегубов».

Дама слегка улыбнулась, но ничего не ответила.

- Да, а во что мне это обойдётся?

- Учитывая, что я еду туда же - в цветочек к 8 марта.

- Идёт, - ответил я. - Осталось найти цветочный киоск и выдать вам цветок авансом.

- Потом, как-нибудь, - ответила дама, остановившись у светофора.

Было уже светло, и я разглядел свою спутницу и извозчика. Ей было лет 25, не больше. Хороший макияж, дорогая бутиковая куртка.

- Вы мало похожи на извозопромышленника эпохи первоначального накопления капитала!

- Отчего же?

- Что-то в лице такое, я бы сказал почти бескорыстное, почти... - я подыскал слово, - одухотворённое.

- Надо же, кто бы мог подумать, - ответила она.

Через несколько минут машина уже была на знакомой улице у старинного отреставрированного особняка, где и помещался мой крохотный офис: всего в одной маленькой комнате с предбанником.

- Вот сюда, - подсказал я.

- Угу, - кивнула дама, и машина плавно подрулила к обочине.

Я протянул женщине сотню. Она улыбнулась: - Мы же договорились - цветок к 8 марта.

- Ну, хорошо, я не против, но где вас найти. Я без задней мысли, никаких коварных планов у меня нет!

- Я вижу. Вот моя визитка.

- Ну, тогда уж возьмите и мою, вдруг понадобится.

Я полез в наружный карман пиджака, порылся там, но ни одной карточки не нашёл - все кончились, поскольку накануне я был на деловой встрече и щедро раздавал их направо и налево, тем, кому нужно, и тем, кто обо мне никогда уже не вспомнит; если, конечно, не надумают куда-нибудь избираться - ну, тогда им без меня точно не сделать и шагу.

- Да, извините, как говорится, пригласил в ресторан, а деньги во дворце забыл на камине.

- Ничего-ничего, давайте упростим, я просто введу в память мобильного ваш телефон.

- Точно! - Я продиктовал ей свой номер, пообещав 8 марта непременно подарить ей цветы и вышел из машины, махнув на прощание рукой.

Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, окружёнными розовыми полумесяцами губ, и медленно тронулась с места.

«Красивая женщина, - подумал я, открывая дверь своего офиса. - Но где-то я её уже видел. Но где и когда - бог знает.»

- Что за брюнетка вас подвезла, Зотов? - встретила меня вопросом Наташа, выполнявшая у меня роль секретарши, уборщицы, завхоза и советника по всем вопросам по совместительству. Кроме того, она взяла на себя обязанность всячески оберегать мою порядком поистрепанную нравственность, часто не к месту напоминая, что я человек, кроме того, что немолодой, но и (какой ужас!) официально ещё неразведённый. Я как-то будучи в состоянии, похожем на злость, кото-

рая могла бы быть обозначена и как ярость, поскольку она опять вклинилась в мой разговор с перспективной клиенткой, которая к тому же оказалась и хорошенькой женщиной, запретил ей открывать рот при посторонних. Но тщетно!

Я включил тогда все свои возможности, чтобы произвести на понравившуюся мне клиентку хорошее впечатление, но Наташу это, по-видимому, сильно раздражало, и она «невзначай» зашла напомнить, что сегодня я иду с женой в театр, о чём я её «якобы» попросил напомнить, но я точно помню, что ни о чём таком я её не просил. Когда клиентка ушла (почти сразу после этого напоминания), пообещав, что позвонит и сообщит о своём решении позднее, я спросил Наташу: - *Что тебя так бесят мои беседы с клиентками. Я надеюсь, это не ревность?*

Она улыбнулась так мягко, как улыбается медсестра перед тем как сделать болющий укол своему пациенту, и сказала: - *Не понимаю, почему женатые старые мужчины клеятся к молоденьким женщинам!*

- *Но тебя-то что это задело, что тебя волнует? У нас здесь только один женатый, да и то в прошлом - это я, да и тот к тебе относится, как к мебели - иногда сдует пыль бесконтактным способом и всё.*

- *Не-по-ни-ма-ю!*

- *И не поймёшь! И никто не понимает. Просто включаются биологические законы выживания вида. Почитай ботанику, ой, не то, зоологию, хотя там, наверное, тоже нет. В общем, читай литературу.*

- *Очень удобно валить всё на природу.*

- *Слушай, давай поставим точку на этой теме. И запомни: в разговоре с молодой или не очень, клиенткой всегда должен быть лёгкий флирт, это позволяет получить заказ на нашу работу.*

- *Как бы не так. По-моему, вы так отпугиваете их.*

- Неужели?

- Да-да, не обольщайтесь насчёт себя!

Я не стал больше с ней спорить, указав на лёгкую паутину, которую свил в самом тёмном углу невесть откуда взявшийся паук. Впрочем, дом был старый, и пауки, наверное, были здесь ещё с царских времён.

Наташа обиженно надула губы и пошла искать швабру, чтобы с её помощью разрушить интригу, которую сплёл мекий паучок для отлова разных, таких же мелких, летающих тварей.

Последний день зимы, а холодно и морозно, как будто всё ещё только начинается, да эта выюга, которая норовит пощекотать тебя за воротником своими холодными снежными пальцами. В такое утро трудно сразу заставить себя работать. Сначала надо пропустить чашку утреннего кофе, выкурить сигаретку, просмотреть газеты, которые не успел прочесть вчера и только после этого, преодолевая зимнюю лень, сделать первый звонок, который и обозначит начало работы.

Раньше было проще. С утра ко мне заходил начальник, у которого вечно не хватало одной пуговицы на пиджаке и, прикрывая это место ладонью, давал мне порученья на день, и деваться мне было некуда: хочешь-не хочешь работай, зарабатывай свой хлеб насущный, чертыхаясь и посылая всех в душе далеко-далеко, по родственникам, чаще всего очень близким. Но сейчас некому меня подогнать, некому сказать задушевное слово к моей совести.

Я, преодолев себя, встал и демонстративно сам стал готовить себе кофе, с любопытством наблюдая, как Наташа поставила стул, встала на него, напоминая персонажа знаменитой картины Пикассо «Девочка на шаре» и стала сбивать паутину с такой же яростью, как сбивали революционные матросы царские символы на различных казённых зданиях - я это видел в

художественных фильмах в далёком детстве. Вскоре аромат кофе, такой умиротворяющий и уютный, заполнил мой кабинет и я, прихлебывая чёрный тягучий напиток (без сахара, разумеется) прочёл Наташе лекцию о пользе физических упражнений и о необходимости соблюдать чистоту не только в душе, но и в помещении. Наталья, вытянувшись вверх так, что джинсы, казалось, должны вот-вот лопнуть, выполнила, наконец-то, свой служебный долг и, захватив стул и швабру, гордо удалилась в свою комнату, посчитав излишним ввязываться в очередную дискуссию со мной, тем более что день длинный, и мы ещё не раз поговорим.

До обеда появился только один клиент - владелец нескольких овощных магазинов, заказавший текст рекламы и поздравления в стихах. Цены в преискуранте этого сеньора Помидора не смутили, мы быстро столковались о сроках и форме оплаты, после чего я остался один. У меня было два варианта - сразу взяться за сочинение «эпохалки» по заказу, либо... Так что же делать? Как решить этот извечный вопрос, мучивший таких титанов мысли, как Чернышевский и Ленин, а теперь мучающий меня?

После того, как я, наконец-то ушёл с «государевой» службы и оказался сначала совладельцем, а затем и хозяином этого простенького рекламного бюро - этот вопрос часто вставал передо мной. Проще всего, конечно, было бы путешествовать по разным странам, как когда-то Сенкевич, а затем рассказывать об увиденном миллионам телезрителей, мёрзнувшим холодными зимами у своих телевизоров. Но таких путешественников и без меня хватало, а своих денег доставало лишь на более-менее сносную жизнь, не больше. Поэтому путешествия отпадали сразу, да и в перспективе как-то не очень проглядывались.

От тупого разглядывания перекидного календаря и пустых размышлений меня оторвал внезапный резкий телефонный звонок. Вы, наверное, замечали, что телефон звонит по-разному: если это любимая женщина, которая решила вспомнить о тебе через 20 лет, он звонит нежно и спокойно, а если начальник (как в прошлой жизни) или клиент, то пронзительно и настойчиво дескать я плачу деньги, какого рожна ты так долго не берёшь трубку!

- Слушаю, Зотов.

- Это Анджела.

- Очень приятно, ... Напомните, кстати, кто вы?

- Да я вас утром подвозила на машине.

- А, наконец-то одумались и решили, что 100 рублей сейчас лучше, чем цветок через неделю? Это я так шучу!

- Я так и поняла. Я по делу! Вы ведь занимаетесь рекламой?

- Да, чем угодно, но этим в первую очередь. Хотите что-нибудь отрекламировать?

- Да, у меня небольшой косметический салон. Дела и так идут неплохо, но хотелось бы, чтобы шли ещё лучше.

- Нет предела совершенству.

- Я, с вашего разрешения, сейчас заеду, и мы поговорим.

- Я как раз собирался перекусить, может, пообедаем вместе, я плачу, заодно и рассчитаюсь за поездку.

- Хорошо, я через 15 минут буду, если вы свободны.

- Свободен, пока свободен.

Она положила трубку, и я подумал: «Нет ничего случайного в мире. Жизнь состоит из эпизодов, которые, как бусинки на нитку, нанизываются всю жизнь, и в конце получают роскошные бусы, которые некому носить, тем более что у европейских мужчин это не принято, а у женщин к тому времени слишком морщинистая шея».

- Ну что ж, будем готовы! Всегда готовы! - как говаривал

я в своей пионерской юности. Анджела приехала, как и предполагается нормальной молодой женщине с опозданием на полчаса. Я уже подумывал о том, чтобы пойти пообедать одному, поскольку этот святой ритуал – пожевать чего-нибудь с 13 до 14 соблюдал неукоснительно.

Когда она вошла, мне бросилось в глаза, что она одного со мной роста, а я всегда чуждался женщин, которые, стоит им встать на каблуки, становились сразу длиннее меня, что поде-лаешь – это природное. Мужчина – символ воина, должен быть выше ростом, а если женщина выше, то какой же ты воин и добытчик? В общем, мой интерес к ней, как к женщине был обратно пропорционален её росту. Именно поэтому я, на радость Наташе, мог вести разговор с ней в привычной для меня полусутоливо-официальной манере, но без всяких намёков на флирт.

Я помог ей снять шубку, которая оказалась очень мягкой из какого-то неизвестного мне меха (я в них не разбираюсь: мне что лиса, что собака) и Анджела села в кресло.

Я, наконец-то смог рассмотреть её, хотя лучше бы не рассматривал. Она действительно была хороша собой. Впрочем, она же владелица косметического салона!

«Ну, понятно, личико нарисовано, волосы – парик, а ноги ей, конечно, удлинили по методу Елизарова», – подумал я, чтобы спугнуть воспетое поэтом очарование, иначе мне было бы трудно сосредоточиться.

– Ну, так вот, господин Зотов, мне необходима новая, какая-нибудь необычная реклама моего салона, который не из дешёвых, нас могут посещать только состоятельные люди.

– Ну-ну, – сказал я, нестати вспомнив фразу из Некрасова: *«Наш-то не любит оборванной черни».*

– Так вот, хотелось бы что-то стихотворное, запоминающееся, но без дешёвки, вроде «поздравляем-желаем». Вы

понимаете?

- Угу, - ответил я, - и чем ваш салон отличается от других?

Анджела, чувствовалось, была неслучайным человеком в этом бизнесе, и подробно рассказала и о новом оборудовании, и о новых технологиях работы с волосами, кожей, ну и о прочих биологических компонентах, с помощью которых её салон возвращал молодость даже дамам бальзаковского возраста.

- А для исправления дурных мозгов у вас ничего ещё не завелось оттуда, с Запада?

Она засмеялась: - Это хорошая шутка, но специалисты по мозгам в другом месте.

- Ладно, - сказал я, оплодотворённый новыми идеями по части макияжа, - непременно что-нибудь рожу!

- Только 9 месяцев - это долго, - пошутила она.

- Что вы, мадам, посидите за кофе 9 минут - и готово. Вы меня вдохновили, и что главное для поэта - мечта, муза в виде красивой и неприступной женщины, либо стакан водки под лучок с хлебом, в моём случае, учитывая принадлежность к среднему классу, глоток коньяка под тонкий ломтик лимона.

Я вышел в соседнюю комнату, где посмотрел папку с разными заготовками - нет ли чего? Не было! Тут на меня накатились две строчки: «Отправляешься в вояж - Сделай лучший макияж!»

«Как частушка, - подумал я, - доступно и просто. Но всё равно, чувствовалось сельпо, несмотря на французскую рифму». «В салоне «Мальвина» Лучшие вина!» - Причём здесь вина? Или: «Как в салоне «Мальвина» Можно всем хлебнуть вина!».

Ну, хватит, потом, у меня слишком ироничное настроение, а оно и работа несовместимы. Первый вариант - на пробу, а там посмотрим. За день я точно что-нибудь придумаю.

Я аккуратно отпечатал три строки и вернулся в комнату, Анджела удивлённо посмотрела на меня, взяла листок, внимательно несколько раз прочитала, а затем сказала: - Недурно, я это беру. Сколько я вам должна?

- Долг платежом красен. Абсолютно безвозмездно, как благотворительная помощь малоимущей бизнес-леди.

- Ну, вы ещё что-нибудь придумайте, чтобы было из чего выбирать?

- Конечно-конечно. Завтра выдам нормальный вариант. Это так, проба пера.

- Какой вы скромный, по вашему виду не скажешь.

- Для человека моей нынешней профессии скромность, как киллер у подъезда, просто смертельно, а застенчивость - это контрольный выстрел.

- Какие страсти, видно, что у вас богатое воображение, не расплескали с юности.

- Может, всё-таки, перекусим. Здесь есть приятная забегаловка, куда я смогу вас пригласить, и кормят недурно.

- Хорошо, пойдёмте. Машину я здесь оставляю, если это недалеко.

- Совсем рядом. Наташа, - обратился я к своей советнице, - пригляни за лимузином клиентки.

Наташа, ласково посмотрев на меня и самым ядовитым тоном, на который только была способна, ответила: «Не беспокойтесь, пригляжу обязательно. А вы что-то сегодня неважно выглядите, может, заболели, какие-то круги синие под глазами. Не забывайте, сколько вам лет».

После этих слов, даже если раньше чувствовал себя хорошо, начинаешь недопомогать и думать о том, как бы полежать, отдохнуть, а не шастать по дешёвым кафешкам, да ещё в обществе такой эффектной женщины.

- Она, кажется, вас ревнует, - заметила Анджела после того, как дверь мелодично прозвенев колокольчиком, закры-

лась за нами.

- Нет, просто воспитывает и напоминает, что я женатый ещё пока человек. Впрочем, всё это вздор...

- Ну, значит, у неё есть основания, - она улыбнулась.

- Это она думает, что есть. Девичьи фантазии на око-посексуальные темы, не больше того.

Через несколько минут ходьбы по скользкому тротуару мы вошли в маленькое уютное кафе, где официантки приветствовали меня как родного и обслужили на удивление быстро.

Трапеза уже подходила к концу, беседа ни о чём постепенно теряла темп и становилась вялой и какой-то излишне напряжённой, что совершенно не способствовало нормальному пищеварению, поэтому я, взглянув, не вполне вежливо, на часы, спросил: - Ну, что, пойдёмте?

- Давайте ещё посидим, может, по сигаретке? предложила она.

Я согласно кивнул и вытащил свои скромные LD, обычную пластиковую зажигалку за 4 рубля, нисколько не смущаясь, так как некоторая разница в росте (а она была в сапожках на шпильках) делала меня почти равнодушным к тому, что она обо мне подумает.

Она как-то очень внимательно, оценивающе, как это обычно делают женщины в магазине, взглянула на меня и неожиданно сказала: - А вы не хотели бы как-то изменить свою внешность, сделать её более стильной?

- Да я привык к себе, да и зачем?

- И всё-таки, - она встала, - пойдёмте ко мне в салон, и мы вам сделаем хотя бы другую причёску. Всё равно вам надо стричься, это уже заметно. Да и посмотрите воочию, что вы рекламируете.

«А, да ладно, всё равно сегодня день не задался. Съезжу, заодно и себя приведу в порядок, а то зарос, как основоположник марксизма», - подумал я, а вслух только и сказал: - Хо-

рошо, едем.

- Вот и славно, - ответила Анджела и почему-то засмеялась.

Через несколько минут мы были у моего офиса. Я забежал предупредить Наташу, что меня не будет пару часов, на что услышал традиционное: «Я так и знала».

- Ничего личного, - бросил я на ходу замечательную, к сожалению не мной придуманную, фразу.

- Так я и поверила, - буркнула мне вслед Наташа и добавила совсем уж непотребное, - наябедничаю вашей жене будете знать!

- Да она только рада будет, что я с такой замечательной причёской - из меня обещали сделать Ален Делона - тем более что моя судьба её больше не волнует. Ясно? Так что держись, племя молодое - ... Я слегка хлопнул её по плечу и вышел на улицу.

Анджела сидела в машине, перебирая какие-то визитки.

- Я готов, в том смысле, что готов ехать.

- Ну что же, едем! К новому имиджу!

Анджела, немного отъехав, поставила CD с итальянскими ариями. - Вы что, нарочно или уже знаете мои музыкальные пристрастия? Andrei Bocelli, Con te partiro действует на меня умиротворяющее. Мне уже хочется подстричься под чёлку и показать дневник, признавшись, что на днях я исправил двойку на тройку.

- Ну, искусство для того и существует, чтобы усовершенствовать человечество, уберечь его от обратного процесса превращения из человека в обезьяну.

- Люблю умных женщин, но как кофе с сахаром, только одну чашечку.

- А вас что, окружают простушки и дурнушки?

- Меня окружает одна Наташа, да и той я не нравлюсь как мужчина, о чём она мне сразу сказала, когда устраива-

лась ко мне на работу! Я стар, женат, не брюнет, не с голубыми глазами, не езжу в Куршавель и занимаю у неё десятку на сигареты.

«Что такое! Я, кажется, немного рисуюсь. Лучше помолчать», - подумал я, и стал смотреть в окно...

- Ну, вот мы и приехали!

Машина остановилась у недавно построенного дома с затейливыми башенками и большой пристройкой, на которой синими буквами подмигивала надпись «Салон «Мальвина».

- Так что, это салон совсем для юных дам, не больше 14 лет от роду?

- Ну, у нас есть несколько отделов, в том числе и детский и небольшой мужской. Знаете, жёны иногда тащат с собой мужей, чтобы они их подождали и в этот момент мы предлагаем им наши услуги. Но вообще-то, у нас всё по записи!

- Лиховы придумали!

- А ваше двуступище, если подойдёт, мы разместим на крыше.

- Но это же почти бессмертие и слава. Автора внизу не забудьте.

- Так, проходите вон туда: прямо по коридору, в конце налево.

- Обычно в таком месте находится, простите, туалет.

- Это у нас в другом месте. Я вам покажу, если понадобится.

- Анджела, вам не кажется, что наши взаимоотношения развиваются чересчур стремительно. У вас ко мне ещё что-то, кроме поиска рекламного «шедевра», мне так думается. Этоголоски прежней профессии.

- Быть может, - ответила она почти по-польски, открывая дверь в небольшую комнату, которая немного напоминала и кабинет стоматолога, и гостиную в хорошем доме.

- Присаживайтесь, сейчас Аня вами займётся, и вы после этого сочините шедевр.

Посещение парикмахерской с самого детства было для меня неприятной обязанностью, вроде чистки обуви. Это потом, пройдя школу элитного офицерского подразделения, где абсолютно немыслимым было появление в мятых брюках, нечищенной обуви или недобритой щетиной, я понял все преимущества хорошего внешнего вида мужчины, но снисходительность к слабостям других в этом вопросе осталась.

В кабинет вошла длинноногая фотомоделка в голубом, до колен, халатике с трогательным белым кружевным воротничком, красиво облежавшим её шею, на которой нельзя было разглядеть ни единой морщинки.

- Анна, - представилась она, - у вас какие-нибудь пожелания или положитесь на мой вкус?

- Конечно, сделайте так, чтобы я был в вашем вкусе, - отшутился я.

Анна улыбнулась, обвязала меня каким-то покрывалом с красным воротничком, отчего я стал похож, как мне показалось, на кардинала Ришелье, каким его изображали в старых учебниках истории.

- Ну что ж, - сказал я, - путь от Ришелье до постаревшего Алена Делона не близкий - вперёд!

Анна занималась со мной час-полтора, и всё это время я покорно переносил все процедуры, от которых раньше шарахнулся бы как сельская лошадь от Мерседеса. Когда Анна закончила свою работу, она вымолвила, как хирург после тяжёлой операции: *«Я сделала всё возможное».*

Я ответил ей в том же духе: *«Значит всё-таки в реанимацию, а не в морг?»*

Она засмеялась и сняла с меня кардинальские одеяния, тем более, что теперь мне действительно больше бы подошёл какой-нибудь дорогуший французский костюм, потому что к та-

кому ухоженному лицу с такой причёской всё, что осталось нетронутым Анной, уже не подходило.

- *Что же Аня, вы мне подарили очередную иллюзию, в которой я остро нуждался, спасибо.* - Я достал из бумажника сотню (у.е., конечно), которая завалялась у меня с лучших времён и незаметно, но так, чтобы она видела, положил в маленький кармашек её очаровательного халатика. Анна поблагодарила и вышла, потеряв ко мне всякий интерес. А жаль... В этот момент вошла Анжелика, внимательно осмотрела меня и нашла, что теперь я в полном порядке.

Я чувствовал себя так, как, наверное, хозяева в знаменитой передаче «Школа ремонта», когда они возвращаются в своё преображенное нахалёвку жильё и должны перед камерой долго и нудно восхищаться, благодарить и рекламировать что-то, хотя им в этот момент больше всего хочется, чтобы их оставили в покое и дали осмотреться. Я тоже выразил свой восторг, в том смысле, что слепому глазные капли не помогут, хотя в моём случае эффект поразительный и я не знаю, что мне теперь с этим лицом и причёской делать.

- *А ничего,* - просто сказала она. - *Вам стало легче и веселее, и это главное. Да и окружающие оценят, я в этом уверена.*

На прощание я зачитал ей ещё четыре варианта, которые сочинил, пока сидел в кресле. После секундной паузы, которой она не воспользовалась, чтобы объяснить интерес ко мне, я попрощался и, запахнувшись в пальто и аккуратно надев шапку, вышел на улицу.

Что же было нужно от меня этой красавице, я так и не понял, а интерес ко мне, как к мужчине, я исключил сразу. И правильно сделал. Зачем менять старые иллюзии на новые.

Я вернулся в свой офис, который показался мне тесным и темноватым, с немодной мебелью, со старым компьютером,

который у нас стоял для украшения, поскольку им почти не пользовались. В кабинете было холодновато, да и понятно: ветер дует в окна, а батареи излучают столько же тепла, сколько солнце в конце февраля, то есть грели, но с одного бока, не меняя температуры в целом.

Завтра весна, весна... Почему я её не чувствую? Почему мне так одиноко и бесприютно? Понять захотелось, ну поной, всё равно никто, кроме тебя, не услышит твоих внутренних монологов. По-видимому, косметическая атака на мои волосы и лицо дала отрицательный эффект. Или так повлияла на меня встреча с этой красивой ухоженной женщиной? Сколько ей лет? 25-26, не больше. И почему она пошла на продолжение знакомства? У, опять в тебе заговорил пионер-следопыт, который так ни фига и не понял в своей жизни. Жена ушла, оба ребёнка учатся далеко от дома... Почему же всё так неудачно сложилось?

Наташа неслышно вошла в кабинет и несколько секунд наблюдала за тем, как я тупо смотрю в окно, залепленное последним зимним снегом. Вообще-то мне несвойственно минорное настроение, но иногда ... Иногда всё-таки что-то накатывает, что-то не вполне объяснимое, хотя если посоветоваться с психологом, он, конечно, всё объяснит, только зачем?

- Зотов, - она меня звала, почему-то только по фамилии, так сложилось с первого дня нашего знакомства, когда она, забыв сразу же моё имя-отчество, назвала меня: - *Товарищ Зотов*. Я и застолбил за собой это имя, заметив, что слово «товарищ» в её взаимоотношениях с подрастающей акулой капитализма не вполне оправдано. Она краснела, заикалась по первости, но затем привыкла, а по имени-отчеству называла только при посторонних. Наверное, кто-то скажет - зачем такая фамильярность между молодой девушкой и немолодым мужчиной? Но я прожил всю жизнь в обстановке, где правила

установлены раз и навсегда. И устал от этих правил! И хоть в чём-то решил их, наконец-то, нарушить. Мне это понравилось, поскольку свою нынешнюю работу я считал чем-то вроде игры взрослого мужчины. Я, честно говоря, никогда не смог бы предположить, что буду зарабатывать своими скромными литературными способностями. Но так сложилось, что другие мои способности и опыт в этой совершенно новой обстановке оказались невостребованными.

- Зотов - это потрясающе, что с тобой сделала эта брюнетка, - как может преобразить зачуханного, брошенного женой невзрачного поэта-неудачника красивая женщина, если он ей понравится!

- Ты думаешь, я могу понравиться хоть кому-нибудь?! Сама сто раз на дню твердишь, что у меня никаких шансов.

- Ну, это с такими, как я, а с такими, как она, вероятно. Тем более, что у тебя не так много осталось времени и судьбу надо устраивать.

- Устроишь тут, сама отпугиваешь от меня всех хороших женщин.

- Эта в вашем вкусе, да и возраст лет 30, не меньше.

- Ох, и вредная ты для моего здоровья особа, вернее для моих истрёпанных нервов.

Разговор с Наташей меня немного вывел из состояния меланхолии, вызванной приближением весны и отсутствием хотя бы каких-нибудь, смутных предчувствий любви.

- В таком прикиде тебе надо куда-нибудь выбраться в свет: в ночной клуб, в казино или в театр, где всегда много одиноких молодых женщин.

- Откуда такое знание жизни, Наташа? В твои-то 23?

- 21! Нечего прибавлять!

- Ладно, извини, в твоём возрасте и полгода - целая вечность. А у тебя-то, кстати, как дела? Замуж пора, в приданное можешь забрать старый компьютер, если, конечно, это

приличный воспитанный молодой человек из хорошей семьи.

- У меня курсант. В этом году заканчивает училище, и мы уезжаем.

- Я-то думал, ты захомутала богача с мерсом, о котором мечтают все девицы твоего возраста и воспитания.

- А любовь?

- Если негде жить и нечего есть? Любовь не переносит таких бытовых неудобств и тихо уходит.

- На себе испытано?

- Ну, не совсем, хотя нечто подобное было и со мной.

- Может, расскажешь?

- Нет уж, как-нибудь в старости многочисленным внукам в письмах издалека. В СМС это не изложишь.

- Вы бы позвонили ей да пригласили куда-нибудь.

- Да бог с тобой! Жалость к неухоженному мужику - это у неё профессиональное. Кроме того, это был просто бартер, причём за рекламу. К тому же, она наверняка занята или муж или, хуже того, любимый мужчина.

Наташа насмешливо посмотрела на меня, махнула рукой и прежде чем выйти сказала: *- Нельзя, чтобы пропадала такая причёска. Да и голова под ней не совсем пропащая.*

Я взглянул на часы. Было уже около 7 вечера. Куда звонить? Нет, не готов, да и о чём говорить? На фиг, на фиг...

Я снял трубку, минутку подумал и набрал номер своего приятеля, редактора небольшого частного издательства, с которым за разговорами о литературе и о женщинах мы иногда распивали бутылку-другую сухого красного вина. Ничего другого в будни я не пил.

Шофёр так и не починил машину, поэтому я потащился пешком сквозь пургу по заледенелым улицам. Несмотря на то, что я был достаточно плотно закутан, ветер всё равно находил какие-то щёлки, и я замерз почти сразу, как только вышел. Сделав несколько шагов в сторону редакции, которая находи-

лась через две улицы, и, представив, что я сейчас приду в комнату, где всё заполнено голубоватым сигаретным дымом разных сортов, от дешёвых до самых дорогих, как будто здесь проходила презентация изделий табачной фабрики, и все разом решили покурить, а потом пить из недомытых стаканов с липкими краями неважненький чай, и бесконечный разговор не знаю о чём... Нет, сегодня это не для меня. Я поднял руку и остановил первую попавшуюся машину, как и утром. Угрюмый мужик, сидящий за рулём спросил: «Куда? - и, буркнув, - 100 рублей», - открыл мне дверцу. И я поехал домой, презрев тот факт, что пятница считалась банно-питейным днём.

Я очень хорошо понимаю Обломова, который по утрам всеми способами откладывал момент вставания с постели, предаваясь размышлениям о своём имении, о доходах, о возможном переезде. По случайному совпадению все эти проблемы встали и передо мной, тоже русским человеком, послужившим своему Отечеству. Нас с Обломовым, выдуманном человеком, хотя и списанным с натуры, разделяет лет 150, а проблемы почти не изменились, только называются по-другому. Хотя у меня нет слуги, с которым можно было бы обсудить это всё, покапризничать, наконец, чтобы снова сбросить с себя хотя бы часть забот, а жена - жена ушла и живёт на другом конце города и не слишком охотно разговаривает со мной, когда я ей звоню, чтобы по старой привычке обсудить касающийся обоих вопрос.

Я взял лентяйку и врубил свой любимый диск. Демис Русос совсем не мужским голосом стал прощаться со своей любимой, приглашая и меня погрустить.

Утреннее солнце первого дня весны влезло, наконец-то в моё окно и не пожалело света и тепла, чтобы напомнить: меня

долго не было, но я вернулось, а со мной и надежда на что-то хорошее. Господи, неужели кончилась эта занудная зима, проморозившая всю страну, а главное людей, большинству которых и так-то живётся несладко в хмурых, засыпанных снегом городах и деревнях.

Деньги, чёртово изобретение, дающее право на еду, жильё, передвижение, а иногда и на любовь, и все хваленые права человека, на защите которых тоже делаются неплохие деньги. В конечном счете, всё зависит от того, есть они у тебя или нет. Если нет, то и прав почти никаких. Что-то у меня опять развивается политический невроз, как говорила моя бывшая жена, когда я начинал говорить о политике.

«Задушим недуг в самом начале», - подумал я и встал с постели. Лень и праздность способствуют развитию чувства недовольства собой, окружающими и вообще жизнью. А жизнь... Кто-то сказал: чтобы смоделировать человеческий мозг, понадобится всё вещество земли, да и то, наверное, ещё занимать придётся, хотя бы на луне. И жизнь тоже не поддаётся определению и осмыслению. Хотя нет - в последнее время, по крайней мере для меня, она представляется пышной презентацией с торжественными лицами высоких чиновников, радостными улыбками благородных граждан, поддерживающих от всей души что-то, речью Самого, группой недовольных, протестующих в сторонке с разными хлёсткими лозунгами. Правда, презентация - лишь повод, чтобы показать себя, проявить свои лучшие качества ораторов и народных заступников; наконец, разрезается красная ленточка, и объект готов к приёму всех желающих, а их накопилось немало, поскольку это презентация всего лишь нового общественного туалета.

«Так, - подумал я, заглянув в холодильник и углядев там только сморщенный заветренный кусок копчёной колбасы, съесть которую я не решился. - Вот в чём дело - я есть хочу, поэтому и мысли мрачные и недостойные нового русского

интеллигента с военным прошлым».

Одно, сиротливо лежавшее яйцо, сваренное всмятку и съеденное без хлеба, но с солью, запитое хорошим чаем (это в доме всегда водится) примирило меня с суровой действительностью и подвигло на то, чтобы совершить давно задуманное: пойти в гаражный кооператив, заплатить, наконец-то, за три месяца охране и попробовать завести свою машину и, может быть, куда-нибудь съездить. Например, провести дачу, которую аккуратно грабили раз в год. По-видимому, это были одни и те же люди, которые, несомненно, больше меня нуждались в тех вещах, которые у меня они экспроприировали. Я даже не особенно и расстраивался. Хотя там всегда было, что украсть. Некоторые соседи по дачам даже оставляли на зиму на столе бутылку водки и банку консервов, чтобы труженики отмычки могли нормально выпить и закусить после трудового подвига по восстановлению социальной справедливости. Как ни странно, такое джентльменское поведение иногда приводило к результату: ты ко мне по-человечески, и я к тебе. По крайней мере, забрав вещи, они ничего не били, не ломали, а тихо и пристойно уходили. Разве что, полы забывали подтереть, да посуду помыть.

Надо же, всё-таки не зря эти ребята, жившие в Риме пару тысяч лет назад, определили 1 марта, как начало весны. В этом году, по крайней мере, так и получилось. Солнце, как актёр, перед которым наконец-то открылся занавес из тёмных туч, заблестало вовсю, вызывало одобрительные улыбки публики, выпавшей на улицы, чтобы насладиться этим никогда не надоедающим спектаклем.

Общее благолепное настроение, видимо, передалось и моей синей «семёрке», купленной меньше года назад, поскольку до недавнего времени собственная машина мне была не нужна - одни лишние хлопоты. Но сейчас мой статус изменил-

ся и, ничего не поделаешь, пришлось преодолеть вредную привычку ездить с шофёром на казённой машине. Для работы я нанимаю водителя с его машиной, хотя особенно она мне не требуется. Но по выходным я начал приучать себя садиться за руль.

«Лада», как и полагалось женщине, немного «поломалась» для приличия, но затем почувствовав мои нежные прикосновения, да и, увидев мою новую причёску, завелась, и я впервые, после долгой зимы, выехал на наши «замечательные» дороги, взял курс на свою далёкую деревушку, где находился мой старый дом, купленный давным-давно, и заменивший мне дом отчий, тем более что его у меня никогда не было, только казённые квартиры.

Не одному мне пришла в голову мысль опробовать застоявшуюся машину после зимней спячки в гаражах. По напряжённым скорбным лицам «сезонников» (то есть тех, кто ездит только в дачный сезон) я понял, что моё лицо примерно такое же. Все ехали аккуратно, боясь делать резкие движения. В общем, мы напоминали похоронную процессию, растянувшуюся на километры, правда, к счастью, без главного действующего или, вернее, бездействующего лица.

Белые поля, резкая зелень сосен и ёлок, ветки верб, ив и черёмухи, которая скоро взорвётся белой пахучей дымкой, а главное - солнце, надо всей промёрзшей землёй, солнце, по которому соскучились все.

Через час неторопливой езды я был уже около своей деревеньки с засыпанными снегом крышами, траншеями, вырытыми среди сугробов около жилых домов. А нежилые, вроде моего, стояли сиротливо и бесприютно, с тоской поглядывая тёмными глазаницами окон вокруг. Но вот я подъехал поближе, и глаза стёкол сверкнули мне солнцем и дом, кажется, обрадовался тому, что я приехал. Я с трудом пролез через сугробы, окружавшие его и добрался до закрытой калитки, перелезть

через которую было непросто, поскольку острые зубцы штакетника превратились в реальное препятствие, могущее повредить то, что я не мог повредить ни при каких обстоятельствах.

Соседка, бывшая колхозница, а ныне собственница земельного пая, который сделал её ещё более бедной, с интересом наблюдала за моими попытками форсировать преграду и потом, не выдержав, вышла на крыльцо и после замысловатого приветствия выдала мне широкую фанерную лопату для снега, с помощью которой я и прорыл, как крот, дорожку к крыльцу. В доме было солнечно и холодно. На столе стоял глиняный кувшинчик, подаренный мне лет 20 назад сестрой с незатейливым рисунком по бокам, а в нём прекрасно сохранившиеся и почти не потерявшие свежести незабудки. Привет из прошлого-прошлого лета.

Первым делом я сбегал во двор и нарубил берёзовых дровишек, звонких и хорошо просохших, решив затопить обе печи - и большую русскую, и маленькую буржуйку - отогреть и дом, да и самому согреться и посидеть у печного огня. Разложив по-холостяцки газетку на столе так, чтобы её можно заодно и почитать, я поставил несколько банок с разными консервами, нарезал хлеб и пошёл ставить чайник. Господи, надо же ещё воды принести. Я натянул свою старую зимнюю куртку с воротником из свалявшегося искусственного меха, взял ведро и вышел на крыльцо.

Живой воздух соснового леса и зимнего поля был почти осязаем на ощупь. Небо было таким пронзительно голубым с белыми полосками от пролетевших реактивных самолётов.

Набрав полведра воды, а больше мне и не требовалось, я вернулся в избу и поставил на плиту чайник, сунув в него кипятильник для скорости и занялся обеими печками. Вскоре весёлый огонь стал аппетитно облизывать поленья, как голодная собака большие кости, которые она не может проглотить. Я открыл консервы и, найдя прошлогоднюю промёрзшую лукови-

цу, залежавшуюся случайно на подоконнике - остаток бывшего благополучия и семейной идиллии - с аппетитом, какого у меня давно не было, умял всё это: радость студенческой молодости - кильку в томатном соусе, и символ благополучия 80х годов - стеклянную банку с украинской тушёшкой и какое-то лечо! Какой всё это желудок выдержит - мой выдержал и потребовал чайку. Вода, как назло, долго не закипала, но в конце концов белый парок и звон крышки возвестили мне о наступлении того благословенного мига, когда, ополоснув кипятком заварной чайник и щедро насыпав на дно хороший китайский чай, залив его кипятком, уже через 5 минут получаешь божественный напиток, за который мы всегда будем благодарны нашим пробуждающимся на наши головы братьям на Востоке.

Я сел на старый стул около русской печки, положив ноги так, чтобы их обогревал огонь и начал прихлёбывать свежий чаёк, ощущая в себе покой, тишину и отсутствие каких-либо противоречий с жизнью - то самое состояние, за которым городской житель и едет в деревню, не останавливаясь перед затратами.

- *Николаич*, - раздалось под окном, - *можно к тебе?*

Сосед, соскучившийся за зиму по людям, со скрипом отворил дверь со старинной кованой ручкой и, потопав валенками, чтобы стряхнуть снег, вошёл в комнату.

- *Ну, здравствуй, Николаич*, - проговорил он своим осипшим прокуренным голосом и, поставив на стол миску с огурцами, облепленными смородиновыми листьями и несколькими крупными куриными яйцами.

Дед Андрей, которому давно уже перевалило за 80, был ещё крепок и когда водил меня по грибным местам, я еле поспевал за ним и в суете, конечно, так и не запоминал дороги. В одиночку я ни разу ещё не смог их разыскать, - как ни старался. Как-то в конце лета он завёл меня, как Иван Сусанин поляков, в какое-то болото, за которым открылась чудесная поля-

на, сплошь покрытая крепкими подберёзовиками. Дед не обратил на них никакого внимания. Я, конечно, встал на колени, перед этой благодатью и вмиг нарезал целую корзину грибов, крепких, на сильных ножках с розовыми шляпками.

Дед стоял в стороне, терпеливо дожидаясь, когда я оберну полянку, и затем сказал: *«Вчера, эт-то, в городе, мужик принёс на рынок такие же на продажу. Так, именно к нему подошли санитарный контроль, отобрал грибы-то и вывалил в уборную. Ложные, эт-то, грибы-то оказались. Тоже вот, как эти.»*

Я укоризненно посмотрел на него, молча вывалил корзинку и тут только понял, что в этих грибах было не то - ни одного червивого, да и розовые они какие-то - тоже, видно, нехороший признак не только у женщин, но и у грибов.

Через несколько минут мы пришли в перелесок, который городской грибник ещё не осквернил своим посещением, и за полчаса набрали по полной корзине отборных белых грибов, которые в маринованном виде незаменимы в большие праздники, особенно на Новый год.

- Заходи, дед, заходи, рассказывай, как здоровье, какие новости. Я тут, кстати, тебе хлеб привёз, не забудь потом, в пакете лежит. - Я так разомлел от огня, что мне не хотелось менять позу, и дед понимал моё состояние и поэтому спросил: *- Доставать стопки-то?*

- Конечно, возьми всё в пакете, пока я чай допиваю. А бутылочку я прихватил, ты не сомневайся.

Дед заулыбался, стал доставать стопочки, порезал ещё чёрного хлеба, поставил соль. Он хоть и был в моём доме, но считал, что это я у него в гостях, и с удовольствием хлопотал, предвкушая выпивку. Хотя пил он мало, водка была для него как бы эликсиром воспоминаний, ему хватало стопочки, чтобы включить свою память поделиться со мной некоторыми

событиями своей незаметной на первый взгляд жизни. Разговоры с дедом были хороши тем, что его можно было не слушать, или слушать, что называется, «вполуха». Если он что-то начинал рассказывать, то ли о своей службе в Красной Армии, то или о забавах деревенских удалыцов, обитавших когда-то и начисто вымерших в результате бедствий в этих краях, которые обрушивались на нашу страну с незавидной регулярностью в виде войн, раскулачиваний, да повального пьянства, то слушатель ему был необязателен.

Опрокинув по стопочке и выпив на закуску по 3-4 сырых яйца с ярко оранжевыми желтками цвета последней украинской революции, похрустев отменными огурчиками, мы оба почувствовали, что нуждаемся в разных вещах: дед - в монологе по поводу давно отгремевших событий, а я - в лёгкой дреме под гул огня, плясавшего в печках. Так мы и сделали - дед заговорил, а я задремал.

Дед Андрей говорил тихо, сдабривал свою речь солью и перцем русского мата, без которого у нас не обходится ни министр, ни дворник - так уж повелось. Но если у министра мат был чем-то вроде бриллиантовых запонок - придавал шарм владельцу, то у деда мат был таким же естественным, как дым от горящего костра - один без другого, как известно, не бывает.

Сквозь дрему до меня доходили обрывки его воспоминаний, как его, чтобы напугать людей из соседнего Покрова носили в гробу; как он выпивал бутылку водки утром, прежде чем взяться за свой молоток в кузнице; как за ним гналась медведица, когда он случайно набрёл в лесу на её медвежонка; как плохо нынче хранится в погребе картошка и хорошо - морковь. Единственное, о чём дед не сказал ни слова, это о болезнях, о которых так любят поговорить старые люди. Этим-то он мне и нравился больше всего. Не знаю, почему, видимо, это особенность моего лица, либо характера, что окружающие меня люди очень любили делиться со мной сокровенным, то есть расска-

зять, что у них болит сегодня, что болело вчера и чем они всё это печат и какие у нас бестолковые врачи. Я всегда безропотно слушаю в этих случаях, понимая, что сочувствие сродни лекарству. Но почему-то, когда у меня что-то болит и я ищу подходящего собеседника, который с интересом меня выслушал бы, то чаще всего не нахожу такого, а если и нахожу, то на лице его сразу читаю: *«Здоровый мужик, а туда же»*.

Дед заканчивал свою очередную новеллу о нашей мелкой речушке, которая в самом глубоком месте была не более двух метров, где, правда, была очень чистая вода. С его слов выходило, что раньше это была полноводная река, только что корабли по ней не ходили, а уж рыбы - об этом и говорить-то больно. В действительности, кроме хилых пятисантиметровых окуньков, я там за все годы так ничего и не выловил, хотя и пытался. И заводил себе дорогие удочки с японскими крючками и дорогой наживкой - хотя во время ловли я и сам был хорошей наживкой для комаров, и они на меня охотно клевали, попадая под горячую руку, и оставляя на моей коже мелкие кровавые пятна.

...Внезапно я увидел настоящего комара, который на моих глазах стал надуваться, как будто его кто-то подкачивал, как воздушный шарик, и в конце концов стал величиной с большую ворону. Он приближался ко мне, но звук, который он издавал при полёте из тонкого и пищущего, превратился в тот вой, который издаёт сирена во время учебной воздушной тревоги. Комар, увеличившийся в размерах в тысячи раз, выглядел устрашающе, как идеально сконструированный биологический механизм, предназначенный для убийства. Его хобот, крохотный и жалкий, превратился в острую трубу, как таран у триеры, способный при столкновении расшибить кого угодно. Комариное чудовище подлетало всё ближе и ближе, я уже мог разглядеть линзы его наблюдательных приборов, которые бликовали на солнце и в них не было ничего, кроме одного желания -

пронзить меня этим жалом. Я попытался бежать, но ноги стали ватными и еле передвигались, и я понял, что мне не спастись, и почувствовал жгучий удар в лоб и... проснулся.

Вот это да, я оказывается уже не задремал, а заснул, и красный уголёк, отлетевший из пылающей печки, попал мне прямо между глаз, оставив красную отметину... А дед в это время заканчивал какую-то философскую мысль словами: *«Вот Бог и сделал этих комаров маленькими, иначе эти кровопийцы, эт-то, всю кровь из нас выпили.»*

- Ладно, дед, хватит, страшилки рассказывать, а то мне уже приснились твои огромные комары.

Дед замолчал на секунду, а потом и домой засобирался, а я его не удерживал. Да он бы и не остался - хлеб я привёз, недопитую бутылку сунул ему в пакет вместе с тарелкой из-под огурцов и мы договорились, что он приглянет за домом и в случае чего, известит меня.

Огонь в печке догорал, в доме стало значительно теплее. Я убрал со стола и внезапно подумал: - *А что я здесь буду делать летом один? Дети уедут куда-нибудь на каникулы, бывшая жена... У неё теперь своя жизнь...*

Я подошёл к полке, которую когда-то сам сделал, и где хранились старые книги, которые я, как вымирающий представитель книжной цивилизации, никогда бы не смог выкинуть. Любая книга содержит в себе бесценные знания или эмоциональные переживания, либо фантазии автора - и бросить всё это в печь или на помойку - преступно, ведь это делали когда-то только фашисты, а наши - никогда.

Когда-то в детстве приятель привёл меня на своё заветное место - огромную свалку макулатуры, где целый ангар был отдан книгам. Чего там только ни было: в основном, как я понял, научная литература. Я смотрел на эту огромную гору мусора, в которую превратился человеческий труд и его мысли, и мне стало страшно. Такие красивые, некоторые ни разу непрочи-

танные книги, над которыми трудились сотни людей, никому не нужны, никто их не поднимет с мокрой земли, не откроет и не прочитает, удивляясь уму автора и изяществу его слога. Правда, я, полазав по этой горке, не нашёл ни одной книги, которую мне захотелось бы забрать с собой, кроме двух: «Вопросы языкознания» Сталина и стихотворный сборник Мао Цзэ Дуна. Я потом иногда просматривал обе эти книги. Сталин, уже несколько раз развенчанный, тем не менее, продолжал быть интересен людям, а Мао - его всё равно у нас никто не понимал, да и не знал по-настоящему.

Я взял с полки обе эти книги и полистал их, не вчитываясь в то, что там написано. Мы чаще всего так и в жизни поступаем: увидим чего-то - пробежим глазами наспех, да и ладно, отметились, хотя мало что поняли.

Теперь я сам себе напоминаю одну из этих книг: заброшен на полку, а прочтёт ли кто? Вряд ли.

Вряд ли, вряд ли... А всё-таки прав дед, хорошо, что комары-кровососы такие маленькие, а то бы людям не сдобровать. Но есть и ещё одно - не преувеличивать свои беды да личные неприятности до уровня огромных непобедимых монстров, какими они иногда кажутся, если смотреть на этот мир слишком серьёзно. Проснись и увидишь - это всего лишь маленький комарик укусил тебя. Прихлопни его - вот и всё.

Когда я вошёл в офис, то сразу обратил внимание на стерильную чистоту помещения. Полы были протёрты, многочисленные комнатные цветы, которые иногда начинали желтеть от бескормицы, были политы и даже spraysнуты сверху, отчего на некоторых листьях блестели капли воды, как роса в солнечное летнее утро. Наташа сидела за своим столом с каким-то слишком загадочным видом: значит, либо опять повысили арендную плату, либо... ну, не знаю. Я решил не гадать, тем

более женщина, если ей есть что рассказать, молчать не будет. Наталья выдержала паузу, давая мне время оценить её усердие, что я и сделал, воскликнув: -*О!* - а дальше этого не пошёл, добавив только, - *нет слов!*

Наташа заулыбалась, встала из-за стола, представ передо мной во всём великолепии своей молодости, когда цвет лица - с лёгким настоящим румянцем, глаза светятся сами по себе, без спецкапель, а ноги, не поросшие целлюлитом, даже сквозь джинсы выглядят двумя стройными белыми берёзками (это, конечно, если включить воображение).

- *Зотов, я замуж выхожу. Курсант в воскресенье сделал мне предложение.*

Я немного растерялся, хотя пробормотал: - *Поздравляю!* - Когда рядом с тобой работает молоденькая женщина, даже если ты к ней ничего не испытываешь, то всё равно лёгкое чувство ревности незримо присутствует в ваших отношениях и придаёт им некоторый пряный вид. - *Ну, что ж, это когда-нибудь должно было случиться. Я-то думал, ещё не скоро. Ты же вроде говорила, после окончания училища вы собирались пожениться.*

- *Это если бы он уезжал, но его оставляют здесь и мы решили не тянуть.*

- *А жить где?* - вопрос, который может испортить самое радужное настроение.

- *Снимем квартиру, его отец согласился оплачивать жильё.*

- *Здорово-здорово, - уныло проговорил я, подумав: «Придётся искать новую сотрудницу, привыкать к ней, учить работать с клиентами». Сколько хлопот, да и попривык я к ней, и она, кажется, искренне привязалась ко мне, я это видел. - Одного меня оставляешь? Что я теперь должен делать, кроме того, что демонстрировать безграничную радость по поводу твоего грядущего семейного счастья?*

- Ну, пока-то я здесь, а потом подберёте себе что-нибудь подходящее.

- Ты что, всерьёз хочешь бросить работу?

- Да что ты, Зотов, в самом деле. Я замуж выхожу, а ты всё о своём да нашем.

- Ты знаешь, мне нужно ... Пойду-ка я к себе. Кстати, звонил кто?

- Да, сегодня придёт некий Селютин, баллотироваться собрался, хочет что-то заказать.

- Ну, это уже хорошая новость, а то время коммунальных платежей для нас с тобой, как конец света - денег-то на счёте чуть-чуть.

Я только ещё открывал дверь в свой кабинет, а телефон уже вовсю возмущался тем, что я не снимаю трубку.

- Да, я слушаю, Зотов.

- Это Селютин, я звонил. Вы, кстати, меня не помните?

- К сожалению, нет. Напомните, пожалуйста. Жизнь была длинная, а фамилия слабозапоминающаяся.

- Да учились мы вместе, в техникуме, откуда тебя выгнали за непосещение.

- Вот память! Какое непосещение, если я поступил в институт к тому времени и там учился.

- Хорошо-хорошо, - засмеялся он. - Ты сейчас свободен?

- Заходи, время есть.

Я положил трубку и задумался. Селютин, Селютин... Фамилия совершенно стёрлась из памяти. Ладно, Зотов, не мучайся сейчас он придёт, и вспомню.

Через полчаса я услышал характерный хлопок дверью автомобиля, но не мягкий и едва слышный, к каким все привыкли в последние годы, а нормальный, резкий скрежет металла о металл, по которому можно было безошибочно определить - это «Волга». Я выглянул из окна - точно, к бордюру причалила порядочно раздолбанная мечта каждого советского человека -

«Волга», того жёлто-зелёного цвета, который всегда вызывал у меня острое понимание несовершенства этого мира. Всё переднее стекло перечеркивала трещина такой замысловатой формы, которую специально трудно придумать. Ко всему прочему, хозяин, по-видимому, остро чувствовал наступающую экологическую катастрофу, связанную с нехваткой чистой воды и мыл машину в последний раз очень давно. Из машины вышел человек моего возраста, одетый так, как раньше одевались председатели колхозов-миллионеров: богато, в общем, но по принципу случайности - здесь удалось купить шапку, пальто, а потом - ботинки.

Я вернулся к рабочему столу и попытался изобразить крайнюю занятость, но у меня, кажется, ничего не вышло, поскольку дежурная извилина, ответственная за память, лихорадочно прокручивала запись: «Селютин», и не находила её. Ладно, будем полагаться на экспромт. Дверь отворилась, и я сразу узнал этого человека, хотя прошло.... Впрочем, что считать, много, конечно.

Я встал из-за стола, не вполне понимая, как себя вести: то ли изображать искреннюю радость по поводу встречи, то ли сдержанный оптимизм по поводу наших предстоящих деловых переговоров.

- Привет, Зотов, - громко сказал Селютин. - Я по делу, воспоминаниями не буду тебя утомлять. Ты, наверное, тоже перешёл в категорию людей, повторяющих: «Время - деньги»?

- Да нет, я говорю иначе: «Моё время - мои деньги!»

- Ну, это близко.

- Итак, что у тебя ко мне спустя четверть века?

- Я вступил в избирательную компанию.

- А обойти не мог, надо смотреть под ноги, особенно когда идёшь рядом с политикой, а то вступишь, и вляпаешься.

- Тем не менее, мне нужны хорошие тексты агитацион-

ных материалов. Ты, я слышал, мастак на такие дела.

- Мастак - не мастак, дело вкуса, но бывает, выполняю такие заказы.

- Так как, возьмёшься?

- Для этого ты мне должен кое-что рассказать о себе, о своих планах, целях твоей попытки прорваться в среду «особоуважаемых».

- Цена меня особо не интересует, да и расценки мне сказали.

- Ладно, о деньгах чуть позже, а сейчас ответь на вопросы, что я поставил.

- Я не усёк, ты берёшься?

- Почему бы нет, Мишка, конечно, если ты не криминальный авторитет.

- Прости, Господи, что ты говоришь. У меня самый мирный бизнес - мука, хлеб...

- Если не секрет, чего вдруг, ведь ты же чистый технарь.

- Так склалось, как говорит мой сын. Но ты помнишь самое высокое здание в нашем городе - элеватор, наш небоскрёб, как мы его звали в детстве.

- Только не говори, что ты осуществил мечту детства и купил элеватор, всё равно не поверю.

- Да нет-нет, конечно. Но раз уж вошли в этот бизнес, то что теперь говорить. Не всем же заниматься изящной словесностью.

- Не язви. Мне же надо на что-то купить кусок хлеба, изготовленный из твоей муки, кстати, не такой уж и дешёвой.

Мишка в первый раз за нашу встречу улыбнулся, показав ряд золотых зубов - признак достатка человека советской эпохи, но слишком странный в эпоху новых зуботехнических технологий.

- Ладно, давай, излагай, - сказал я, приготовившись слу-

шать. Но Мишка, настоящий прагматик, вытащил из небольшой итальянской барсетки несколько сложенных вчетверо листов с текстами и протянул их мне.

- *Здесь всё есть, остальное дофантазируй.* - Он вытащил из бокового кармана бумажника приготовленные заранее деньги и протянул их мне, - *это аванс.*

- *Хорошо,* - сказал я. - *Завтра к 12.00 можешь забрать материал. Если не понравится, сделаю ещё вариант. А вообще-то, я обычно готовлю несколько вариантов.*

- *Отлично,* - Мишка встал. - *Ну, до завтра.*

- *До завтра,* - уже несколько рассеянно проговорил я, вгоняя себя в творческий процесс, как отец загулявшего на улице сынишку.

Страшная встреча. В этом четырёхугольном мужчине с цыганскими зубами и цепкими глазами, выглядывавшими из-под двух кустиков бровей, с трудом угадывался прежний Мишка худенький, вечно голодный мальчик, росший без отца. Я однажды был у него дома - менялся книжками - и до сих пор помню ощущение опрятной бедности и множество комнатных цветов фикусов, разросшихся до размеров средней пальмы с широченными листьями, цветущие герани и ещё с десятков неведомых мне растений, старую мебель, покрытую салфетками с вышивками.

Мишка много читал и частенько брал у меня книжки. Стоило мне только что-нибудь рассказать ребятам, он тут же просил дать почитать. Но надо сказать, он никогда не зажиливал книги, что было тогда делом обычным и называлось «зачитывать». Впрочем, я не осуждаю других в этом деле - сам грешен, поскольку расстаться с книгой, которая понравилась, было выше моих сил, так же больно, как с любимой девушкой в далёкой юности. Думаешь-до завтра, а получается - навсегда.

С Мишкой нас в то время связывали и чисто деловые от-

ношения - он прекрасно чертил, а мне Бог не дал, особенно когда дело касалось пространственного мышления. В общем, я писал за него сочинения, доклады и рефераты, а он делал за меня отличные чертежи, за которые меня даже хвалили, а что я чувствовал при этом, умолчу. Впрочем, и Мишку всегда хвалили за глубокое осмысление материала в сочинениях и докладах, хотя с устной речью у него были проблемы. Да, видно, Мишка тоже вспомнил наш замечательный симбиоз.

Ладно, тряхнём стариной. Я взглянул в окно. Любопытная синица, поминутно вертела маленькой головкой, склёвывая крошки печенья, которые я регулярно высыпал на подоконнике, поскольку как всякий нормальный человек, нуждался в том, чтобы делать добрые дела, которые не стоили мне ничего.

Эх, сейчас бы снегиря увидеть. Эти красногрудые создания, похожие на летающие яблоки, раскрашивая наши унылые зимы яркими пятнышками, всегда вызывали у меня какое-то радостное чувство. Но снегирей я не видел уже давно, может, перевелись они в наших краях, а вот синиц развелось видимо-невидимо. Да и то хорошо.

- Ну что ж, будем осмысливать представленный материал, - сказал я себе, расправляя бумаги, оставленные мне клиентом, вспомнившим обо мне спустя четверть века.

Так, что-то ещё мне не хватало для полноценного творческого процесса? Я налил себе глоток коньяка, вытащил из холодильника жёлтый мелкий лимон, похожий на синицу, которую я только что рассматривал. Поставил всё это перед собой, как реальный стимул.

Через несколько часов работы я написал два варианта «жития» будущего депутата, пригодный для того, чтобы угостить ими простодушных избирателей, вариант предвыборной листовки, а также стихотворный лозунг, под который пристойно выступить на любых выборах, хоть Президента США. И никаких мук творчества при описании жизни «мучного короля» я

не испытал. Только некоторые угрызения совести, с которой я, впрочем, быстро договорился, и выпил свой застоявшийся Хеннесси, закусив лимончиком, который предварительно порезал на тонкие колёсики.

- *Наталья*, - крикнул я в дверь, - *шофёр появился?*

- *Да, здесь, спит в машине.*

- *Что ж, как говаривал Чапай*, «конь сыт, ну, и пускай спит».

Я натянул пальтишку, слегка причесался, восстановил отчасти то, что было разрушено во время работы, и вышел на улицу. Весна уже напевала свои легкомысленные песенки, пока ещё негромко, чуть-чуть, почти про себя, но люди с хорошим слухом уже слышали эти звуки и даже различали некоторые слова.

У меня тоже слух был неплохой, тем более, что я несколько лет в далёкой юности играл в оркестре и даже сам пытался сочинять песни: и музыку, и слова, да сам же их и исполнял на студенческих вечеринках, что позволяло мне при скромных внешних данных производить впечатление на самых красивых девчонок. О боги, где всё это? На что ушла жизнь? Исписаны километры бумаг, сформулированы сотни умных предложений, но жизнь от этого лучше не стала, хуже, впрочем, тоже. Ну, не будем заниматься самоедством!

Шофёр, когда я прошёл мимо машины, даже не пошевелился, скорее всего, и не видел меня. Вот это падение нравов, отсутствие такого качества, как начальстволюбие! Куда всё делось? Так, всё! Надо зайти к приятелю в издательство - и польза для здоровья, и моцион, и дело сделаю.

У редактора, как всегда дым стоял не коромыслом, а скорее большим арочным мостом со многими пролётами. Редактор развлекался тем, что пытал юное дарование с помощью

самых изощрённых методов: цитат великих, которых и сами-то великие, будь они живы, даже и не вспомнили бы. Тем более, что у них также менялось настроение и они могли об одном и том же говорить противоположные вещи, что очень удобно их потомкам. Девушка, решившая выразить свои острые сексуальные переживания с помощью рифмы и, таким образом, почувствовать себя хоть немного лучше, отчаянно спорила с редактором, доказывая небесное происхождение своих произведений.

- *Да будет вам*, - сказал я, входя в кабинет и пытаюсь разглядеть обоих. У девушки было очень кроткое выражение лица, что никак не вязалось с резкими словами, которые она сыпала на редактора из своего маленького рта, как копейки из копилки. Правда и цена этим словам была, что называется, по номиналу. - *О чём вы?* - спросил я, снимая пальто и вешая его на согнутый гвоздь, на котором уже висела лёгкая курточка поэтессы, - *о любви к литературе или о литературе о любви?*

- *Да обо всём сразу, а вообще-то я выдохся.*

- *Да и задохся, наверное: у тебя здесь, как внутри облака.*

Бронислов - так высокопарно звучало имя моего друга, которого близкие ему люди ласково именовали Броник, а недоброжелатели - Броня и с ударением на последний слог. Он снял закипевший чайник и заварил чай (кофе он не признавал, поскольку панически боялся гипертонии).

Девушка-литератор, слегка успокоившись, взяла свой стакан, стала пить мелкими глотками, одновременно склёвывая, как птичка, крохотные шоколадные конфеты, щедро насыпанные в хорошо промытую большую банку, где раньше, судя по этикетке, лежала селёдка в винном соусе.

- *Экономный ты мужик, Броша*, - сказал я, показывая на баночку. - *Устранить селёдочный запах практически невозможно.*

- *Да знаешь же, в этой конторе что ни поставишь на*

стол, всё равно превратится в пепельницу, та же участь и у этой баночки.

- Так что, вы всё-таки решили - будете печатать? - раздражённо спросила девушка, когда приняла свою норму шоколада.

- Всё оставьте, я что-нибудь выберу. Но поредактирую, поскольку у вас некоторые стихи похожи на зарифмованный скандал, который вы устроили своему возлюбленному, когда он уходил от вас к другой. О любви надо писать нежно, без угроз физической расправой.

Девушка взяла рукопись и стала нервно засовывать её в сумочку, заметив при этом: - Вам уже это недоступно, вы уже старые, у вас только воспоминания о любви, да и то в виде бреда.

- Вы уж больно суровы к нам, - ответил Бронислав, ничуть не обидевшись. Когда критикуешь поэта, надо быть готовым ко всему, даже рукоприкладству, он это хорошо знал.

- Ничего себе! Броша, неужели мы тоже старые?

- С её точки зрения, - он показал пальцем на девушку, - глубокие старцы, которые ведут себя неприлично, подглядывая за купающейся Сусанной. Впрочем, вы, девушка, наверняка, не знаете, кто такая Сусанна.

- Нет.

- Это персонаж из Библии.

- Я читала, только забыла. Там можно найти всё и обо всём.

- Но всё-таки можно вас спросить, вы действительно считаете, что любовь возможна только в вашем возрасте?

- Ну, не знаю. В молодости - всё искренне, а у вас - вы уже столько всего повидали, в том числе и женщин, как я думаю, что смотрите на них только с одной точки зрения - можно её затащить в койку или нет.

«А ведь она права», - подумал я про себя, именно так я все

последние годы и думал о женщинах и что-то не помню, когда у меня последний раз дрогнуло сердце при виде возлюбленной. Неужели, действительно, всё в прошлом, и мне осталась только любовь к возможным внукам и семье, которой у меня больше нет, к земле, на которой живу?

- Унылая картина, - сказал я вслух свою любимую фразу. - Но наш спор не имеет смысла, нам просто не понять друг друга - здесь не только конфликт полов, но также конфликт поколений.

Броня, опытный соблазнитель, слегка улыбаясь своими тонкими губами, долго смотрел в глаза девушки, затем мягко сказал: - Не прячьте свои листы, давайте их сюда. Зайдите завтра и мы договорим. А два-три стихотворения я напечатаю. Пусть эта сволочь, которая вас не любит, обольётся слезами раскаянья, когда вы ему пришлёте по почте журнал.

Девушка улыбнулась, оценив юмор, и что-то очень доброе и по-женски беззащитное промелькнуло в её лице: - Спасибо. Вы не обижайтесь.

- Да сами такими были. Мне в 20 те, кому за 30 казались стариками, потерявшими право любить. Да и то, когда человек целый день на работе, что остаётся для любви? Почти ничего. Но почти...

Девушка ушла, оставив нам свою улыбку в двух экземплярах - Броне и мне. Нам было грустно, но мужчины мы были опытные и знающие, как избавиться от этого состояния - достать бутылку коньяка и выпить за встречу и за выгодные заказы, и за женщин - третий тост. А любовь - она сама выбирает, где и с кем ей быть. Меня-то уж она точно последнее время обходила стороной.

- Ты что-то захандрил, - сказал Броня, когда мы начали прощаться. Даже хорошенькая девушка не вдохновила тебя хотя бы на пару комплиментов.

- Есть немного. Понимаешь, до разрыва с женой думал,

вот стану свободным, никто не будет меня контролировать, заживу в своё удовольствие. Новая жизнь, новая любовь, новые люди вокруг. А что получилось? Одиночество, дома - пусто и непривычно тихо. Женщины, я, ты знаешь, никогда не был сексуальным террористом, да и староват - ты сейчас слышал о нас с тобой святую правду устами хоть и не младенца, но человека из другой временной формации: у них - своё, у нас - своё, и между нами могут быть только... товарно-денежные отношения, ты понимаешь, что я имею в виду.

- И всё-таки женщины - это моя радость, - сказал на это Броник. - Хотя как подумаешь, какие люди, да что люди - империи проваливались и пропадали в этих восхитительных складках нежной кожи, хочется убежать без оглядки, но природа всё равно приструнит тебя и поставит на место.

- Ну, пока, не печалься, с такой причёской, как у тебя, ты ещё на многое способен. Кстати, где тебя сделали таким красавцем?

- Салон «Мальвина», там у меня теперь есть знакомая, кстати, заказ мне сделала на рекламу.

- А как зовут?

- Анджела...

Бронин как-то странно посмотрел на меня и спросил: - А давно вы знакомы?

- Дня три...

- Тесен мир, тесен... Ну да ладно, до встречи!

- Ты её знаешь, может поделишься своей информацией?

- Не сегодня, потом как-нибудь. Но помни - эта женщина ничего не делает просто так. Она слишком хороша собой, чтобы общаться с кем ни попадя.

«Что он хотел сказать?» - подумал я, попав из дымного, но светлого кабинета в совершенно тёмный длинный коридор, ведущий на улицу, где чуть не уронил своё 80-тикилограммо-

вое тело, но не уронил и только выругался: *«Чтоб ты пропал, темно как у негра на сердце после чашки чёрного кофе»*. Надо подарить Бронике лампочку или две, - окончательно раздобрился я и повеселел. Даже мысль о том, что ты что-то можешь исправить в этом мире, способна делать чудеса.

Вечер наступал постепенно, стало темнеть, как будто в стакан с прозрачной водой накапали чернилами и вода становилась сначала синей, а затем всё темнее и темнее. Я решил пройтись до дому пешком, тем более, что там меня, если кто и ждёт, то только пустой холодильник да телевизор с набором глупостей, от которых я успел устать и почти не включал его. Если в моей прошлой жизни ТВ делало всё, чтобы не портить нервы обычным людям, то сейчас всё наоборот. Кажется, что из нас решили сделать каких-то вечно несчастных людей.

«Надо зайти в магазин купить что-нибудь пожрать, а то совсем загнусь, - подумал я, - только что-то такое, с чем не надо возиться».

В гастрономе было тихо и спокойно, как в деревне, домохозяйки и работающие женщины уже всё купили и кормили ужином своих мужей, друзей, любовников, родителей, ну и всех прочих, кто оказался рядом в этот час. В зале бродили только брошенные мужья, вроде меня, да совсем молодые ребята, по-видимому студенты, зашедшие перехватить пива. Я встал около витрин, тупо глядя на колбасное изобилие и не знал, чего мне взять. Я никогда не думал, что наличие выбора такая обременительная вещь, способная свести тебя с ума, когда хочется, чтобы кто-нибудь твёрдым голосом приказал: *-Купи эту колбасу и не майся*.

-Да, а если она паршивая?

-Ну и что - завтра попробуешь другую.

Но никто не сказал, а продавщица, молоденькая девушка, подуставшая за день, смотрела куда-то мимо меня, ожидая,

когда же закончится этот тягучий рабочий день. Я стоял, видимо, уже слишком долго и мной явно заинтересовался охранник, хотя я никаких признаков агрессии не проявлял.

- *Какие-то трудности?* - спросил он, подходя ко мне.

- *Слушай, друг, какую колбасу мне взять на ужин? Подскажи.*

Охранник, почувствовав родственную душу, с долей сердечности, посоветовал: - *Никакую. Одно барахло.*

- *Так как быть?*

- *А вот окорок натуральный. Возьмите пару кусочков, залейте яйцами вот и ужин, и займёт минут пять, не больше.*

- *И то правда. Почему я забыл об этом чудесном блюде, которое так любил незабвенный Шерлок Холмс.*

Я так и поступил. По крайней мере, с голоду сегодня не помру. Да и странно было бы сидеть голодным в городе, который ломится от изобилия продуктов так же, как раньше изнывал от их недостатка.

- *Не узнал меня, товарищ полковник,* - услышал я за спиной голос специалиста по колбасе.

- *Да нет,* - обернулся я, - *у меня сегодня день неожиданных встреч, сейчас угадаю.* - Лицо у охранника, судя по всему моего ровесника, напоминало свежепробороненную контрольно-следовую полосу на границе - всё в мелких полосках морщин. *Николай, это, кажется, ты.*

- *Узнал-таки...*

- *Да, узнал.. Эх, тебя куда занесло. Ты же, кажется, диссертацию защитил, преподавал в институте, где мы с тобой учились.*

- *Было дело, да жизнь зигзагами пошла, всё разлетелось вдребезги - ни жены, ни детей. Тоже вот вечером буду себе ужин готовить, как и вы. Но что с вами, вы вроде были таким благополучным человеком, ребята рассказывали.*

- *Всё было, но надеюсь это не конец. Да и тебе нечего*

отчаиваться, тем более что парень ты был весёлый и свежий анекдот у тебя всегда был наготове. - Мне не очень хотелось дальше тянуть этот разговор, но всё-таки больше из приличия я спросил: - Что у тебя произошло-то?

- Да обычная история. Любил женщину, потом поженился, начал пить.... А потом - всё к чертям. Да послушай, Зотов, через 10 минут мы закрываемся, пойдём в подсобку, девочки чем-нибудь покормят, выпьем понемногу за встречу.

- Да нет, Николай, спасибо, - сказал я после некоторого раздумья. - Не в настроении, да и отвык я бывать в чужих компаниях, тем более состоящих из молодёжных продавщиц.

- Вот она, кастовость общества, узнаю...

- Ну, в том, что здесь только неприкасаемые, сомневаюсь. В этом магазине что ни отдел, то красotka на выданные. Ну, да ладно, если это удобно и на 10 минут, пойдём, а то действительно будешь думать обо мне не знаю что.

Зачем я с согласился, что я там забыл в этой подсобке, где наверняка пахнет несвежим мясом и супами быстрого приготовления. Ну ладно, только зайду, чуть поговорю с доцентом-пулемётчиком и домой, на диван, под телик, после душа, конечно.

Подсобка оказалась на удивление милой комнаткой и запахи, вопреки моим предчувствиям, вполне приличные - свежего чая и бутербродов с копчёностями. Увидев эту благодать, я, поужинавший сигаретным дымом у Броника, чуть не захлебнулся слюной. У стола стояли три девушки и с аппетитом уминали крохотные бутерброды, весело переговариваясь друг с другом, а о чём, понять было трудно, поскольку этот разговор был продолжением вчерашнего и позавчерашнего.

Мы с Николаем взяли по бутерброду и по чашке чая, сели на диван и я с ужасом подумал, что сейчас мне придётся выслушивать очередную историю о разбитой по вине жены судьбе, но Николай, оставаясь всё-таки больше интеллигентом,

чем охранником, и, видимо, почувствовав неловкость, стал расспрашивать меня о моей работе. Я коротко рассказал ему о том, чем я занимаюсь. Когда я проглотил бутерброд, запив чаем, то почувствовал себя намного добрее и спросил Николая: - *Это у тебя временно или как?*

- Или как, только не знаю, когда и где. Да ладно, закроем тему. Я оптимист...

Я, обрадованный тем, что вечер воспоминаний завершился, засобиравшись домой. Продавщицы тоже, и через несколько минут небольшой весёлой группой вышли из магазина. Мы быстро распрощались, и я пошёл в сторону дома, до которого оставалось минут 15 ходьбы. Одна из продавщиц, та самая, что отвешивала мне мой потенциальный ужин, жила где-то неподалёку, и нам оказалось с ней по пути.

Некоторое время шли молча, надо было, наверное, как-то развлекать её разговорами, чем-нибудь рассмешить, но я в последнее время стал терять форму. Девушка первой не выдержала тягостного молчания, и чтобы как-то его нарушить, сказала: - *Меня зовут Ольга, а вас?*

Более банальной сцены трудно себе представить, но что делать, надо отвечать: - *Олег, хотя для вас, наверное, моё имя звучит длиннее - ещё и Николаевич.*

- *Так вы занимаетесь рекламой?*

- *Ну, главным образом, да, но занимаюсь иногда и с выборами, иногда пишу сценарии для телевидения - если закажут, конечно.*

- *А для души?*

- *Ольга, о своём творчестве я могу говорить часами. и это опасно для слушателя, особенно хорошо воспитанного.*

- *А мне нравится Ахматова.*

- *Вы это серьёзно? Человеку вашей профессии это может только повредить - стихи учат любить не просто человечество, а конкретных людей, а у вас здесь к концу дня*

отдельных людей и всё человечество можно только ненавидеть. По крайней мере, это моё впечатление от созерцания вас в колбасно-ветчинном интерьере полчаса назад.

Ольга засмеялась каким-то очень тихим смехом, почти неслышным: - Это временно. Через три месяца я получу диплом о высшем образовании, и всё, прощай, торговля.

- А какой у вас факультет?

- Экономика.

- Ну, не пропадёте.

- Я пришла, - сказала Ольга. - До свиданья.

- Счастливо, - я немного помедлил, и с моих губ как-то против моей воли слетело, - а, может, по чашке кофе? Кафе рядом, а домой что-то расхотелось. Хотя, наверное... у вас или муж, или претендент на руку и сердце... Вы в самой цветущей поре...

- Да, я уже была замужем, целых два года.

Я немного растерялся. Ситуация действительно была до крайности банальной, но и отступать мне уже было некуда - слово не воробей, как говаривал мой друг-журналист молодёжной газеты, когда его увольняли - не вырубишь топором.

- Ну, так как?

- Давайте, на ненадолго, а то мне ещё надо с дипломом заниматься. Каждый день по паре часов за компьютером. Устаю очень, - как-то просто сказала она.

- Болею очень, температура, - пропел я, наверное, нехстати, слова из песни-жалобы, которую каждый день по сто раз гоняли по всем радиостанциям, чтобы она с гарантией впечаталась в какую-нибудь клетку памяти.

Небольшое кафе на несколько столиков, куда мы зашли, было почти пустое. Тихо звучала какая-то очень спокойная мелодия, а лёгкий полумрак создавал ту самую атмосферу расслабленности и уюта, за которой, собственно, я и захожу иногда в эти заведения. Мы сели за столик в уголке и вскоре нам

принесли ароматный кофе и по глотку коньяка в огромных фужерах из тонкого чешского стекла.

- За встречу! - сказал я, поднимая фужер. - Мир мне не окончательно опротивел только потому, что дарит иногда такие презенты, как встречи с людьми.

- Вы всегда так высокопарно выражаетесь?

- Да нет, конечно, только со знатоками творчества Ахматовой.

- Понятно, - улыбнулась Ольга. - А вы давно в рекламном бизнесе?

- Нет, я ведь бывший военный, ушёл в запас - надо было чем-то заняться.

- Получается?

- Да не знаю. Заказы есть, но интереснее всего, конечно, заниматься избирательной компанией. «Хотя и есть упоение в бою», как сказал классик, но часто наступает похмелье. Вся наша демократия свелась к тому, у кого больше денег, тот и обеспечит себе победу. Впрочем, зачем вам всё это.

- Да нет, мне интересно. Не так уж много вокруг людей, с которыми можно поговорить. У ровесников разговоры только о деньгах, как заработать, у кого какая иномарка. Надоело!

- А кто был ваш муж?

- Торгует музыкальными центрами да держит несколько киосков по продаже дисков.

- И что же не задалось?

- Всё и почти сразу. Сначала вцепились друг в друга, подумали, что это и есть любовь, а когда пожили - поняли, что раздражаем друг друга с каждым днём всё больше и больше - ну, и развалилось всё.

- Не жалеете? Жили, наверное, неплохо, а сейчас приходится зарабатывать на жизнь.

Ольга чуть помолчала и грустно сказала: - Неплохо, да что толку. Мужа не видела неделями - у него свой образ жизни, который он не мог изменить, даже если бы и хотел. Днём разъезды, деловые встречи, вечером - какие-то тусовки, боулинг, клуб, казино. В конце концов, он начал проигрывать больше, чем зарабатывать.

- А, так вот в чём корень зла?

- Не знаю, когда есть деньги, это хорошо, это свобода выбора и всё такое, но всё-таки не главное. Любовь куда-то делась, а куда... Тем более, что у него периодически были бани с девицами да партнёрами, где они оттягивались. «А мне Онегин пышность это», - процитировала она - так всё и закончилось.

- Да, довольно тривиальная love story.

- Скоро всё изменится, новую работу мне уже подыскали и всё, новая жизнь.

- Думается, она будет лучше старой?

- Она будет другой, просто другой.

Я первый раз за вечер, наверное, внимательно посмотрел в глаза Ольги. Она смотрела куда-то мимо меня и какие картины рисовало ей воображение, я не знаю, да и вряд ли когда узнаю. Пора было уходить. Я расплатился, и мы вышли в холодный весенний вечер, второй раз за этот день.

- Давайте-ка я провожу вас до подъезда, уже поздно.

Она быстро взглянула на меня, ничего не ответив, и как-то вся напряглась. Мы не торопясь перешли улицу, и около подъезда распрощались. Наверное, мы оба были немного разочарованы, поскольку весна, даже ранняя всегда немного разогревает нашу кровь и будит воображение, но и уподобляться мартовскому коту мне не хотелось, да и как бы она отреагировала, я не знал. Хотя, по обыкновению, я поцеловал её в щёчку на прощание и это был мой самый бесхитростный поцелуй за последнее время.

- Увидимся, - сказала она почти неслышно.

- Наверное, - ответил я и пошёл не спеша домой, в душе всё-таки довольный, что всё закончилось так, как в принципе и должно было закончиться.

«Ах, не спугни очарование», - опять завертелась у меня в голове очередная цитата из какого-то старинного романа. Я и не спугнул, а зачем?

Вечером, когда я уже подрёмывал над письмами Пушкина, моего любимого чтива, позвонил сын, учившийся в Питере.

- Ну что, кукуешь в одиночестве? Как дела, как здоровье?

- Спасибо, что спросил, как говорят американцы. Когда приедешь домой?

- Где он, дом-то, у тебя или у мамы?

- Ну, по такому случаю соберёмся у меня, как раньше.

- Как раньше не получится. Мы выросли, а вы, как два идиота, решили разбежаться на старости лет.

- И ты туда же, о старости. Ещё не вечер, в конце концов, я нигуда не уходил. Это её в сорок с лишком позвала в дорожную жизнь с новым мужем.

- Ну, ты-то тоже хорош.

- «Ладно, ёжик, кончай колотиться». Проблемы? Думаю, что ты хочешь спеть арию из тягучей оперы «Папа дай денег!»

- Угадал, мне совсем немного.

- Завтра вышлю, сынок, не дёргайся. Ты там ещё не женился, надеюсь?

- Не до того, да как подумаю о тебе и о матери... Вы бы кончали душить...

- Ты это ей скажи.

- И скажу. Ну ладно, через пару месяцев приеду.

- Пока.

- Пока-пока...

Разговор с сыном вывел меня из состояния лёгкой грусти и напомнил мне о моём отцовском долге. *«Тысяч 5 хватит»*, - решил я по поводу долга. Невольно вспомнился забавный случай, когда Лёшка, ещё маленький, гулял со мной во дворе. Пока я разговаривал с кем-то из знакомых, к нему подбежала собака, завиляла хвостом, и, ухватив зубами штанину, дёрнула за неё. Мальчишка заорал на весь двор, я подбежал и отогнал собаку, которая, впрочем, никакой агрессии не проявляла, просто хотела поиграть. Я сказал ему: *- Не плачь, она просто хотела с тобой познакомиться.*

- Да, познакомиться и съесть, - парировал пятилетний остроумец. Придя домой, сын сел за стол и стал рисовать собаку, долго раскрашивая её в разные цвета.

- А где у неё глаза? - увидев рисунок, спросил я его.

- Я ей их нарочно не нарисовал, чтобы не бросалась на людей.

- Интересная мысль, - только и сказал я Лёшке. *- Но как же она найдёт дорогу домой, что ж ей теперь быть бездомной?*

Лёшка посопел немного, взял красный карандаш и нарисовал собаке большой красный глаз: *- Пусть видит, я в следующий раз убегу.*

Как в детстве всё просто и ясно.

«Ладно, сам-то не впадай в детство, ещё рано, - одёрнул себя и аккуратно уложил своё тело на диван, не забыв заботливо прикрыться пледом. *- Молодец, Лёшка, не захотел сделать собаку бездомной*, - с опозданием на 15 лет похвалил я сына. *- А я... Наверное, кто-то забыл нарисовать мне красный глаз* - подумал я, засыпая. *- Не вижу ничего, потерял дорогу к дому».*

К Михайловскому я подъехал верхом на сером в яблоках рысаке, который легко ступал своими сильными ногами, как

бы пританцовывая и почти не ощущал тяжести седока. Александр Сергеевич, сидевший на крыльце за столом и писавший что-то большим гусиным пером, иногда обмакивал его в бронзовую чернильницу, стоявшую рядом, услышал стук копыт и поднял голову: - А, это ты. Что угодно?

- Александр Сергеевич, я заехал просто так, без какого-либо дела.

- Опять начитался моих писем к Вяземскому да Нащёкину. Надеюсь, у тебя хватило благородства не читать моих писем к Наталье Николаевне?

- Александр Сергеевич, эти письма - уже литература, такая же, как «Евгений Онегин».

- Не говори глупостей. Хоть и понятно, ты ведь в своей жизни служил по линии Его Высокопревосходительства господина Бенкендорфа. Тогда понятна твоя страсть к чужим секретам.

- Разве может быть секретом такая безумная любовь и безумная страсть?

- Это всё беллетристика. Я её просто люблю, а любовь - она или есть, или её нет, без всяких эпитетов. У тебя разве не так?

- Не знаю, я не поэт, а... впрочем, было... - сейчас нет.

- А кто же тебе мешает влюбиться снова?

- Я забыл, как это, забыл как дрожит сердце, когда видишь любимую, как ревность разрывает тебя, если что-то показалось, как мучительно разлучаться, не видеть друг друга хотя бы час. Всё это я забыл и не могу вспомнить. Неужели это навсегда?

- Не знаю, дай Бог, всё ещё случится. Состояние влюблённости - это и есть сама жизнь, а если оно пропадает, что остаётся?

- Александр Сергеевич, я хотел вас предупредить о будущем. Я ведь его знаю.

- Не надо, я должен прожить свою жизнь, ничего изменить нельзя, даже если я всё буду делать по твоей подсказке. Уезжай, мне надо дописать письмо к Наташе, ты его как раз читал сегодня вечером... Конь у тебя красивый и резвый, прощай.

Конь, словно повинувшись неслышной команде поэта, взвился вверх и понёс меня над летней Россией, огромной зелёной равниной с маленькими серыми пятнышками городов и деревень. Как будто на зелёную казённую скатерть кое-где капнули чернилами. Недаром кто-то из великих грустно сказал: «Россия - страна казённая».

А над всем этим казённым столом - возвышается огромный резной стул из орехового дерева. На нём никто не сидел и не смотрел, что делается на великой зелёной равнине. Интересно, кто там должен быть - царь, Бенкендорф, а, может, опальный поэт. Конечно же, поэт, только он способен углядеть, что на зелёной равнине всё меньше любви и всё больше равнодушия или того хуже - ненависти.

Конь летел быстро, но я успевал разглядеть - вот небольшая гористая местность, где маленькие игрушечные всадники несутся лавиной друг на друга и падают с отрубленными головами, руками и ногами. Вот небольшая равнинная территория, утопающая в виноградниках, где огромная толпа с интересом наблюдает за казнью какой-то женщины. Вот море, оказывается совсем небольшое, где парусные суда палят друг в друга из пушек, чтобы потопить и искалечить как можно больше судов и людей... Как жаль... Я чувствую, как мне жаль всех, кто погибнет, ведь сверху мне не видно, где свои, где чужие. Сверху все одинаковые, маленькие и беззащитные, и я могу их смахнуть одной рукой, но не делаю этого, потому что не уверен, где наши, а где не наши...

Внезапно конь стал снижаться, и я оказался на большой полянке около душистого стога свежескошенного сена. Деву-

шка с пронзительно голубыми глазами протянула ко мне руки:
Иди сюда, милый, я так давно тебя жду. Мне ведь без тебя тоже плохо!

- А кто ты?

- Кто-кто, я и есть любовь.

Она обняла меня и стала целовать в губы, но они почему-то были холодные, и мне стало вдруг холодно, и дрожь пробежала по всему телу.

- Почему так холодно? - спросил я девушку.

Она никак не ответила и, поцеловав в щёку, исчезла. Как когда-то Ольга...

Я лежал в своей постели, плед во сне сполз на пол, и форточка, не закрытая на запор, распахнулась от весеннего холодного ветра, и остудила комнату. Я захлопнул форточку, укрылся пледом, включил музыкальный центр с диском, где была запись шума морских волн, и заснул снова под звуки морского прибоя. Больше мне в эту ночь ничего не снилось.

Для меня всегда было загадкой, как же возникли границы между областями. Когда Русь представляла из себя отдельные княжества, эти границы были очень условны: сегодня у меня дружина сильнее и княжества больше, завтра со сбором дани проблемы, в дружине - сокращение штатов, и сосед тут же отхватывает кусок территории - хорошо, если оставит в покое хотя бы стольный город.

Мы на полном ходу проскочили очередной межевой столб между областями. Километров 30 никаких различий незаметно, но вдруг начинают проступать какие-то детали, которые говорят - это уже соседняя земля. Избы в деревнях вдоль дороги стали немного меньше по размеру, наличники на окнах - более затейливыми, дорога стала более узкая, да и ямы на ней нача-

ли попадаться чаще.

А в бедных деревнях, которые мелькали за окном, люди жили, наверное, так же, как и у нас. Всюду виднелись полуразрушенные фермы, с пустыми чёрными окнами, стёкла из которых давно уже украли или разбили, а крыши разобрали и растащили. Груды разбитой техники: тракторы, комбайны, грузовые машины, раскуроченные, без колёс и кабин, напоминали о том сражении, которое ещё недавно бушевало на территории страны. Эта битва двух экономических систем, а не битва за урожай, которая каждую весну и каждую осень разворачивалась на этой бедной земле, давая людям возможность что-то зарабатывать и как-то жить.

«Унылая картина», - подумал я, проскакивая очередную деревушку. За рулём я сидел сам, поскольку это был единственный законный способ избежать очередной выпивки, которая неизбежно случится, если встречаются два русских человека, связанных дружбой и общими воспоминаниями. А я, честно говоря, в последнее время старался избегать этих застолий с непредсказуемыми для здоровья последствиями, которые особенно остро стали ощущаться по утрам.

Я ехал не торопясь, скрупулезно соблюдая все правила и аккуратно снижая скорость перед каждой деревушкой, попадавшейся на пути, и давая себя обогнать каждому раздолбанному москвичу, если он этого хотел. После увольнения в запас я ещё некоторое время по инерции куда-то торопился, лихорадочно хватал трубку телефона, кому-то звонил или ждал каких-то важных звонков, но время шло, и я постепенно вошёл в совсем другой ритм жизни. Я успокоился. Я перестал спешить, всё делал спокойно, никуда не торопился, поскольку из моей жизни напроць ушло такое понятие, как служебная дисциплина и, слава богу.

С моим бывшим коллегой мы договорились увидеться в 12, но я знал: если я приеду в половину первого, ровным счё-

том ничего не изменится, и он не обидится. Не совещание, чай, а просто дружеская встреча двух не слишком деловых людей, не видевших друг друга давным-давно.

Когда я был ещё при должности, и не маленькой, по заведённому этикету при таких визитах мы встречали друг друга на машине перед въездом в город.

«Интересно, как-то сейчас», - подумал я, подъезжая к будке, где располагается пост ГАИ. С моими навыками вождения, да в незнакомом городе, да без привычного удостоверения в кармане, которое могло уберечь в случае, если будет сложно.

Подъехав поближе, я увидел худощавую высокую фигуру Виктора, как всегда элегантно одетого, издали махавшего мне рукой. Виктор обладал какой-то прирождённой мужской грацией: он никогда не жестикулировал без толку, объясняя какую-то свою мысль, а спокойно и убедительно объяснял то, что хотел объяснить. Бог наделил его и ещё одним качеством: он умел заставить себя слушать, причём собеседник не делал над собой каких-либо усилий, а включившись в беседу, попадал под обаяние мягкого баритона, эконожных жестов и мыслей, высказанных хорошим русским языком, без принятых в таких случаях матерков, подхихкиваний и гримас.

В общем, не попади он в своё время в нашу Контору глубокого бурения(КГБ) - он мог бы сделать хорошую карьеру, как киноактёр, тем более что в далёкой юности он снялся в нескольких эпизодах у знаменитого режиссёра. Но богемная жизнь не успела повязать его, да и институт он заканчивал технический, располагавший к чёткому инженерному мышлению, а не к фантазиям и грёзам. Мы прослужили вместе немало лет, а потом настала пора, когда нас начали, наконец-то, двигать по служебной, такой непростой и скользкой лестнице, где было темно и неуютно, и иногда не хватало ступенек, и где сломать себе шею можно, не планируя это заранее, в том смысле, что-

бы успеть соломки постелить.

Его перевели в другую область, и он сразу пошёл вверх. Конечно, там, куда его направили, были свои светлые головы, и не менее умные и способные, но их отправляли уже к нам, и они делали успешную карьеру среди людей, которых плохо знали, и с которыми их не связывала лейтенантская дружба.

Мы не потеряли друг друга, продолжая общаться в основном по телефону, а иногда, если изобретали подходящий предлог, ездили друг к другу обмениваться опытом и ... за игрой в бильярд, и за рюмкой коньяка, успевали часть своих проблем навесить друг на друга, в том смысле, что поделиться особо своими переживаниями или неудачами нам было просто не с кем. Всё, о чём мы говорили, было секретно и могло обсуждаться только в своей среде и нигде больше. Поэтому, наверное, наши жёны, не выдержав дефицита общения, в конце концов, по очереди ушли от нас. От него - первого, от меня - второго.

Виктор несколько лет назад женился на женщине, моложе его лет на 15, а, может, и больше. Он понимает, что когда-нибудь эта разница в возрасте разорвёт их отношения, но старается не думать об этом. Он по-прежнему строен, элегантен и у него, в отличие от меня, не видно было той самой мозоли, которая возникает на нервной почве в виде живота, и его ремни не знали шила, как сказал я ему однажды на встрече по поводу какой-то даты.

Я по всем правилам, но, всё-таки захватив колесом край обочины, подъехал к Виктору.

Мы обнялись и еще некоторое время постояли, обменявшись приветствиями возле поста ГАИ. Сотрудники хорошо знали Виктора, он здесь был частым гостем, и не обращали на нас никакого внимания.

- *Поехали*, - наконец скомандовал Виктор, когда мы исчерпали запас приветствий. - *Я впереди, ты - за мной.*

- *А куда?*

- Домой, ко мне.

- Может, в управу. Я ведь ненадолго. Чего доставлять хлопоты жене.

- Всё нормально. Она у меня привыкла к тому, чтобы с приветливой улыбкой встретить всех моих гостей.

- Что-то я не замечал в тебе раньше элементов деспотизма.

- О, дома я диктатор, на работе - демократ.

- Ну что ж, едем, - сказал я и начал садиться в машину. - Только ты поезжай помедленнее, а то я к автогонщикам имею очень отдалённое отношение.

- Понял, не беспокойся, - ответил Виктор, и мы не торопясь поехали по шоссе, по бокам которого высились огромные сугробы, накопившиеся за долгую зиму, создававшие впечатление, что едем в туннеле, только без свода.

Виктор жил в большом «сталинском» доме с поредевшей лепниной под крышей и скульптурными группами по фасаду. Всё это порядком обветшало, как и сами жильцы переживали свою эпоху.

Однажды в Москве на бывшей улице Горького, ныне Тверской, я остановился на ночлег у своего родственника, занимавшего какой-то пост в Правительстве. Утром, после хорошего завтрака, я вышел во двор, чтобы немного подышать свежим воздухом, да и просто прогуляться. Когда я не торопясь шёл по двору, меня окликнул какой-то пожилой человек в старом пальто и шапке, которая, видимо, прослужила своему владельцу не одно десятилетие.

- Молодой человек, помогите толкнуть машину. - Обратившись ко мне таким образом, мужик явно польстил мне - какой уж тут молодой, но по сравнению с ним - впрочем его истинный возраст угадывался с трудом.

Меня поразил взгляд человека - пронизывающий и оцени-

вающий, взгляд человека, не привыкшего к отказам.

«Наверное, какой-то бывший партийный босс», - подумал я. Его лицо не было мне знакомо, но, тем не менее, мне стало любопытно и я, хоть и не был расположен к подъёму тяжестей, включился в процесс оживления старенького москвича.

Толкал я его долго, но безуспешно, пока не подъехала какая-то «Волга», тоже не их новых. Из неё вышел грузный парень с одутловатым лицом, подошёл и, обращаясь к мужчине, сказал: - *Не мучайтесь, давайте подцепим. Аккумулятор, видимо, сел.*

Старик сдержанно поблагодарил меня за помощь, и я понял, что свободен. Ленка, жена моего родственника, которая вслед за мной вышла во двор прогулять собаку, спросила меня полушёпотом: - *Знаешь, кто эти двое?*

- *Откуда? Они не представились, да и я без фрака...*

- *Старик - это Аджубей, а младший - его сын, внук бывшего генсека Хрущева.*

Я почему-то сразу вспомнил присказку 60-х годов: «*Не имей сто рублей, А женись, как Аджубей*».

«Да, молодость у него сложилась удачно, но старость, видимо, как у всех, может, чуть комфортней», - подумал я. Один из самых могущественных людей советской империи в 60-х никак не ассоциировался у меня с образом старого, не очень хорошо одетого человека.

Я снова вспомнил, как тогда, в кабинете у зама, частушку русского поэта Бокова: «*То тебя в генералы, То тебя в рядовые, То тебе гонорары, То тебе чаевые*».

Я у Виктора был впервые, и это, конечно, не Москва, а какие в доме жильцы, можно только догадываться.

Маша, жена Виктора, встретила нас действительно очень приветливо. да судя по всему, она и не могла быть другой.

Есть такой тип женщин, тип редкий, почти вымерший в нашем Отечестве, которым свойственна природная доброжелательность. Я тоже знал женщин, которые тоже были приветливы и милы в течение двух-трёх часов, но что это им стоило огромного напряжения всех сил и взвинченного состояния в последующие дни, которое отражалось потом на всех, кто был рядом. В общем, не приведи Бог.

Честно говоря, и я, и Виктор, когда работали вместе, если уж нам взбрело в голову выпить и поговорить, предпочитали какое-нибудь нейтральное место вроде полянки в лесу под кудрявой зелёной сосной или берег Волги. Под вечер там так легко дышится и думается, да и песня, если уж она вырывалась откуда-то из души, то не металась среди стен комнаты, а взлетала, как выпущенная на волю птица, куда-то в небо. Но со временем эти «газетные» посиделки, мы их так называем, поскольку толсто порезанная варёная колбаска, чёрный хлеб, искромсанный на здоровенные ломти и бутылка со стаканами обычно располагались на свежей газете. Но время, знаете ли, отучает от дурных привычек, давая другие, не менее дурные. Много всего слышали и полянки в лесу, и заветные пригорки на берегу, но всё это прошло, и никто не скажет, зачем было. Да никто об этом тогда и не задумывался.

Как всё изменилось. Сейчас перед нами был стол, накрытый нарядной скатертью, явно имеющей французское происхождение, на которой разложенные по всем правилам этикета, сверкали приборы, которыми, к нашему стыду, мы уже давно умели пользоваться.

Глаза разбегались на обилие различных закусок - от крохотных бутербродов с розочками из вологодского масла и горками чёрной и красной икры до свежих красных помидор, прилетевших откуда-то из тёплых стран. На аккуратно разложенные овощи было приятно смотреть, поскольку за окном ещё была ранняя весна, а глаза так соскучились по зелени.

Разговор что-то не клеился, хотя все условия для этого были созданы, кроме одного, наверное, главного для русского человека - выпить я отказался. Коньяк стоял на столе, причём мой любимый, настоящий армянский, сделанный по нормальной техники, без всяких ускорений. В общем, пять лет взаперти в дубовой бочке этот напиток провёл точно. По крайней мере, в коньяке всё можно подделать, кроме аромата. Но я - за рулём, и Виктор это понимал, хотя и с иронией поглядывал на меня, наливая себе в рюмку коньяк, а мне - минеральной водички.

Маша, посидев с нами полчаса, ушла в другую комнату заниматься с ребёнком, который родился у них год назад, чему Виктор очень радовался. Да и то, не всякий может похвастаться, что в 45 снова стал папой.

Без рюмочки закуски как-то сложно проходили внутрь, как нарушители через границу, ту, что на замке была когда-то.

- Ну, рассказывай, что у тебя стряслось такого, о чём нельзя спросить по телефону?

Виктор встал из-за стола, подошёл к окну, посмотрел на город, где прожил почти 10 лет, где потерял и обрёл снова любовь и семью, где привык, что люди относятся к нему с подчеркнутым вниманием, где несколько сотен людей выполняют его приказы, и где любой кабинет в любое время открыт для него.

- Ты знаешь новость?

- Не говори загадками, не тяни резину.

- Я решил уйти.

- Слушай, ты намного моложе меня, тебе ещё служить и служить.

- А зачем?

- Это уже не философский вопрос, а скорее житейский.

- Да, житейский. Если раньше я видел смысл, смысл, что называется, не придуманный, который оправдывал и работу по 12 часов в сутки, и напряжение, и вечную гонку за резу-

льтатами, то сейчас - не то. Что-то сломалось внутри. Да что я тебе рассказываю, ты всё это пережил 4 года назад.

- Это так, но я тебе скажу одно - если ты думаешь, что за стенами нашей конторы безоблачная жизнь, - ты ошибаешься. Там жить и выживать значительно труднее. А потом, есть основное различие. Здесь ты работаешь на государство, а там - бог знает где и у кого ты окажешься - работать-то всё равно придётся. Тем более, что у тебя молодая жена и годовалый ребёнок. Но, я думаю, тебя кто-то смутил конкретным предложением, как конфеткой в детстве. Так ведь?

- Есть-есть такое.

- Ну, тогда проще. Конкретное предложение всегда можно просчитать с точки зрения плюсов и минусов. - Я смотрел на Виктора и не узнавал его. Всегда спокойный, а сейчас он находился в таком напряжении, пальцы рук слегка подрагивали, правая нога постоянно отстукивала какой-то ритм, как на концерте рок музыки, где мы по молодости часто бывали. - Ну, уж говори. Понимаю, что это секрет, пока, но иначе мне трудно что-то тебе посоветовать.

- В общем, в политику.

- В депутаты, что ли?

- Да. - Я замолчал, настолько неожиданно для меня это прозвучало. Виктор, настоящий профессионал, каких немного в стране, и вдруг - в эту бесконечную говорильню. Как? Виктор и выступать-то обычно не любил и говорил всегда кратко и сжато, а там... Впрочем, там тоже можно молчать, но тогда зачем вообще туда идти? - Что ж, я всё понял. И помогу обязательно, можешь на меня рассчитывать.

Отец с детства приучил меня к тому, что жить без долгов значительно лучше, чем с долгами, поскольку ничто так не сти-

мулирует душевное спокойствие, как отсутствие каких-либо финансовых обязательств, а мне всегда не хватало в жизни этого состояния душевного комфорта - вечные долги, перед государством, особенно. Каких только долгов оно на нас ни навешало; мы их исправно отдавали, но, всё равно, нам твердили на разных уровнях и по разным поводам: *«Вы в вечном неоплатном долгу»*. Главное - неоплатном и многие, поняв это буквально, махнули на всё рукой, - всё равно не рассчитаться и перестали отдавать долги в виде служения в армии, работы после распределения по окончании ВУЗа, оплаты всевозможных взносов, да мало ли ещё что - государство у нас большим выдумщиком и раньше было, да и сейчас не хуже. Оно напоминает Политбюро, которое в своё время мучительно выдумывало, чем бы ещё наградить своего генсека к очередной юбилейной дате, сабля есть, медалей и орденов - мундира не хватает, звания - какие только существуют.

Из этих глубоких раздумий меня вывело воспоминание о том, что я задолжал Анджеле цветок к 8-му марта, который обещал. Глупость, конечно, можно сделать вид, что забыл, но кто-то, по-видимому, мой внутренний голос, который, несомненно пел, что называется с голоса чужого, настойчиво твердил: *«Купи цветок и съезди в «Мальвину», поздравь женщину и вручи ей недорогую мимозу скромненько и со вкусом. Что ты теряешь? Всё равно проваляешься целый день на диване, обложившись книгами, в каждой из которых будешь прочитывать по полторы страницы и откладывать в сторону, поскольку это всё уже читано - перечитано и ничего нового там нет»*.

В конце-концов я, даже не позавтракав, поскольку, всё равно, нечем, вышел из дома и поймав такси, поехал до первой кавказской тётки, торгующей мимозами, которые за последние десяток лет помимо своего естественного запаха слегка, как мне казалось, пахли порохом.

Март - а холодина такая, как будто разгар зимы с морозом, ветрами и метелями, которые, как сентиментальный фильм, выжимал из глаз слёзы. Заблудилась где-то весна, и одна надежда - выглянет солнце и поймёт она, куда ей идти.

Купив цветы, я решил заглянуть в офис, чтобы взять из сейфа немного денег, - а много там и не было, - по старой привычке я хранил всё ценное в железном ящике, который купил по случаю на распродаже. Ящик был такой лёгкий, что грабители, если бы залезли в мой кабинет, не стали бы и мучиться с его взломом, а просто положили бы его в пакет и унесли.

В офисе я, к своему удивлению, увидел Наташу. Она сидела за маленьким столиком и кого-то напряжённо слушала по телефону. Вид у неё, как я заметил, был зарёванный, что явно указывало на своевременность моего появления - надо же кому-то рассказать о своих несчастьях.

Я молча протянул ей большущий куст мимозы и крохотный флакончик французских духов, чмокнул её в щёку, пробормотал: *Поздравляю*, - и ушёл к себе.

Наташья на все мои действия не обратила никакого внимания, продолжая внимать чьему-то монологу, впрочем, я догадывался, кто это мог быть, наверное, жених, которого не выпускали в увольнение.

Я грустно вздохнул. Ехать без предупреждения глупо, а звонить - не понимаю, но что-то меня останавливало. Бывает, что на тебя наваливается какое-то оцепенение, и ты ничего с собой не можешь поделать. Ладно, выслушаю жалобы на жизнь подчинённой - и позвоню.

То, что Наташья зайдёт ко мне с очередной утопией по случаю своего замужества, я не сомневался, хотя, по телефону она могла говорить долго, даже дольше, чем можно себе представить. Но на этот раз я ошибся. В дверь постучали, что могло говорить только о чрезвычайных обстоятельствах, и Наташья, прошептав: - *Можно*, - вошла и встала около окна. Я решил не

прерывать молчание, поскольку понимал, что любой мой вопрос мог вызвать слёзы, а их я не выносил и предпочитал, чтобы женщина, на худой конец, ругалась, но только не плакала. Я в этих случаях терялся и не знал, что говорить и чем утешить. И это был мой крупный недостаток, о котором я знал, но ничего поделать не мог.

Именно за это бывшая жена меня часто величала бесчувственным поленом, в особо опасных случаях и совсем уже нехорошо - гестаповцем, намекая на крайнюю степень душевной чёрствости. Мне такое сравнение, естественно, не нравилось, и я старался объяснять ей коренное отличие между мной - её мужем и гестаповцами, которые, как известно, Нюрнбергским судом признаны лицами, состоявшими в преступной организации. Но все мои указания на некорректность сравнения вызывали дополнительную порцию гнева, я обычно покидал поле боя, то бишь комнату, где проходили эти диалоги. И правильно делал. Что можно сказать словами там, где говорят слёзы.

Наташа тянула паузу в надежде, что я не выдержу и спрошу у неё как дела, но я молчал, перебирая в руках тексты, подготовленные для Селютина, который во время одумался и решил не тратить попусту свои и чужие деньги. Кстати, это коснулось и меня, поскольку он заплатил только аванс, а всё остальное, как я обычно говорил, он мне простил.

Тексты были универсальные, и я не стал их уничтожать. Там оставалось поставить только другую фамилию, да некоторые подробности биографии, а, в остальном, всё одно и тоже - тут ничего не поделаешь раз все, кто решил приклеить свой зад к креслу в Думе, хотят одного - изменить жизнь к лучшему для всех, но вначале, в порядке эксперимента, для себя родного и самого близкого.

Всё-таки, сердце моё было сделано из обычного мяса, а не из более твёрдых материалов и поэтому я, не выдержав её шмыганий носом, вытирания глаз крохотным кружевным пла-

точком с инициалами «Н.С.», тупого рассматривания рисунка на занавеске, наконец, сказал фразу, прошедшую испытание временем и, которая казалась мне наиболее нейтральной в данной ситуации, недаром она родилась в Англии, где очень ценят невмешательство в личные дела друг друга.

- Скверная погода, не правда ли? - Наталья повернулась ко мне, её заплаканные глаза были похожи на две маслинки на красных помидорных кружках. - Хорошая у тебя косметика, - похвалил я, - тушь не потекла, надо же... Ну, так что?

- Я не выхожу замуж!

- Ну, это только сегодня. А завтра снова будешь выходить.

- Вы хоть раз можете быть серьёзным, без ваших глупых острот, кстати, совсем не смешных.

- Могу, конечно, только это буду уже не я. Я, конечно, догадываюсь, что стряслось, его всё-таки куда-то отправляют служить, скорее всего в экзотические места, вроде южного побережья Камчатки. Я не прав?

- Если бы так, я бы, наверное, поехала. Дело ещё хуже. Он, наконец-то, побывал у меня дома. А там, сами знаете, «хрущёвка-двушка» и папа с мамой - пенсионеры, я ведь поздний ребёнок.

- Ну, так что, бедность в нашей стране естественное состояние половины населения, а он что из другой половины?

- Да, у него отец какой-то фирмач, бизнесмен.

- А ты, наверное, пустила ему пыль в глаза, выдавая себя за дочь легального миллионера?

- Да у нас просто и разговора не было, да и причём здесь это, если мы любим друг друга!

- Ну, в этом случае, вам ничего не грозит. Во время моей молодости преодолевать трудности, которые строили богатые родители юноши против девушки из бедной семьи,

мы учились на индийских фильмах, там всегда богатый женился на бедной, и в конце они все рыдали и пели радостные песни. Могу дать пару кассет для утешения.

- Опять издеваетесь. А что мне делать? Он мне сказал, что родители против нашей женитьбы. Он им рассказал, что у нас за семья.

- Врать не надо. Раньше различия такого рода особого значения не играли, почти все жили одинаково, любовь - другое дело. Хотя, тоже всякое бывало. Не хнычь, Наталья, причём здесь, в конце концов, его родители. Вы уедете по месту его службы и начнёте вполне самостоятельную жизнь, независимую от них.

Девушка немного успокоилась и, чтобы окончательно привести её в чувство, я поставил на стол остатки коньяка и порезанный на тонкие колечки лимон.

- Давай по глоточку за праздник, да за благополучное разрешение классовых противоречий между двумя семьями. Как аргумент ты можешь ему сообщить, что в царской России нередки были случаи, когда богатые князья женились на простолюдинках и получалось отличное поголовье здоровеньких мальчишек и девчонок. Ну, это так, шутки ради. А если серьёзно, то свою судьбу вы можете решить сами... Правда, если он побежал жаловаться родителям на твои скромные жилищные условия. Не знаю, сама-то подумай, нужен тебе мальчик для игрушек или муж.

- Ничего я думать не хочу. Неужели так... - и она опять расплакалась.

Я подошёл к ней и она уткнулась мне в грудь своей заплаканной мордашкой.

- Хорошая сцена ревности может быть: твой жених входит сюда и видит тебя в объятьях пожилого босса.

Наташа сразу перестала плакать, вытерла платком глаза, достала из кармана крохотное зеркальце, с помощью которого

исследовала своё лицо и осталась им, судя по всему, недовольной.

- Садись, давай по глоточку за праздник и за любовь - может, она где-то и есть.

- Спасибо, Зотов, хороший ты человек, жаль, что такой старый.

- Ну-ну, не забывайтесь, мадемуазель. Я в возрасте добродорядочного джентльмена, у меня хорошие манеры, нормальная квартира и загородный дом, в виде избы, и всё такое... и вообще некоторые девицы, из числа торговых работников, ещё поглядывают в мою сторону и намекают на возможность чистой дружбы, - я вспомнил свой недавний визит в гастроном с доцентом-охранником. - Ты успокойся, улыбнись, в твоём-то возрасте киснуть - не позволю, - и я опрокинул стопку коньяка, заев его лимончиком, как учил Николай II Кровавый, впоследствии, как все приличные люди, реабилитированный.

Наталья отхлебнула глоточек и поморщилась: - Как, ты, пьёшь эту гадость?

- Нашла гадость. Не гадость, а радость! У меня от одной цены этой гадости-радости дух захватывает. Пить надо уметь. Правда, тебе это лучше не уметь, жизнь и так прекрасна, ясно? - Я выпил остатки коньяка в свою рюмку. - Коньяк лучше смаковать под хорошую музыку, - и я, повернувшись в кресле, ткнул пальцем в кнопку «балалайки», так, немного высокомерно, называли знатоки подаренный мне при уходе в запас товарищами музыкальный центр, кстати, капризный, как избалованное дитя. То хочу, то не хочу - в смысле - то работаю, то манкирую. Иногда мне хотелось грохнуть по нему кулаком, т.е. прибегнуть к наиболее эффективному способу починки советской техники - она у нас вся была ударного действия. Видимо, её изготавливали одни ударники. Зарябил экран телевизора - грохнешь по крышке и он начинает выдавать

-нормальную картинку. Но техника, сделанная в некогда братском Китае, не терпела рукоприкладства и могла умолкнуть навеки, чего мне не хотелось. Сегодня «балалайка», как видно, была в хорошем настроении и начала выдавать одну за другой, давно забытые песни Северина Краевского.

- Зотов, почему тебя всё время тянет на польские песни, ты же не понимаешь их язык, наверное, во всём городе ты один их и слушаешь.

- Ошибаешься, язык я немного понимаю, а объяснить, почему я люблю это, и не люблю то - занятие глупейшее. А вообще-то, наверное, это с юности. Тогда часто проходили фестивали польской песни, которые транслировали по первому каналу и вся страна взахлёб это смотрела. Ну, да поздно, не буду я тебя утомлять своим ретро.

- А красивая песня. О чём он поёт? Ты же понимаешь.

- Наташа, такая нежная мелодия бывает только у песен о любви. Ладно, проехали, - я выпил остатки коньяка и нажал кнопку «Стоп». - Ну, что ж, пойду искать по свету, где!

- Что где?

- Ну, Чацкий ещё спрашивал: - Где? У него было горе от ума, а у меня, вообще-то, горя нет! Как и ума, наверное, - сказала грустно.

- Зотов, тебе не идёт ни кокетничать, ни плакаться в жилетку. Ты знаешь себе цену.

- Интересно, какая же цена?

Наташа молча взяла со стола рюмки, тарелку и вышла из комнаты, ничего мне не ответив.

Я оделся, проверил наличие в бумажнике, - На розу, вроде, хватит, - решил я, и пошёл к выходу, кивнув Наташе: - Не рассиживайся тут, иди лучше погуляй. И всё как рукой снимет.

Наташа, поставив в шкаф вымытые рюмки и тарелку, подошла ко мне и, как мне показалось, впервые посмотрела на

меня так, как смотрит женщина на заинтересовавшего её мужчину.

- *Наташа, не делай таких опасных авансов*, - сказал я, поцеловав её в мягкую щеку, и вышел на улицу.

Мне хотелось олянуться, но я пересилил себя.

Я подъехал к «Мальвине» через четверть часа и, когда стоял у входной двери, до меня дошло, что в праздник это женоугодное заведение, наверняка, не работает и суетился я с покупкой розы, достойной красивой женщины, в общем-то, зря и лучше бы я на эти деньги купил себе что-нибудь съедобное, поскольку время уже подходило к обеду, а я ещё даже не завтракал. Я дернул дверь за ручку, но она не поддалась.

Уже ни на что не рассчитывая, я нажал кнопку звонка, предполагая, что ко мне выйдет сейчас заспанная, грузная, неопрятная тётка с половой тряпкой в руке, с рябым полным морщинистым лицом, а тут я с розой, которую я ей и вручу, пусть порадует. Но я немного ошибся - дверь открылась и в ней, как в хорошем американском боевике, показался здоровенный мужик, постриженный по последней, очень устойчивой моде, т.е. наголо. У него было лицо человека, хорошо разбирающегося в еде, женщинах и автомобилях, но о литературе я бы с ним разговаривать не рискнул, поскольку побоялся бы получить хук в морду, поставив его в неловкое положение по причине его полной неосведомлённости в вопросах изящной словесности.

На мужике была форма сотрудника охранный фирмы, копирующей стиль, присущий одежде американской полиции - в общем, передо мной был шериф, говорящий по-русски без малейшего акцента, правда, не прибавлявший к имени слово «сэр». Очень вежливо он произнёс единственное слово: - *Ну?* и молча стал рассматривать меня, оценивая потенциальную опасность для охраняемого заведения и его лично.

Я, скопировав его манеру разговаривать, коротко спросил:
- Анджела?

Несмотря на абсолютную тупость, навечно приложенную к его лицу, он, тем не менее, сообразил, что у меня нет намерений причинить вред вверенному ему объекту и коротко ответил: - Уехала час назад. А вы, случайно, не Зотов? А то ему записка.

Я опешил: - Да, Зотов, документ показать?

- Не надо. Она предупредила, что вы придёте с цветком. Я сразу догадался, что это вы. - Парень улыбнулся и сразу перестал казаться тупым и агрессивным.

- Анджела умеет подбирать кадры, - только и сказал я и, немного помолчав, добавил, - что с цветком-то делать?

- А давайте, я поставлю у неё в кабинете в вазочку.

- Хорошо, - я протянул ему цветок. - А записка, где она?

Охранник вытащил из бокового кармана маленький конвертик и протянул его мне. - Спасибо, - пробормотал я и пошёл немного раздражённый тем, что не застал её на месте. Наверное, в душе я на что-то рассчитывал, но не признавался себе в этом. - Ну, так даже лучше, хотя, может, всё же позвонить? И повод есть - всё-таки праздник. Так, а что в записке?

Я вскрыл конверт и развернул крохотный листок, на котором было отпечатано одно-единственное слово: «Спасибо!»

«Очень романтично, - подумал я. - Ну, зато долг я отдал, теперь легче и хотя человек может тешить себя иллюзией, что, сбросив с себя долг и какие-то обязанности, он почувствует себя легко и свободно. Не тут-то было. Всё, что он обычно чувствует при этом - это пустота и одиночество. Одиночество и пустота».

Я позвонил Наташе на работу и сказал, что, возможно, не появлюсь совсем, а если и приду, то под вечер.

Она только и спросила: - *Случилось что-нибудь?* - но, получив обычный успокоительный ответ: - *Просто дела кое-какие*, - положила трубку.

У меня сильно разболелось плечо. Оно беспокоило меня редко, но уж если начинало допекать, особенно в сырую погоду, то делало это по полной программе. Разболелось оно сегодня, как я понял, не просто так, а с тем, чтобы напомнить мне о памятной встрече с Алёной ровно четыре года назад.

Журналистка из далёкого сибирского города, несмотря на все мои уговоры, готова была передать документы, содержащие компромат на ряд должностных лиц, только мне лично. Выхода у меня тогда не было и, доложившись начальству, я получил «добро» и поехал на встречу.

Мы всё-таки договорились встретиться в Москве. В душе я, конечно, посылал её к нечистому с её компроматом, поскольку проблема не касалась меня. Все материалы были в центральном аппарате, и набирать новые очки перед начальством мне было незачем, от перемещения в тот город я отказался, но...

В Москве я пришёл на условленное место, оставив машину за два квартала, как того и требовали правила конспирации. Еле впихнувшись между двух иномарок, моя «Волга» тяжело вздохнула и, наконец-то, обрела временный покой, а я, слегка помятый и невыспавшийся, дойдя до места, стоял, нервно поглядывая на часы каждые несколько минут и прохаживаясь взад-вперёд.

Надо сказать, что прикрытия у меня в этот раз не было, поскольку вся эта операция представлялась мне делом пустяшным и не требующим никакой оперативной суеты. Я понимал, что Алёна опять может выкинуть какой-нибудь фокус в стиле женских детективных романов, как в прошлый раз, и я, в общем-то, был готов к любому сюрпризу, но только не к этому.

Минут через 20 ко мне подошёл парень в кожаной утеплённой куртке и в шапочке, натянутой на голову по самые глаза.

- Привет, - сказал он, улыбнувшись. - Это я, не узнали Олег Николаевич?

- Алёна, что за маскарад?

- Всё может быть, - она вытащила из сумки маленький пакет и передала его мне.

- Это дискета с материалами, здесь все копии, которые мне удалось добыть.

- Спасибо-спасибо! - Я спрятал дискету в боковой карман. - Ну что, может, зайдём в кафе, посидим немного, а то я, как говаривал один литгерой, безумно хочу жрать.

- Нет-нет, спасибо, хочу скорее вернуться.

- Боитесь слежки за вами. Здесь в Москве маловероятно, да и я всё-таки профи, контролирую ситуацию.

- Не знаю, мне как-то не по себе.

- Это с непривычки, - сказал я. - Не стоит играть в шпионские страсти, самая лучшая конспирация - это её отсутствие. Тем более, вы в мужской одежде, вас и не узнать.

- Старалась.

- Ну, так как?

- Хорошо, зайдём минут на 15, не больше. У меня самолёт обратно через четыре часа. Хочу ещё по магазинам пробежаться.

В это время внезапно повалил густой снег, такой иногда случается ранней весной, когда природа, как качели, то в одну, то в другую сторону.

- Ну что, пошли, вон там напротив.

Мы быстро перешли дорогу, и вошли в недорогое кафе, называвшееся на французский лад «бистро». Мы сели за крохотный столик на двоих около окна. Кофе и пиццу нам принесли очень быстро, что вполне оправдало название заведения.

Алёна заметно нервничала и это ей, как ни странно, было к лицу. Когда мы оба немного оттаяли, я спросил: - Алёна, объясните мне, почему вы за это взялись, если чувствуете ка-

кую-то опасность для себя?

Она немного помолчала, достала из сумочки сигарету и нервно закурила.

- Не отвечайте, если вам неприятно, - да, я понимал, что любой ответ может быть только полуправдой. Всегда есть, как поёт один певец, на это пять причин или шесть. Я хотел всё перевести в шутку, но видел, что мне это не удалось. Пальцы Алёны, державшие сигарету, слегка подрагивали, а глаза, как говорится, смотрели куда-то внутрь себя.

- Эти люди погубили моего мужа.

- Как это?

- А так, просто убили. Это страшные люди.

- А чем он занимался?

- Он был вполне успешным бизнесменом, но с улицей дружить у него не получалось. В конце концов, они от него потребовали подписать бумаги о продаже его бизнеса за символические деньги. Он отказался. Полгода ничего не было слышно, и мы оба успокоились. А однажды он поехал в соседний город и не вернулся. Его не нашли. Ни машины, ни его. До сих пор так ничего и не знаю.

- Алёна, а не мог он просто сбежать от всех, от долгов, например, может, у вас что-то не ладилось, я прошу прощения, но так тоже бывает.

- Нет-нет, мы очень любили друг друга, да и дочь - он в ней души не чаял. Куда я только ни обращалась - никаких следов. Дело закрыли и мне посоветовали успокоиться. Но вот покоя-то у меня и нет. Я всё время чувствую на себе чей-то взгляд. Страшно и думать об этом - но всё напрасно. Когда мне совсем стало невозможно, я провела собственное расследование и оно меня вывело на людей, которых я считала виноватыми в том, что моего мужа нет, что его бизнес перешёл в чужие руки, а дочь растёт без отца.

- Да я ведь этого ничего не знал, и, по-моему, немного не-

дооценил ситуацию. Вот что, Алёна, я сейчас сделаю один звонок руководству, посоветуюсь. Дочь у вас дома осталась?

- Нет, со мной.

- А где?

- У матери, я ведь сама москвичка.

- Да, редкий случай, чтобы из Москвы, да в Сибирь, а не наоборот. - Я отошёл в сторону и позвонил по мобильнику начальнику того отдела, который занимался материалами, полученными от журналистки. Мы договорились, что я подъеду и передам дискету, а затем я спросил: - Алёну надо как-то обезопасить. Кстати, в какой стадии дело?

- Занимаемся, думаю месяц-два и закончим.

- Журналистка боится за себя и за дочь.

- Да, наверно, это обоснованно. Посоветуйте ей пожить этот месяц у матери. С её работой мы всё уладим сами. Материально тоже поддержим. Дело находится на контроле у руководства и ему придаётся большое значение. Коррупция - это для нас, к сожалению, очень актуально.

- Вы сами свяжетесь с ней?

- Да, не беспокойтесь. К её матери вечером я подъеду сам и всё обговорю. Скажите, что мы защитим её, пусть не нервничает.

- Хорошо, ответил я и вернулся к столу.

Алёна сидела всё с таким же напряжённым лицом и, когда я подошёл, первая спросила: - Ну, как?

- Всё будет в порядке, - и я пересказал ей только что состоявшийся разговор.

- Наверное, это правильно, - вымолвила она. - Но как быть с работой?

- Они всё уладят сами, не беспокойся. Сегодня вечером отработаете план действий. Видите, мы уже перешли на военную терминологию, - пошутил я, но опять, видимо, неу-

местно. Я видел, что женщина напряжена, однако старалась скрыть это. Но что делать. Ей, втянутой в такую опасную мужскую игру - игру нервов, помноженную на игру воображения женщины, стресс был обеспечен, как бы я ни старался.

Мы вышли из кафе. Снег прошёл и запорошенная грязноватым снегом улица выглядела мрачно и жутко, но где-то далеко, в самом уголке неба уже проглядывала синяя полоска, обещающая тепло и солнце. Прощаясь, я сказал: - *Я постараюсь не упустить вас из вида.*

Алёна только взглянула на меня и ничего не ответила. Я остановил такси и помог ей сесть. Она уехала, а я неторопливо пошёл к своей машине, стоявшей в десяти минутах ходьбы. Я шёл, с интересом рассматривая витрины московских магазинов, где дизайнеры демонстрировали всё то, что успели срисовать с американских и французских журналов, а затем это творчески переработать, применительно к нашей постперестроечной действительности. Около огромного зеркального стеллажа, за которым состязались в красоте и элегантности сотни разнородных оправ для очков, среди которых, как отрубленная голова вороны, лежали забытые кем-то большие ножицы, я остановился. Я давно хотел найти себе приличную оправу, но, то не было времени, то денег, а чаще и того, и другого, а в этот день сложилось счастливое сочетание всех трёх факторов: приглянувшаяся оправа, время зайти в магазин и чем расплатиться.

Я слегка наклонился, чтобы получше разглядеть изделие итальянских дизайнеров - и это спасло меня. В сантиметре от моей головы пролетел кусок льда, свалившийся с крыши двухэтажного дома, который, с досады, что не прикончил меня, задел-таки моё плечо. Я только охнул, используя знаменитое русское обезболивающее средство, т. е. заковыристый мат.

Москвичи и гости столицы проходили мимо, не обращая на меня внимания, и только пожилая общественница начала на

чём свет стоит материть московского мэра. Я оценил милость небес, пощадивших меня и, преодолевая боль, всё-таки зашёл в магазин, где, держась за плечо, купил спасшую меня оправу для очков и быстро пошёл к машине. С тех пор плечо у меня болело, регулярно напоминая об этом счастливом случае.

С той поры Алёна несколько раз звонила мне, а потом перестала. Мне рассказывали, что после этого случая она насовсем вернулась в Москву и вышла замуж за итальянца, уехав жить то ли в Неаполь, то ли в Палермо, я, честно говоря, плохо запоминаю названия городов, где я не был и где уже никогда не побываю. Не знаю почему, но именно в этот день мне впервые пришла в голову мысль о том, что я безумно устал, что этот темп жизни вымотал меня, как бегуна, привыкшего выкладываться на средней дистанции, но вынужденного по прихоти тренера бежать на длинную. Около года я ещё тянул свою лямку, а потом стал вольной птицей, по крайней мере, так мне тогда показалось.

Почти месяц прошёл с той памятной встречи с Анджелой, но ни я ей, ни она мне больше не позвонила. Меня что-то всё время сдерживало, хотя я несколько раз набирал её номер, но не дожидаясь ответа, клал трубку. Честно говоря, я начал немного забывать об этой истории. И не то, чтобы я комплексовал по отношению к себе, нет. Но, по-видимому, я просто немного обленился, да и постарел, начало отношений с женщиной всегда требовало каких-то сверхусилий, если, конечно, она не втюрилась в тебя сразу, но в данном случае это исключено. Да и временная дистанция была, ой, какая!

Я сидел в офисе совсем один. Наталья, всё-таки преодолевшая имущественный и финансовый барьер между собой и богатым курсантом, взяла отпуск и улаживала последние формальности перед вступлением в брак, как-то: шила свадебное платье и покупала туфли.

Приобретение обуви я всегда считал делом пустяковым - вошёл и купил, если подошли по ноге и деньгам, ну, и по модели, конечно. Но у женщины, особенно впервые выходящей замуж, всё, видимо, иначе: покупка обуви растянулась на неделю и была связана с поездкой в другой, близлежащий город, где уже наверняка, по её мнению, есть то, что ей нужно. Представляю, какие мытарства предстояли с платьем. Впрочем, я был вполне доволен тем, что моя сотрудница будет, наконец-то, устроена в личной жизни и, может быть, начнёт работать с большей пользой. Мне в течение двух недель пришлось исполнять роль исповедника, поскольку с папой и мамой об этом говорить неудобно, ну, а на меня можно вылить все свои имеющиеся обиды, подозрения и проблемы, в том числе нравственные и финансовые.

И когда Наташа однажды пришла и, после некоторых раздумий, спросила у меня, спать ли ей со своим женихом до свадьбы, я вспылил и со всем жаром старого джентльмена заявил, что придерживаюсь в этом вопросе пуританских взглядов и запрещаю до первой брачной ночи даже думать об этом, пригрозив, в противном случае, уволить её с работы и лишить приданого в виде обещанного компьютера. Хотя, судя по тому, как она повеселела и похорошела в последнее время, у меня закралось подозрение, что она проявила женскую слабость и пренебрегла моим запретом.

Но, Боже мой, жизнь бежит вперёд всё стремительнее и быстрее, обгоняя тебя, как новенькая сверкающая иномарка старую «копейку», когда-то тоже бывшую «Fiatom». Грустно, конечно. Я сидел за столом, предаваясь абсолютному безделью, хотя передо мной лежало срочное дело, на котором я мог бы неплохо заработать.

«Работа, особенно бумажная, как вино, должна пооблегаться, тогда у неё и вид другой». - Подобные ленивые мысли перекатывались у меня в голове, как спички в полупустом

коробке из одного угла в другой. Когда мы думаем ни о чём, значит, как мыслящие существа, мы думаем о чём-то совершенно случайном и лишённом какого-либо практического смысла.

На этот счёт большой мастак был Манилов. Впрочем, это вполне нормальная черта - думать о своём будущем, сидя за полуразвалившимся забором, который всё только и собираешься поправить и не потому, что нет досок или гвоздей, а просто ну, его, как-нибудь потом. Вот если бы кто-то пришёл, да всё бы сделал за тебя, тогда конечно. Но что-то всё никто не приходит, а если и приходит, то норовит прогнать из старой избышки и сжечь её и на этом месте построить добротный особняк за двухметровым забором, пустив по периметру пару кавказских овчарок.

Солнышко сквозь оконное стекло, на которое я забыл опустить жалюзи, светило мне прямо в лицо и я представил себе, что я на пляже, где-нибудь на ЮБК - это забытая аббревиатура Южного берега Крыма, моё самое любимое место на земном шаре, которое у меня отняли напористые соседи, воспользовавшись революционной неразберихой. Я не ездил в Крым уже лет 10, поскольку меня бесила одна мысль о том, что придётся переезжать границу и подвергаться таможенному досмотру со стороны группы бывших товарищей, которым реально была одна дорога - в младший комсостав Советской Армии. Из них всегда получались замечательные старшины и прапорщики. Хотя, кто раньше обращал внимание, на какую букву у тебя оканчивается фамилия - на «о» или «ов». Это сейчас мы лихорадочно начинаем проводить национальную самоидентификацию. И на кой ляд? Эти размышления заскорузлого интернационалиста прервал звонок входного колокольчика.

«Кого там несёт?» - подумал я. - Ни с кем не хочу говорить, никого не хочу видеть, отстаньте все от меня, пошли все в тартарары!» - у меня ещё много было в запасе подо-

бных пожеланий, но я не успел их все проговорить. Дверь открылась и в кабинет вошла Андже́ла, одетая как снежная королева, во всё белое, хотя, честно говоря, снежную королеву я видел только в детстве в мультипликационных фильмах и поэтому, моё представление о её внешности целиком на совести автора мультика. Впрочем, белоснежная куртка и кремовые брюки - какой женщине не пойдёт такой наряд - любая в таком прикиде будет чувствовать себя королевой.

- Привет, Зотов, - сказала она улыбаясь, почему-то назвав меня так, а не по имени-отчеству.

- Привет Андже́ла. Я надеюсь, ваш охранник не украл розу, а вручил её именно вам, а не какой-нибудь девахе, забежавшей к нему на огонёк?

- Что вы-что вы, у меня персонал хорошо воспитан...

- И натренирован, - добавил я, вспомнив охранника, с которым я вёл умные разговоры восьмого марта.

- Что же вы мне не позвонили?

- Экономлю, Андже́ла, на разговорах, не имеющих отношения к рынку моих услуг.

- Как же так, ведь я - ваш заказчик.

- Кстати, - сказал я, переходя на деловой тон, - пригодилось что-нибудь из моих сочинений на парфюмерную тематику?

- Да, мы заказали рекламу с вашим слоганом, скоро установим.

- Не пропадёт, значит, мой скорбный труд и дум высокое стремление.

- Зотов, зачем о думах и стремлениях. Я ведь опять по делу.

- Догадываюсь, - устало ответил я, - Могу предложить сразу для стареющих дам: Чтоб забыть свои года, Говорите только «Да». Или: Чтоб в порядке были трубы, Не забудьте красить губы. - Андже́ла, видите у меня кризис жанра, весна, я

ввязался в выборы с одним толковым кандидатом и, вообще, мне сегодня ничего не хочется и ничего не надо. В общем, я этим больше не занимаюсь, по крайней мере, с такой красавицей, как вы.

- Наконец-то дождалась хоть какого-то комплимента. Ну, так будете слушать? - спокойно спросила она.

- Конечно, что мне остаётся. Бежать мне некуда, да и незачем.

- Я хочу пригласить вас в свою группу поддержки отработка предвыборной тактики, подготовка агитматериалов и выступлений, телевизионных роликов, ну, и всё такое.

- И ты, Брут?

- Да.

Я предложил ей сесть, а сам пошёл к окну и стал смотреть на прохожих, идущих по улице. Как-то по-другому я представлял встречу с Анджелой, всё-таки она мне нравилась, но товарно-денежные отношения, в которые она предлагала мне вступить, несколько отличались от тех, о которых я думал иногда, вспоминая её. Вот, что значит долго не звонить и упустить момент. Прав был Броник, непростая она дамочка. А сейчас, что меня ждёт - пожелания и капризы заказчицы, её рассуждения о благе народа, к которому она уже не имеет отношения, денежный расчёт. Ну, уж дудки - с кем угодно, только не с ней! Я немного обманул на её счёт, но и она тоже обманулась. У меня есть работа - а идти к ней в услужение - нет уж, увольте! Это не для меня.

Анджела смотрела на меня с едва уловимой улыбкой, той самой улыбкой Джаконды, которая лучшим умам человечества представлялась загадкой, ну, а по мне, поскольку я не принадлежал и даже не претендовал на это, она, кажется, просто выражает скепсис. Она как бы говорит нам: «Что бы вы, господа хорошие, ни говорили и ни делали, а всё равно будет по моему».

Я отдаю себе отчёт в крайней примитивности такого толкования улыбки знаменитой дамы, но поправить меня было некому.

- Что-то вызаскучали, Олег Николаевич?

- Анджела, не подумайте, что я набиваю себе цену, она и так неплохо набита, но предложений в этой специфичной отрасли сейчас сколько угодно. Я могу вам порекомендовать кого-нибудь, но мне, честно говоря, работать с вами не хотелось бы. Извините, но я не понимаю, зачем такому прекрасному стилисту, каким вы являетесь, лезть в это дерьмо, ухлопать уйму денег, а результат никто вам не гарантирует. Любовь народа - вещь переменчивая, как погода в нашей полосе. Любви народа добивались многие, а как добьются, так и забывают о нём. До следующего раза, кстати. И народ на этот счёт не реагирует. Попривык.

- Вызря меня пугаете. Вопрос решённый.

- Но ведь шансы почти нулевые. Я вам говорю об этом откровенно, поскольку не верю ни в реинкарнацию, ни в рукотворные чудеса.

- Но я и не рассчитываю в этот раз выиграть. Мне надо показаться избирателям - войти в их сознание, как возможный депутат, как перспективный политик.

- Но зачем вам это, зачем? Не понимаю. У вас сейчас приличная женская работа. Вы успешный человек. Здесь есть хоть какие-то правила игры. А там, уж поверьте мне - таких правил нет.

- Зотов, вы ведь совсем меня не знаете. Мы виделись пару раз и вы уже делаете выводы - что я нежный подснежник под весенним солнцем. Красиво, конечно, но не так. Я внутри готова к борьбе. Кроме того, за мной стоят немалые силы я, ведь, возглавляла ассоциацию представителей малого и среднего бизнеса в нашем регионе.

Я поскучил окончательно, услышав это от Анджелы. Не

люблю я деловых женщин, скучно мне с ними. Они мне напоминают успешных женщин-учёных советского времени поступить в аспирантуру, защитить кандидатскую, потом докторскую, потом ещё куда-нибудь, что-нибудь возглавить и в итоге - пустой дом: ни мужа, ни детей, горы книг своих и чужих, и неутолённая, неизбывная тоска в глазах. Видел я таких немало.

Анджела из той же породы, хочет самоутвердиться, влить свой женский звон в хор мужских политических колоколов. Я посмотрел на неё немного снисходительно, неожиданно для себя погладив её рукой по волосам. Женщины при этом очень боятся за свою причёску - она не побоялась, только глаза у неё потеплели. Всё-таки, кто не любит, когда его гладят по головке?! - так говаривала мне когда-то знакомая психотерапевт, обучая правилам вывода себя из стресса.

- Ну, так как, Зотов, - Анжела упрямо гнула свою линию: - Вы мне нужны, мне с вами будет спокойней, да и опыт у вас. А ещё... - она умолкла, не договорив.

- Анджела, меня не покидает ощущение, что вы меня выбрали неслучайно, где-то судьба нас сталкивала уже, но где, я что-то никак не могу вспомнить. Это было что-то мимолётное, у меня, несмотря на мою прежнюю профессию, очень избирательная память на лица - если я не даю себе установки запомнить лицо или человека - то я не запоминаю. С вами, видимо, произошло тоже самое. Может, всё-таки, проясните, здесь, наверное, нет тайны? По крайней мере, моей внебрачной дочерью или мимолётной возлюбленной вы никогда не были, ручаюсь, - неловко пошутил я. - Вообще, с юмором у меня что-то неладно в последнее время - поглупел немного. Сказалось отсутствие семейного тепла и облагораживающего воздействия любимой женщины. «Одичалис», - как сказал бы герой одного знаменитого анекдота.

Анджела встала со стула, подошла к небольшому зеркалу, висевшему на стене, как раз напротив стола, долго молча рас-

сматривала себя, а затем, повернувшись ко мне, как-то очень выразительно посмотрела на меня.

- Неужели я так сильно изменилась? - тихо произнесла она. - Мы виделись почти пять лет назад, тоже в марте, в офисе Болотниковой, вы заезжали поздравить с праздником Настю и Ольгу, а заодно и меня. Я - та самая девушка, что готовила вам кофе. Вспомнили?

- «Вот так да, вот так компот! Ничего себе зигзаг! - Мне было немного стыдно, в голове лихорадочно застучало: - Вот так конфуз. Где моя бывшая профессиональная память. Да, были когда-то и мы рысаками. Когда-то... Грустно, очень грустно. А ведь она мало изменилась с тех пор, хотя я её тогда не очень и разглядывал. Кроме Ольги, я тогда никого и ничего не видел».

- Извини, Анджела, теперь всё встало на свои места. Нет больше ещё одной такой милой и маленькой тайны. Но у тебя память потрясающая. Мне всегда говорили, что у меня абсолютно не запоминающееся лицо.

- Это пока вы молчите. Но стоит вам заговорить - и это уже лицо другого человека - забыть его невозможно. Да и вы тогда были в ударе.

- Мне немного стыдно. Честно говоря, в этот день я был не в себе.

- Я догадываюсь, такие две женщины были рядом - Настя и Ольга. Было от чего потерять голову!

- Да нет, голова-то к тому времени вполне была уже на своём месте, а вот 2-3 месяца до того, именно так и было.

- Вы так смотрели на Ольгу...

Я не знал, что ответить женщине. Всё у меня давно уже перегорело и, как говорил мой приятель, устаканилось. С того самого вечера я с Настей больше не виделся. Зачем вторгаться в чужую жизнь, да, к тому же всё давно улеглось. Я лишь звонил ей несколько раз, поздравлял с какими-то праздниками, но

делал это больше по инерции, из желания сделать приятное человеку, который меня любил когда-то.

А Ольга - там всё было сложнее. Я до сих пор вспоминаю ее - но не делал попыток увидеться с ней, полагая, что всё у нас давно закончилось и нет смысла возвращаться в одну и ту же реку, тем более, что древние доказали невозможность этого. И всё равно, когда я её вспоминал, мне становилось грустно. Но не более того. После памятного интервью с поэтом-эмигрантом, которое я ей устроил, мы больше не виделись. Она несколько раз звонила с аналогичными просьбами, но я больше не откликнулся. Мне было тяжело её видеть такой весёлой и красивой. Но она существует уже помимо меня, где-то в другой параллельной жизни, которая, вопреки законам геометрии, случайно однажды пересеклась с моей и затем опять подчинилась этим законам и встала на место.

Параллельные прямые никогда не пересекаются - теорема из пятого класса. Чушь полная. В бесконечном пространстве эти линии, подверженные притяжению огромных небесных тел под действием других неведомых космических сил, запросто могут сойтись, хотя бы на секунду. Так получилось и у нас с Ольгой. Мгновенное пересечение, секунда счастья и любви - и затем опять в разные стороны.

А всё-таки Ольга была права, когда говорила, что я люблю выражаться высокопарно. Опять меня понесло в космос, а живём мы на маленьком небесном огороδικе-теплице. Появится какая-нибудь дырка в плёнке, защищающей нас атмосферы и все мигом погибнем от космических морозов. Как всё просто и хрупко.

- Зотов, Зотов, куда ты улетел, - вывел меня из раздумий голос Анджелы. - Скажи мне что-нибудь, только не отказывайся.

Я скользнул взглядом по привычным предметам, разложенным на моём столе в продуманном беспорядке, не зная,

что ей ответить, а затем, еле слышно пробормотал:

- Я тебе помогу, конечно. Но ни в какую группу я входить не буду. Моё перо - к твоим услугам. И ещё одно условие - денег я с тебя не возьму.

- Зотов, чем же я буду расплачиваться с тобой?!

- Ничем, или раз в год будешь делать мне причёску.

- Нет-нет, так не пойдёт, я не хочу быть в долгу перед тобой, да и не привыкла к этому.

- Как хочешь, - ответил я. - Я не ломаюсь, просто зарабатываю я в другом месте, а здесь что-то сделаю для души, для тебя, в конце концов. Если уж с розой получилось так неловко. И, вообще-то, тебе не всё равно? Если будут организационные расходы, ты их оплатишь, чтобы тебе не было мучительно больно, как говорил герой моего детства.

- Хорошо, Зотов, там видно будет. Мы вернёмся к этой теме. - Она подошла ко мне совсем близко и, медленно протянув руки, обняла меня, прижавшись ко мне всем телом.

- Что ж, - сказал я шутливо, - это прекрасный стимул к работе.

- Дурак ты, ничего не понимаешь и опять не понял. Я ведь не глупенькая Настя, если уж выбрала, то...

Я коснулся своими губами её теплых и слегка влажных губ, поцеловав её коротким нежным поцелуем и, слегка отстранившись, сказал: «Да кто вас поймёт? - И добавил: - Постарайся не носить такие высокие каблуки. По крайней мере, когда встречаешься со мной».

- Почему?

- Мне неудобно тебя целовать, - пошутил я.

- Хорошо, я буду ходить к тебе в домашних тапках.

Мы вышли на улицу. Весна обещала всем много света и тепла. А, может быть, и счастья. Кому как повезёт. А всё, что было в прошлом - исчезнет, медленно-медленно. Как имя, написанное на запотевшем стекле, в минуту грусти.

Агент Х держал в руках маленький, прохладный прозрачный, как капля воды, кристалл с записью информации, которую удалось считать с находки Агента У. Он задумчиво сидел в своём удобном кресле, которое слегка поскрипывало под его грузным телом, поскольку кожа, которой оно было обтянуто, была натуральная, чем он очень гордился. Его пятилетний внук любил забираться на него, чтобы ощутить её мягкую, упругую поверхность и почувствовать настоящее тепло.

«Странный материал - думал он. - Его обнаружили в пустынном районе, где некогда располагалось несколько могущественных государств. На этих огромных просторах сформировался совершенно особый тип: эмоционально открытый, плохо защищённый от внешнего воздействия, порывистый, считающий, что у других всё лучше, чем у него, склонный к крайностям в оценках: от безудержного восхваления - к такому же безудержному осуждению. Что полезного можно создать на базе этого материала?»

Агент Х просмотрел отзывы других учёных на полученный материал и везде видел одно и то же - неприятие и непонимание этих бесконечных метаний, переживаний по глупейшим поводам, необъяснимым с точки зрения современного человека.

«Надо готовить доклад в правительство, - подумал Агент Х. - Я, пожалуй, выскажу свою точку зрения, совпадающую с мнениями многих специалистов.

Ничего полезного для современного, с таким трудом производимого человечества, в этом материале не содержится. Необходимо: либо продолжить поиски другого материала на государственном уровне, либо вернуться к моей теории: человека-воды, причём воды именно природной, а не синтезированной. Только на этой основе - живой воды - мы сможем сохранить и развить популяцию людей.

Надо продолжать поиски в этом направлении, которое наиболее перспективно. Моя теория изменит человечество не только в физическом и эмоциональном отношениях, но и, в конечном итоге, приведёт к развитию и расцвету земной цивилизации, а соседи по Галактике, наконец, успокоятся.

И он положил кристалл в сейф...

* * *

Я проснулся рано. Я вообще плохо сплю в незнакомых местах, а у Анджелы я был впервые, да ещё продолжение этого странного сна...

А она продолжала спать, уткнувшись мне в плечо своим маленьким очаровательным носиком, как ребёнок, не отягощённый заботами повседневной жизни. От её волос, которые слегка щекотали меня, едва уловимо пахло розами. Я взглянул на неё. Она была прекрасна, как сама любовь. Вечная любовь. Я обнял её и снова заснул, подумав напоследок: *«А Без этих метаний и переживаний вы никогда не станете нормальными людьми, как и без живой воды. Только живое рождает живое...»*

И мне больше не хотелось ничего.

Конец

Всё это было, жаль, что не со мной!

Автор.

Повесть

СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ НА ПЛЕНЭРЕ

Тонкая синяя стрекоза, похожая на спичку, только с крыльями, несколько раз пролетела над своей подругой, каким-то образом попавшей в воду. Та из последних сил барахталась, пытаясь оторвать крылья от воды и взлететь, но они намертво прилипли к воде. Видно было, что она уже обессилела, её движения становились всё медленнее, и последнее, что она попробовала сделать, это зацепиться крохотными лапками за стебель речной травинки.

Тогда вольная стрекоза, приземлившись на плавающую подругу, вцепилась в неё и усиленно замахала крыльями, пытаясь взлететь вместе с ней и выволить её из речного плена. Притомившись, она отдохнула на лепестке жёлтой кувшинки, а затем продолжила свою операцию по спасению.

Андрей с минуту наблюдал за этой невероятной сценкой из жизни насекомых, а затем, пожалев обеих, подплыл к ним и бережно перенёс страдальцу на тот же цветок кувшинки. Вторая тут же села рядом, и о чём они говорили - бог весть... Чуток отдохнув, они поднялись в воздух, и ещё немного покружившись рядом с ним, как будто поблагодарив за спасение, уле-

тели в сторону берёзовой рощи, видневшейся за холмом.

«Пусть ещё полетают, - подумал Андрей, - лето ведь только началось».

Но было уже не по-июньски жарко, и вода в реке настолько прогрелась, что, проплавав почти час, он, когда вышел на берег, не обнаружил на себе никаких признаков «гусиной кожи». Его мотоцикл или «байк», как он его называл, дальний японский родственник «Харлея», стоял, поблескивая своими воронёными боками, и дышал ровно и спокойно, поскольку хорошо отдохнул после длительной гонки по окрестным холмам, когда он искал подъезд к реке.

- *Сейчас поедem*, - обрадовал он машину, проведя влажной рукой по разогретому солнцем бензобаку.

Было необыкновенно тихо, даже птицы почему-то приумолкли. Ради этого покоя и тишины Андрей и забрался в такую глушь, куда на легковушке не доехать, поскольку дороги сюда не было, только тропинка, да и та едва заметная среди высокой травы и разноцветных пятнышек полевых цветов. Поэтому, наверное, полянка на высоком берегу спокойной среднерусской речушки была чиста и зелена, что редко встречается там, где ступает нога Homo Sapiens 21 века. Ни пластмассовых бутылок из-под пива, ни водочной стеклотары, ни объедков не было заметно.

Андрей, немного отдохнув, хотел завести байк и ехать обратно к себе на дачу километров за 20 отсю-

да, но река, улыбнувшись ему белозубо, опять позвала к себе, и он снова плюхнулся в воду. Солнце припекало всё сильнее, не жалея тепла для промёрзшей за долгую морозную зиму и затяжную весну России.

Поскольку вокруг на много километров никого не было, Андрей купался, что называется, голышом, чувствуя мягкое прикосновение тёплой воды и испытывая при этом ту самую небесную радость от того, что живёт на этом свете. За этим он сюда и приехал. Он лёг на спину и медленно поплыл по небольшому бочагу, где течения почти не было, едва шевеля руками и ногами.

«Как хорошо», - подумал он. Ни одной мысли - ни умной, ни глупой не шевелилось в его светловолосой голове, до отказа набитой всякими проблемами. Но в эти минуты его не волновали ни политика, ни деньги, ни женщины, ни здоровье, ни карьера. Это было состояние, близкое к нирване - абсолютный покой и счастье. Ему не хотелось выходить из воды.

«Когда ещё сюда попадёшь», - говорил он себе. - *Надо. Пора. Меня давно уже ждут. Ничего не поделаешь»*, - и ... продолжал плавать. Внезапно откуда-то издалека в эту гармоничную тишину влетел характерный звук велосипедного звонка.

«Кого-то несёт», - подумал он с неудовольствием и поспешил на берег, чтобы успеть натянуть на себя хотя бы плавки. К счастью, он предусмотрительно положил их на кустики осоки, росшие у самой во-

ды, поэтому всё успел и стал не торопясь подниматься на горушку, где около мотоцикла лежала и оставшаяся одежда.

Когда он добрался до полянки, то увидел двух женщин. Да нет, это, пожалуй, были девушки, лет 18-20, не больше того. Они стояли около своих каких-то очень старомодных велосипедов и о чём-то перешёптывались. Видимо, решали, что делать - дожидаться пока мужчина уйдёт, либо искупаться при нём. Андрей не стал усложнять ситуацию и, как можно миролюбивее и приветливее, поздоровался, одарив их при этом самой обаятельной улыбкой, на какую был способен.

- Не беспокойтесь, девчонки, я сейчас уеду, извините, что занял ваше место. Почти как в старой комедии «Три + два», хотя, - Андрей опять улыбнулся, - вы по молодости лет её, наверное, и не видели.

Девушки кивнули Андрею и тактично стали смотреть в другую сторону, пока он натягивал шорты на мокрые плавки да свою изумительную майку изумрудного цвета с белой надписью по-английски: «*I like life*».

«Надо же, какие воспитанные, - подумал он, явно не деревенские барышни-крестьянки из бывших пэ-тэушниц. Одевшись, он подошёл к своему байку, чтобы уехать в суровую дачную действительность с её огородом и бесконечным поливом от этого прекрасного миража. Жаркий июньский день, чистая светлая

речка и две хорошенькие девушки, которые выглядели немного странно и, видимо, ждали, чтобы он поскорее ушёл. И всё это на фоне бесконечного голубого неба, правда, тоже какого-то необычного: он ясно различал россыпи звёзд. Впрочем, может, у него рябило в глазах от жары. Так бывает.

Бросив прощальный взгляд на полянку - не оставил ли чего - он сел на мотоцикл и аккуратно, несколько раз нажал на педаль пуска, и его классно выглядывшая машина мягко заурчала, как кошка, которую пощекотали за ушком.

- *Простите, сударь*, - услышал он за спиной мелодичный девичий голос. - *Можно вас спросить?*

Андрей оглянулся: - *Конечно, сударыня, спрашивайте*, - в тон ответил он, даже не удивившись такому обращению.

Обе девушки с любопытством рассматривали... нет, не его - чем мог привлечь внимание юных особ уже слегка (совсем слегка) лысеющий мужчина без особых примет, находившийся в возрасте Пушкина времён последней дуэли? - а его мотоцикл.

- *Пожалуйста, скажите, что это?*

- *Как что? Байк! То есть мотоцикл*, - осторожно ответил он, удивившись нелепости вопроса. Девушки продолжали с любопытством смотреть то на мотоцикл, то на Андрея.

- *Девчонки. вы что. меня разыгрываете? Вы, конечно. немного похожи на староверок в пятом поко-*

ленин, только что вышедших из тайги, как Агафия Лыкова, но не до такой же степени.

- Это английская машина? - спросила одна из девушек, та, что была немного постарше, не сводя глаз с надписи на его майке, и добавила, не дождавшись ответа: - Какая чудная надпись, - и она прочитала её по-английски, - *«I like life»* - «мне нравится жить». Какая прелесть!

Андрей, честно говоря, немного растерялся и хотел уже рассердиться. Не любил он, когда его так явно дурачат, но только и сказал: - *Ладно, девчонки, купайтесь, развлекайтесь, счастливого вам омовения, а я поехал. Кстати, байк этот японский, хоть и немолодой, как и его рокер. А был бы молодой и холостой, посадил бы одну из вас на заднее сиденье и дал по газам, и вы бы получили порцию адреналина на всю оставшуюся жизнь. Ну, всё, прощайте, сударыни!*

Но тут вступила в разговор молчавшая до сих пор девушка, та, что помладше: - *А где же у него педали? Как же вы поедете? А Япония, нам на курсах рассказывали, это закрытая страна, никаких заводов там нет, они почти ни с кем не торгуют. Вы что-то путаете, сударь.*

«И эта - «сударь», - подумал Андрей, а вслух спросил: - Здесь поблизости нет «жёлтого дома», а то, может, вы выздоравливающие пациентки, которых отпустили погулять. Ходите и удивляе-

тесь обычным вещам. И что у вас за курсы дурацкие? - обиделся он за Японию. - На автомобилях этой страны полмира ездит.

Девушки опять переглянулись и как-то по-детски рассмеялись.

«Ясно. Играют-развлекаются, но что-то в них не так. Одеты как-то несовременно. Да, всё дело в платьях - длинных, с какими-то оборками да кисеями, какие он видел только в старых, ещё советских фильмах по пьесам Чехова да Островского. - А, может, - пришло к нему озарение, - Ну, конечно, где-то снимается очередной сериал - «Три сестры», либо «Чайка», а массовка вошла в роль и никак не хочет из неё выходить. А способные девушки: неплохо держатся и выглядят в роли деревенских аристократок».

Андрею стало любопытно, да и минут 10-15 у него ещё имелось в запасе, и он решил продолжить светскую беседу на пленэре, сказав: - Ясно с вами, в фильме снимаетесь где-то неподалёку. Скорее всего, в каком-нибудь сериале, которым потом будут мучить полстраны.

Девушки опять заулыбались и та, которая была постарше с чудными выющимися волосами и огромными, широко расставленными глазами, немного задумчиво произнесла: - Как странно! Вы говорите по-русски, но мы не всё понимаем. Что такое сериал?

- Всё-всё, девушки, я и так заговорился с вами.

Вы, наверное, студентки из театрального училища, а на мне решили проверить достоверность образов. Угадал?

- Помилуйте, сударь, мы дочери генерала Ланского, дворянки, да и с актёрками не имеем ничего общего. - Они даже как будто обиделись.

- Да ладно вам, выходите из образов. Впрочем... как знаете.

И тут Андрей вспомнил своё недавнее прошлое и выдвинул ещё одну версию, последнюю, хотя и маловероятную. Но чего не случается в жизни людей, которых долгое время месили, как тесто, в надежде испечь прекрасный белый пирог всеобщего счастья. А вышло то, что вышло. Да, такое возможно при определённой изворотливости и хороших деньгах. Лозунг его юности и дальней молодости, который истерично провозглашали откуда-то появившиеся на экранах ТВ плохо выбритые новейшие учителя народа *«верните земле хозяина»* - начал воплощаться в жизнь. Уж не вернулся ли сюда потомок помещиков, владевших этими просторами, арендовал землю с усадьбой, привёл всё в порядок, да и развлекается, пытаясь жить так, как жили его предки. Завёл, поди, лакея в ливрее, дворецкого, ключницу, хорошенькую горничную да гувернантку для дочерей, и всем платит в евро.

- Скажите, девушки, - повеселев оттого, что, кажется, начал что-то понимать, Андрей спросил, - а

крепостное право у вас уже отменили? Или опять ввели? С вас станется! Дай вам волю, и вы тут же отнимете её у других!

- Сударь, его уже давно отменили, мы ещё были маленькими. Сейчас все крестьяне - вольные люди. Многие, кстати, уехали из окрестных сёл в Петербург да Москву на заработки. - Она произнесла это совершенно серьёзно, без всякого намёка на юмор.

- Но на сенокос вернутся. В сенокос там весело, и сеном пахнет так вкусно! - искренне воскликнула та, что помладше.

Андрей почувствовал, как какой-то холодок пробежал по всему телу, хотя волноваться вроде бы и не из-за чего.

«Обычный разговор с двумя «клёвыми чувихами, - пытался он себя успокоить - не больше того».

Но что-то во всём происходящем есть непонятное, ускользающее, как кусочек льда между пальцами. *«Впрочем, я, наверное, слегка перегрелся на солнце, что на фоне моей любви к классикам русской литературы с их трогательными девичьими образами и привело к этой странной галлюцинации. Ладно, надо как-то выходить из этого глупого положения. - И он молча, как бы забыв про собеседниц, сел на сиденье, надел шлем и выжал сцепление, но мотоцикл не тронулся с места, продолжая, тем не менее, урчать своим японским нутром. - Ничего не понимаю, всё было в порядке - бензина навалом, свечи*

нормальные. Неужели полетело сцепление! Да, тогда я попал...»

- Я же говорила, что без педалей он не поедет, а таких маленьких паровых двигателей не бывает, - опять заметила та, что помладше и поразговорчивее.

Андрей после этой вполне невинной реплики почувствовал какую-то непонятную усталость. «Какие паровые машины?! Заигрались девчонки. А сами, наверное, в обычной жизни на «Бентли» гоняют! Ну, да ладно. Надо что-то делать - мотоцикл видно тоже перегрелся на солнце, как и его рокер. Как я его потащу в такую даль, если он сломался?»

Пока Андрей возился с байком, пытаюсь понять, почему он не едет, девушки по-прежнему стояли, опершись на свои антикварные велосипеды без верхних рам. Задние колёса у них были затянуты по бокам какой-то разноцветной, как бы кружевной тканью.

Андрей, стоя на корточках и наклонив голову, внезапно почувствовал лёгкое головокружение и сел на траву возле мотоцикла.

- Вам дурно? Вы так побледнели! - тихо и, как ему показалось, с сочувствием произнесла старшая. *- Вы, наверное, перекупались и перегрелись.*

- Наверное, - вяло отреагировал Андрей и добавил, *- ума не приложу, что теперь делать?*

- Может быть, отдохнёте у нас в имении, выпьете чаю. Вас, кстати, может осмотреть наш отец, он когда-то кончал по медицинской части, и

лечит всю округу. А за мо-то-циклом, - она с трудом выговорила это слово - мы пришлём кого-нибудь, и его доставят к усадьбе.

- Простите, - попытался пошутить Андрей, - фамилия вашего отца случаем не Чехов Антон Павлович?

- Нет-нет, этого доктора мы не знаем.

- Да он скорее писатель, чем доктор. Хотя... А где ваше имение? - поплыл он по течению, подумав: «Ладно, куда вывезет».

Девушка показала рукой на холм, причём Андрей отметил про себя, что её жест был на редкость грациозен. Такое - либо природное, либо достигается длительными тренировками.

- Вот за этим холмом будет берёзовая роща, а за ней наша усадьба. Вы её сразу увидите - большой белый дом.

- Да, - повторил Андрей, - белый дом, Президент США Буш-младший, зелёная лужайка для приёмов почётных гостей и вертолётов. И всё это - здесь, в такой глуши. Невероятно!

- Сударь, вы действительно не в себе, вам надо отдохнуть. Идите по этой тропинке, а мы за вами. Только искупаемся, а то очень жарко.

Андрей, взяв себя в руки, сел на мотоцикл и, о, радость, он завёлся сразу, и сцепление сработало безукоризненно, и он быстро поехал по тропинке, которую ему указали девушки. Ему хотелось оглянуть-

ся, чтобы убедиться: юные актрисы в «стрингах» идут к воде, и никто, кроме сосен и ёлок, не видит этой красоты, но побоялся сломать себе шею, наехав на какой-нибудь ухаб, и помчался вперёд и только вперёд. Он довольно быстро добрался до берёзовой рощи, где преобладали два цвета - белый да зелёный. Только кое-где виднелись красные точки уже поспевающих на открытых участках ягод земляники.

«Да, точно, - вспомнил он. - В наших краях первая земляника всегда поспевала к 20 июня. А сегодня как раз это число».

В другой ситуации он бы, наверное, остановил машину и обязательно сорвал бы первую дивную ягодку, пахнущую детством и безмятежным счастьем, но сейчас ему было не до ягод.

«Сейчас проеду рощу, а там, наверное, ничего. Только старая разрушенная церковь с ободранными куполами и потемневшими от старости крестами, продолжавшими незримо благословлять эту землю». Андрей видел эти купола и кресты, когда ехал в эти места. Они и послужили ему ориентиром. Попал-то он сюда первый раз, поскольку никогда раньше не забирался так далеко, тем более что нормальная дорога оборвалась за километр до этого волшебного уголка. Вскоре тропка кончилась, и началась узкая красноватая дорога, покрытая то ли толчёным кирпичём, то ли ещё чем, не разобрать. Но зацепление колёс с грунтом было отличное, и «японец» споро вёз

его в то место, где он больше всего не хотел увидеть белый дом с какими-нибудь пышными коринфскими колоннами.

У Андрея всегда была очень высокая внутренняя критика - прошлая профессия приучила к этому - и он не верил ни в какую чертовщину, вроде гадалок, экстрасенсов, предсказаний и пространственно-временных пузырей, куда, как уверяют, можно случайно попасть и пропасть. Не верил он и в инопланетян. Но в Бога он верил. Бог, по его мнению, специально оградил землю от любопытных, а, может, и враждебных глаз из космоса, берег её, в отличие от людей. Да, он верил в Бога, но как-то по-своему, как бы про себя и сейчас ему больше всего хотелось прочитать единственную молитву, которой в детстве его научила бабушка «Отче наш».

Но он приберёт обращение к Богу на потом. *«Не надо беспокоить Господа по пустякам. Ничего ещё и не случилось - так, лёгкий флер чего-то мистического. Ну, да ведь и места-то какие как специально созданные для русалок, леших и прочих порождений русского воображения. А странные девушки - тоже бывает. В конце концов, большинство из них с лёгким прибабахом. А уж женщины... - он не стал углубляться в эту увлекательную тему. - Сейчас выскочу из рощи на весёлый зелёный пригорок и даже если увижу там белый дом, то это лишь больница для «чокнутых», либо декорация к очередному провальному*

фильму из жизни рефлектирующих от безделья русских помещиков».

Уже через секунду мотоцикл вынес его на простор, и он увидел белый дом - *«образец усадебной постройки середины 19 века»*, - как сказал бы опытный экскурсовод. Андрей медленно подъехал поближе и с удивлением заметил знакомые дамские велосипеды, прислонённые к крыльцу. Те самые, на которых приехали на речку встретившиеся ему девушки. Это было необъяснимо. Они никак не могли оказаться здесь раньше его, а в телепортацию он тоже не верил.

«Да, и дом, похоже, настоящий, а не из папье-маше или родной фанеры. - Видно было, как кое-где на цоколе отстала штукатурка, обнажив красную кирпичную кладку. Правда, в общем он выглядел довольно аккуратным: видно, что его регулярно подкрашивали и подмазывали. - Но это явно не больница. Это настоящая помещичья усадьба, и это факт».

Неподалёку от крыльца Андрей заметил старинный рессорный экипаж, сверкавший на солнце своими лаковыми чёрными стенками, судя по исполнению иномарка, привезённая откуда-нибудь из Франции, Англии, а, может, и из Германии.

«Ну, что задать?» - поставив своё техническое чудо 21 века в тень, он стал осматривать чудо века 19, пытаясь найти какую-нибудь надпись или эмблему, но так ничего и не увидел. - Забавная штукавина, вот бы покататься.

В это время за спиной послышались шаги, и он, оглянувшись, увидел своих знакомых, спускающихся с крыльца. - *Быстро вы добрались, быстрее меня, и как вам это удалось?*

Они обе рассмеялись, показав удивительно ровные и белые зубы - хоть сейчас на рекламу зубной пасты - и младшая, которая была пообщительнее, сказала: - *Здесь нет никакой тайны. Просто мы знаем ещё одну дорогу, она короче. Но вам по ней ходить нельзя. Это только наша дорога.*

- *Нельзя, так нельзя.* - тихо ответил он, потирая рука-ми виски: голова у него все-таки побаливала.

Он начал уже понемногу осваиваться в этой необычной обстановке, хотя и понимал, что с ним происходит что-то странное, но что? И он подумал: *«Несёт река соломинку, ну и пускай несёт, где-нибудь она причалит, прильётся к берегу...»*

- *Пройдите в дом, сударь,* - сказала «старшая» (так он стал называть её про себя), изящным движением руки поправив свои волосы и одарив его таким тёплым взглядом, несмотря на то, что глаза у неё были голубые, а голубой цвет всегда считался холодным.

«Как хорошо, - подумал он, - такую встретишь на минутку, а вспоминать будешь всю жизнь», - а вслух, пытаясь преодолеть некоторую неловкость, сказал: - *Ничего, что я без смокинга? Шорты - не самая подходящая одежда для светской беседы в об-*

щества юных аристократок.

- *Ничего, у нас просто,* - опять сказала «старшая», причём даже не улыбнулась. И нельзя было понять, то ли это всерьёз, то ли в шутку.

И он пошёл за ними, понимая, что сон или наваждение ещё не закончились, и когда закончатся - одному Богу известно. Да он уже и не слишком спешил, ему не хотелось, чтобы всё это быстро прошло.

Перед самой дверью он по привычке поискал коврик, чтобы вытереть ноги, но, не увидев ничего похожего, решительно отворил высокую резную дверь. Но сделать шаг в гостиную он всё-таки не смог: наборный паркет ослепительно сиял на солнце, - и он на автомате сбросил с себя кроссовки, не сумев преодолеть в себе потомственного плебея. К счастью, носки у него были совершенно новые, без традиционной дырки у большого пальца. Он поискал глазами хоть какие-нибудь тапки, но, увы, ничего подобного не увидел. И никто их ему не предложил.

«Ладно, пол тёмный, да и ноги пусть хоть отдохнут, - решил Андрей и остановился в нерешительности. У огромных - в полстены - окон стоял высокий немолодой мужчина, одетый в халат, расшитый какими-то немыслимыми драконами, и курил длинную трубку. Табак был очень ароматным. - *Из дорогих,* - отметил он про себя и тут же подумал: *Запах что, тоже может сниться? Вряд ли. Так что,* - сделал он заключение, - *это не сон».*

Девушки подошли к мужчине и что-то прошептали ему на ухо. Тот кивнул головой и затем, широко улыбаясь, медленной походкой пошёл к нему навстречу: - Рад познакомиться, милостивый государь. С кем имею честь разговаривать?

Несмотря на то, что говорил он очень спокойно, в голосе явно преобладали властные интонации.

«Из больших начальников, не иначе, либо роль у него такая, - подумал Андрей. - Ну, да и я не из маленьких». Все-таки недаром он и в юности, да и сейчас иногда, почитывал классику, поэтому не стушевался, а резко, как было в старину принято у офицеров, кивнул головой, только что не щёлкнул каблуками, поскольку был без обуви и со всей учтивостью, на которую был способен, проговорил: - Честь имею представиться, подполковник в отставке Квятковский Андрей Николаевич. В настоящее время преподаю в университете.

- Очень приятно. Генерал-майор Ланской Пётр Фёдорович, тоже в отставке. Фамилия у вас польская. Не из поляков будете?

- Да нет, Ваше Превосходительство. Русский, природный русак. Мать изволите ли видеть простая крестьянка из Мологского уезда, а батюшка ... - тут он запнулся. Отец - старый коммунист, последние 20 лет перед кончиной работал директором небольшого советского заводика, и он точно пристукнул бы его даже оттуда, с неба, если бы я назвал отца за-

водчиком. - Батюшка был по статской службе. Но свои родовые корни я знаю плохо, отец, родился, кажется, в Малороссии.

- Понимаю-понимаю, - сказал генерал. - Ну, а сами, по какому ведомству изволите служить?

Здесь-то Андрей быстро нашёлся и брякнул: - По ведомству его Высокопревосходительства генерала Бенкендорфа, если Вы, конечно, помните такого.

- Похвально-похвально. Ведомство из разряда вечных, - усмехнулся Ланской.

Странно, всё-таки. Опереточный генерал нигде не сфальшивил и вёл свою роль вполне профессионально, как и девушки. Ну, а сам он, пожалуй, переигрывал, да и смотрелся со стороны крайне нелепо: в шортах до колен, в майке с дурацкой надписью, да ещё в одних носках, а вёл себя так, как будто на нём офицерский мундир с крестами да эполетами.

Андрею всё время казалось, что Ланской сейчас рассмеётся и скажет: «Ну, пошутили и будет. Здорово мы всё разыграли. Да и чем ещё на даче заниматься? Скучно, знаете ли».

Но вместо этого он произнёс: - Присаживайтесь, господин Квятковский. Трубочку?

- Да нет, спасибо, у меня сигареты, - и он вытащил слегка помявшуюся пачку «Давидофф».

- Сигары? - переспросил генерал.

- Нет, сигареты, - и он протянул ему пачку.

стливому стечению обстоятельств. Сегодня, как вы, наверное, заметили, необычный день, день, когда на небе видны звёзды. Звёздный день бывает очень редко и только для очень немногих и в такой день возможно и невозможное..

- Не может быть, бред какой-то, - только и прошептал Андрей. Он чувствовал, как испарина покрывала лоб, и его бросило в жар. «Что же это, что за бредятина? Я же вполне логично рассуждаю». - Эко куда меня занесло, а главное - зачем? - сказал он, помолчав и немного придя в себя. - Впрочем, могло бы быть и хуже - единственное, но слабое утешение.

Никто не хотел ему ничего объяснять. Генерал молчал и, как показалось Андрею, насмешливо поглядывал на него, а Анастасия с Полиной, переглянувшись, тоже приумолкли.

- Тихий ангел пролетел, - попытался Андрей разрядить обстановку.

Анастасия первая оценила ситуацию, подошла к нему и, как мать когда-то в детстве, положила свою прохладную ладонь на его лоб.

- Ой, у вас, кажется, жар. Вам надо прилечь. Пройдите на эту кушетку и отдохните.

Андрею второй раз за сегодняшний день было хорошо, а, может, вино подействовало. Он нетвёрдой походкой подошёл к обитой голубым бархатом кушетке и лёг в полный рост, благо был без обуви. Анастасия села рядом с ним, а горничная через пару минут

принесла платок, смоченный холодной водой и положила ему на голову. От Насти веяло ветерком, покоем и какой-то радостью. Он внезапно подумал: *«В конце концов здесь не так уж и плохо. Буду считать, что я эмигрировал из дурацкого 21 века в 19, я ведь как раз за этим и приехал сегодня сюда за покоем и тишиной - хотя бы ненадолго. Пусть будет, как будет, тем более, что я не управляю ситуацией, а скорее ситуация управляет мной. Рядом со мной самая прекрасная женщина, которая может только присниться».*

«Но нет! Нет! - опять в нём проснулся бунтовщик: сказывались рабоче-крестьянские корни. - Ведь этого не может быть!»

Настя перевернула повязку и прохлады, нисшедшая на его разгорячённый лоб, успокоила его, и ему непреодолимо захотелось уснуть, хотя бы на минутку. - *Анастасия, вы не исчезнете, когда я закрою глаза? Не исчезайте...* - и он взял её за руку. Он прикрыл глаза, и последнее, что он увидел, было склонившееся над ним прекрасное лицо Анастасии и кусок неба, усеянного стразами звёзд.

Река Времени, которая оказалась той речушкой, где он только что купался, медленно текла, меняя эпохи, поколения людей, правителей и уклад жизни. Но место, где он плавал, было спокойным и тихим, и течение там не ощущалось. *«Так вот оно что! Он попал в тихий неподвижный бочажок этой реки, где*

время остановилось».

Он проспал минут 15-20, не больше, но, проснувшись, почувствовал себя вполне сносно. Кушетки - крайне неудобные сооружения: ноги упираются в подлокотники - в общем, долго не проспешь. Он открыл глаза.

«Господи! Неужели, - он быстро встал, огляделся. - Та же гостиная, - успокоился Андрей и подошёл к огромному зеркалу, где смог увидеть себя в полный рост. Честно говоря, ничего хорошего он там не увидел. Он достал расчёску, привёл свои волосы в порядок, отметив про себя, что плавки на нём высохли, и шорты стали выглядеть вполне пристойно, без мокрых кругов сзади. Затем он подошёл к окну и стал разглядывать двор, очень грамотно распланированный с подстриженными кустами и клумбами с множеством цветов, тех же самых, что радуют его и в том времени. Те же анютины глазки, маргаритки, гвоздики, нарциссы. Не было только привычных ему тюльпанов, которые в эту пору уже вовсю цветут у него на даче. - Может, их ещё не завезли сюда в 1870 году, не знаю...»

- Вы уже проснулись, - услышал он Настин голос. - Вот и славно, я вам приготовила чашечку кофе. Я очень хорошо его готовлю, отец научил меня.

Настя подала Андрею чашку ароматного напитка, совсем крохотную - на 2-3 глоточка. Кофе был действительно превосходным и быстро прогнал остатки сна. Да и в голове у него как-то всё пронеслось и вста-

ло на место.

- Спасибо, вы так добры ко мне. Право не знаю, чем заслужил это? И как благодарить вас?

- Вы уже отблагодарили нас на много лет вперёд, но не будем об этом. Впрочем, если хотите, - она чуть помедлила, - можете меня прокатить на вашем мо-то-цикле так, кажется, он называется?

- А не боитесь? Это, конечно, не... скакун, управлять им легче, но пристойно ли благородной девушке из хорошей семьи гоняться по деревне с не очень молодым рокером. - И Андрей почувствовал, что опять входит в привычный для него режим общения.

- Нет, не боюсь. Ни вас, ни вашей машины. Кстати, мне бы надо зайти в церковь, к отцу Иоанну. У меня к нему дело.

- Это далеко? Впрочем, не всё ли равно. Бензин есть, а мне, судя по всему, уже некуда торопиться. Да, может, и незачем.

- Поедемте!

Они вышли из дома, и Андрей, наконец-то, одел кроссовки. А когда подошёл к мотоциклу, материальному свидетельству того, что 21 век всё-таки существует, но чуть поодаль от этого места, опять почувствовал себя уверенным в себе и сильным мужчиной, каким в общем-то и был. Увидев, как девушка садится на мотоцикл, он попросил: - Сядьте нормально, Настя, а не боком, а то можете слететь с сиденья, да держитесь за меня покрепче. - И он завёл свой байк,

и ему на время стало абсолютно всё равно, какой сейчас век. Имел значение только день июньский день, когда поспевают первая земляника, и девушка, сидящая за его спиной.

В это время на крыльцо вышла Полина. Пoblёскивая своими зелёными глазами, похожими на две оливки, она, увидев их вдвоём, готовых к старту, как-то слишком серьёзно сказала: - *Господин Квятковский, вы, надеюсь, не умыкнёте мою сестру. Помните, что она помолвлена, и уже назначен день свадьбы.* - И добавила: - *И жених её очень любит,* - как будто поддразнивая его.

- *Я бы с радостью. Но в нашем веке тоже почти не воруют невест, особенно чужих. Не беспокойтесь, я останусь приличным человеком, как и поэт Высоцкий. Впрочем, вы его не знаете, он ещё не родился.*

- *А меня вы тоже покатаете?*

- *Конечно.*

- *Только не ездите быстро, а то я боюсь.*

В это время на крыльцо вышел генерал. Он был уже не в халате, а в нормальном европейском костюме и выглядел довольно молодо, несмотря на лёгкую седину.

- *Это не опасно?* - спросил он.

- *Не опаснее, чем когда вы ездите верхом.*

- *Ну, тогда с Богом. Возвращайтесь скорее. Мы обедаем в 5 часов.*

- Не беспокойтесь, вернёмся вовремя.

И они поехали. Анастасия так и не села, как он её попросил, зато обеими руками ухитрилась обнять его за плечи, а не за то место, которое раньше называлось талией. Впрочем, это было очень умно. Не должна красавица держать свои руки слишком близко к тому месту на теле мужчины, которое доставляет ему больше всего хлопот. Хотя и радостей тоже. Как повезёт... Он шуганул свои игривые мысли, и они разлетелись в стороны, как брызги из лужи, по которой топнули солдатским сапогом.

Он ехал не торопясь, чтобы Анастасия немного освоилась. Но напрасно Андрей опасался. Крепко вцепившись в него своими чудными, нежными, но неожиданно сильными, руками, она уже кричала: *- Давай быстрее, ещё быстрее!*

И что делать? В нём опять проснулся рокер - со стажем в 20 лет - и разогнал машину, благо дорога была приличной. Но вскоре она кончилась и началась хорошо утоптанная тропинка, ведущая к церкви, чьи купола виднелись за соседним пригорком. Только не ободранные, а покрашенные в небесный цвет и почти сливались с небом. Это золотые звёзды и кресты испускали солнечное сияние. Тропинка постепенно становилась всё шире и шире, пока не превратилась, наконец, в отличную, хорошо наезженную дорогу. И он опять крикнув: *«Держись крепче!»*, - прибавил скорость, и они почти полетели под этим зелёным рус-

ским раздольем. Анастасия прижалась к Андрею и крепко держала его за плечи - видимо, немного побаивалась, но не показывала вида. Они ехали довольно долго, дорога причудливо петляла, делала какие-то зигзаги, подъёмы и спуски, и со стороны можно было подумать, что они сбивают кого-то со следа. И он догадывался, кого. И если он не сумеет оторваться - ему крышка! Вся его прежняя жизнь может рассыпаться.

Церковь была небольшой и очень уютной. Такими обычно бывают только деревенские церкви, лишённые ненужной помпезности и излишней позолоты. Здесь ты чувствуешь себя ближе к Богу - между вами нет никого и ничего. Только ты и Бог. Он постоял у иконы Спасителя, вглядываясь в Его строгое лицо и радуясь, что когда-то вновь обрёл Бога. Он мог Его потерять, такое было его время - время юности и молодости, - но Бог не захотел, чтобы он потерялся. И он не потерялся.

Он смотрел на пламя свечей и ни о чём не просил Бога. И ему было хорошо и спокойно, как в детстве, когда ты под защитой отца и матери, которые тебя любят. Андрей перекрестился несколько раз, и почему-то представил себе, как он здесь с Анастасией под венцом, и священник читает над ними молитву. Но услужливое воображение тут же вытащило из картотеки памяти картину художника Лукире ва, как раз 19 века - «Неравный брак». И это его отрезвило. Он потрянул головой, как бы прогоняя наваждение, и вы-

шел из храма. Анастасия стояла неподалёку и о чём-то разговаривала с батюшкой. Андрей немного постоял в одиночестве, а затем подошёл к ним.

- *Здравствуйте, батюшка*, - поприветствовал он священника, совсем молодого парня с умным взглядом и аккуратной бородкой, ещё не успевшей разрастись.

- *И ты будь здоров, сын мой. Как наш храм вам показался?*

- *Хорошо, спокойно, к Богу близко. На таком высоком холме построили, не просто, наверное, было?*

- *Да ведь храму-то уж почти сто лет - старина старинная. Поддерживаем, как можем, да и Его Превосходительство генерал Ланской помогает от души.*

- *Жаль, мне нечем помочь: денег у меня с собой нет, да и мои деньги здесь бесполезны.*

- *Ты пришёл, и это уже помощь храму. Мне Анастасия рассказала о твоём приключении. Так ли всё?*

- *Так, батюшка, так. Всё так странно.*

- *Просто Бог тебе хочет что-то сказать, а что - потом поймёшь. Крестик у тебя есть, крещёный, значит.*

- *Да, тайком после рождения родители окрестили.*

- *Почему тайком? У нас страна православная. От кого таиться?*

- Да нельзя тогда было, боролись с религией.

Молодой священник подумал немного и сказал: - С Богом нельзя бороться, Его надо любить и верить в Него.

- Всё так, да время было суровое, новый мир строили.

- Ну, и построили?

- Да почти уже, а как под крышу стали подводить, так все и развалилось. Но ведь хотелось справедливый мир создать - радостный, счастливый, а главное - для всех.

- А без Бога ничего построить нельзя. Читал, наверное, про Вавилонскую Башню?

- Конечно.

- Ну, а сейчас как? Нет гонений-то?

- Да нет, конечно, нет. Сейчас другое. Вот пару месяцев вышел русский перевод Евангелия от Иуды. Лет десять назад в Египте нашли рукопись на коптском языке: расшифровали, перевели. И там... реабилитация величайшего предательства! Я, когда читал...

- Не надо, сын мой, не стоит. Это всё от лукавого, опять змей со своим яблоком долго ещё будет искушать людей. Ну, да ладно. А ты не переживай. Господь всё устроит. Кстати, давно не исповедовался?

- Да у нас как-то не принято. Скорее уж к психоаналитику.

- Значит, ещё время твоё не настало.

- Не знаю.

- Ну, пойдём, я хоть причащу тебя, хотя и нельзя этого делать без исповеди.

Андрей, не зная, как отблагодарить батюшку за доброту, достал из кармана свою дорожную зажигалку и протянул ему: - Примите, на память.

- Да на что она мне? Я ведь табачищем-то не балуюсь.

- Ну, печку в доме будете разжигать. Возьмите, не обижайте меня.

- Ну, хорошо, спасибо, - сказал священник, несколько раз щёлкнул зажигалкой и положил её на брёвнышко, лежавшее рядом.

И они прошли в храм, а когда вышли, Настя подошла к священнику под благословение.

Затем Андрей и Настя сели на мотоцикл и помчались назад, и он, хоть и не видел, но почувствовал, что батюшка перекрестил их вслед.

Давно у него не было так радостно на душе. Он как будто помолодел лет на 20 и видел себя 17-тилетним парнем, мчащимся на мотоцикле, а за спиной сидит юная красавица, прижавшись к нему. Но ехал он, всё-таки, не спеша. Ему хотелось растянуть эти минуты до бесконечности, поскольку он понимал - день сегодня особый, звёздный, какие никогда не случаются в обычной жизни. И этот день таял, как кусочек льда на солнце. И он знал, что та сила, которая втолкнула его

в этот день, также и вытолкнет его обратно.

Церковь вскоре скрылась из вида. Он ехал с холма на холм по знакомой уже дорожке, где ясно отпечатался след от протектора. Вскоре он подъехал к развилке. Странно, раньше он её не видел. На примыкающей дорожке тоже был след от его байка, и он понял, что это та самая дорога, по которой он должен вернуться назад. И вздорная мысль пришла внезапно в его голову и забарахталась там, как та синяя стрекоза, которую он выручил пару часов назад.

«Может, свернуть сейчас на эту дорогу и уехать вместе с Настей. Начать новую жизнь, другую, полную любви, нежности. Ту жизнь, которой у него так и не было». Андрей остановился на секунду. Вот она - дорога обратно. Стоит только свернуть, и захлопнется за ними дверь, и возврата назад не будет. Может, спросить Настю, вдруг всё получится?

- *Что-то случилось?* - тревожно спросила Настя.

- *Мы не заблудились?*

- *Нет, Анастасия,* - произнёс Андрей. - *Это мои мысли плутают...*

- *Анастасия,* - поправила она его.

- *Это по-русски, а по-гречески - Анастасия. Вы хоть знаете, что означает ваше имя?*

- *Нет, как-то не думала об этом.*

- *Воскресшая.*

- *Действительно, я воскресшая. Я ведь могла погибнуть, но тут появились вы...* - Она замолчала

и долго смотрела ему в глаза. Так женщины смотрят, когда хотят выразить то, что нельзя сказать словами. А затем тихо сказала: - *Поехали, Андрей, уже поздно.*

- *К дому?* - спросил он.

- *Да, домой.*

- *Значит, действительно поздно,* - только и сказал Андрей и, обернувшись, погладил её по мягким пушистым волосам, пахнущим ромашкой. Поздно. И ничего изменить нельзя. - *Ну, держись, сейчас полетим, но ты не бойся.*

И они помчались в сторону усадьбы.

Он ещё издали приметил Полину, которая стояла на вершине холма и махала им оттуда рукой. Он чуть крутанул газ, и «японец» легко, как воздушный шар, поднялся вверх. Настя, возбуждённая и раскрасневшаяся, легко соскочила с сиденья и крикнула сестре: - *Этот мотоцикл - просто прелесть! Какая скорость! Какая сила!*

Она ещё долго что-то говорила, а он просто стоял и смотрел на неё, не в силах отвести взгляд. Полина подбежала к Насте и обняла её с такой радостью, как будто они вечность не виделись, а затем, ласково глядя на Андрея, попросила: - *Прокатите меня, мне так хочется!*

Ему же очень хотелось остаться с Анастасией, успеть сказать ей что-то важное, поскольку он чувствовал, что время его уходит, и в песочных часах осталась крохотная горстка песка. Но у него язык не пове-

рнулся отказать, и он сказал: - *Садитесь.* - Он посмотрел на Настю, и, то ли ему показалось, то ли на самом деле, но в глазах у неё были слёзы. - *Я вернусь через десять минут. Нам надо поговорить.*

Полина была девушкой более раскованной и она села на сиденье так, как садятся девушки в наше время, и обхватила рокера за пояс. Она просто всё сделала так, чтобы ей было удобно.

И они понеслись по этой же дороге с бешеной скоростью. Ну, этак 50 км. в час. Но для Полины, привыкшей к неспешному ходу разъездных лошадей, это почти космическая гонка. Они попетляли по уже знакомым Андрею холмам и вскоре добрались до той самой развилки дорог. И Андрей снова остановился.

- *Что, уже всё?* - разочарованно спросила Полина и добавила, - *а давайте поедем по этой дороге,* - и кивнула головой в сторону тропинки, ведущей туда, откуда он появился.

Андрей усмехнулся: - *Да нет, туда, пожалуй, не стоит. У меня тоже есть своя дорога. И она только для меня, а может, и ещё для одного человека...* Кстати, вы, кажется, говорили, что сегодня явятся ваши женихи под вечер?

- *Ещё не скоро, около семи часов. Они с папенькой играют в карты, затем мы ужинаем, гуляем, а потом они уезжают.*

- *И что, так каждый день уже много лет?* - спросил Андрей.

Полина ничего ему не ответила, только грустно, как-то совсем по-детски, посмотрела на него и затем, чуть смущаясь, спросила: - А вы останетесь?

- Пожалуй, что нет. От меня здесь почти ничего не зависит. Кстати, если останусь, ваши женихи наверняка пристрелят меня, как собаку, чтобы не клеился к их невестам. Я бы точно возбух, - перешёл он на сленг, забыв на минуту, в каком времени он находится.

- Я ничего не поняла.

- Разозлился, - поправился он. - И вызвал бы меня на дуэль. А вас, прекрасная девушка, наказал бы презрением, да ещё и погиб бы на дуэли от выстрела соперника.

- Читала, это «Евгений Онегин». Вы, оказывается, тоже знаете этот роман. Забавно, мне казалось, вы читаете другие книги.

- Раньше читали. А сейчас не то, век книжной цивилизации уже прошёл.

- Расскажите, как вы живёте?

- Зачем вам, милая девушка. Живёте в своём мире, в своём времени. Бог знает, кому что подходит. И не заглядывайте за края! Не так уже там и весело.

- Вы сейчас похожи на строгого учителя гимназии, когда он делает кому-нибудь выговор. Вам это не идёт, вы сразу выглядите старше.

- Конечно, ещё бы, я старше вас лет на 150, если

не больше. Ну, да ладно, поехали.

- А куда? - снова спросила она и опять почему-то посмотрела на ту самую дорогу. Затем, обернувшись, радостно закричала: - Ой, смотрите, господин Квятковский! Сюда скачет Настя, это её конь, я вижу. Как славно!

Андрей посмотрел на приближающуюся к ним всадницу, и сердце у него учащённо забилося, как когда-то при виде любимой женщины. Давно уже такого с ним не случалось, очень давно. Он издали махнул ей рукой, обозначая, где они находятся. Она скрылась за ближайшим холмом, а затем появилась снова. Её милое лицо было всё ближе и ближе, и Андрей уже ясно видел, что она чем-то встревожена. Анастасия через несколько минут, уже придерживая коня, подъезжала к ним. Разрумянившаяся от быстрой скачки, она ловко соскочила с седла и медленно, очень медленно, подошла к ним.

Подойдя к Андрею и не спуская с него глаз, неожиданно быстро обняла его, прижавшись всем телом. А он утопил своё лицо в волнах её волос, от которых пахло ромашкой. И ему казалось в эту минуту, что уже никакая сила не оторвёт их друг от друга, что случилось чудо, чудо любви и совпадения двух людей мужчины и женщины, которые нашли друг друга после долгих поисков и мытарств.

Анастасия прошептала ему на ухо только одно слово: - *Милый*, - и также резко и неожиданно отстра-

нилась от него. - *Спасибо вам. А теперь уезжайте, вот ваша дорога*, - и она показала на тропинку, где отпечатался след от его байка. - *Как жаль, что мы разошлись во времени. А ты бы влюбился в меня? Меня можно любить?*

Андрей, ошеломлённый всем происходящим, не знал, что сказать. Он уже любил её, но как-то отстранённо, как любят мечту, воскресшую мечту.

- *Ты прекрасна, Анастасия*, - пробормотал он. - *Если бы это было возможно...* - Он опять замолчал. Все слова, всё его красноречие куда-то подевалось. Он тихо, умоляюще произнёс: - *А, может, вместе?* - и показал глазами на тропинку, ту, что не вела ни к её дому, ни к церкви. Полина с недоумением поглядывала на них обоих, затем подошла к сестре и обняла её, как будто хотела от чего-то удержать и защитить. Как будто отняла её... Впрочем, кто поймёт этих женщин, особенно из другого времени.

Затем они обе, как в синхронном плавании, возникли около него, поцеловали как по команде и прошептали: - *Не забудь двух стрекоз, которым ты сегодня помог.*

Затем они обе оказались на коне и... исчезли. Просто исчезли - и всё. И что это было? Случайные ассоциации?

Андрей стоял около своего байка, поющего монотонную песню, понимая, что последняя песчинка в часах упала сквозь узкое горлышко в другую половинку,

и что временной пузырь на реке времени лопнул. Он взглянул на небо. Сияло солнце. И ни одной звезды. Да и откуда им взяться светлым днём. И Андрей, свернув на нужную тропку, уехал к себе на дачу.

* * *

Андрей остановил своего форда у деревеньки. Дальше дороги не было. Полина сказала, что она не потащится на реку за километр по жаре. И искупается на обратном пути, там, где купаются все нормальные люди, а не перезревшие романтики.

- Я лучше в деревне молока хорошего, настоящего куплю. Надеюсь здесь, в этой глуши, ещё сохранились коровы. Да, если попадётся синий романовский лук, взять? Ты ведь любишь?

- Возьми, конечно. Под "Хенесси" он хорошо идёт. Лучше лимона, - пробормотал Андрей. - Ты иди, а я недолго, только искупаюсь да дойду до старой церкви. Кажется, её хотят ремонтировать. А у меня как раз студенты-практиканты, пусть поработают.

- Да тебе-то какое дело до этого. Где эта церковь? И где мы?

- Ну, не знаю. Я всё-таки историк в прошлом. Ностальгия или атавизм, в общем.

- Как знаешь...

Она ему вообще-то редко перечила, убедившись за много лет, что дело это бессмысленное. Взяв из

багажника сумку с баллоном для молока, она не торопясь пошла в сторону деревни. Походка у неё была почти девичья, хотя и родила она двоих детей и слегка пополнела. И её сестра, Настя, иногда за глаза называла её «мой пончик».

Андрей, включив сигнализацию, тоже не торопясь, пошёл по тропинке и, увидев за холмом купола старой церкви, свернул в ту сторону.

Храм был в полуразрушенном состоянии, но радовало то, что рядом стоял грузовик, из которого два лохматых мужика сгружали толстые сосновые доски, от которых пахло смолой. Неподалёку стоял батюшка в рясе, из-под которой чуть-чуть выглядывали джинсы, и наблюдал за работой.

Андрей подошёл, поздоровался, назвал себя и сказал, что группа студентов готова безвозмездно помочь на подсобных работах.

Батюшка оживился: *- Работы невпроворот, а рабочих рук нет, а дальше тянуть некуда. Скоро здесь нечего будет ремонтировать. А храм-то чудный...*

- Хорошо, батюшка. Завтра они приедут, да и я с ними, и две недели они в вашем распоряжении. Ну, а я буду приезжать для контроля.

Андрей вытащил из кармана пачку «Давидофф» и начал искать зажигалку или спички, но не нашёл ни того, ни другого.

Батюшка, желая услужить, запустил руку куда-то под рясу, покопался там и протянул ему зажигалку.

- Сами-то курите, батюшка? - спросил он, не зная, предложить ему сигарету или нет.

- Что вы, Господь с вами. Хотя иногда, знаете ли, хочется. Раньше курил.

- А кем были в миру?

- Офицером. В Чечне воевал. Ранили меня там, думал, что не выживу, но Бог спас - помог врачам.

Андрей затянулся сигаретой и протянул зажигалку... и тут его как током ударило!

- Откуда она у вас? - торопливо спросил он у священника.

- Да сегодня нашёл на брёвнышке, кто-то, видно, потерял. Красивая, дорогая, наверное. Может, вам пригодится, возьмите себе.

Андрей ошеломлённо молчал, не зная, что сказать. Зажигалка была та самая, что он подарил здешнему священнику давным-давно. Почти 140 лет назад, 20-го июня. В день, когда поспевает первая земляника.

Быстро распрощавшись с батюшкой, Андрей почти побежал в сторону холма, за которым по его расчётам и должна была находиться усадьба, где он когда-то - или вчера - видел большой белый дом, где беседовал с генералом Ланским, и где, кажется, влюбился с первого взгляда в его старшую дочь.

- Господи! Я бы всё отдал за случайную встречу с Анастасией. Господи! Пусть воскреснет тот день!

С трудом дыша, Андрей добежал до старой берё-

зовой рощи и вышел на большую поляну, где ещё вчера он видел помещичий дом, и где Бог дал ему минуту счастья и любви. Но не увидел там ничего. Ровно ничего. Только множество полевых цветов, над которыми кружились разноцветные бабочки да пчёлы.

Он стоял, растерянно оглядываясь по сторонам, понимая, что надежды на повторение звёздного дня нет. Как жаль. Но счастье не может длиться долго. Оно мимолётно - это он усвоил за свою жизнь прочно.

Уже уходя, Андрей заметил под ромашкой на высоченном стебле, растущем в самом центре поляны, двух голубых стрекоз, которые делали невероятные воздушные пируэты, как будто хотели привлечь к себе его внимание. *«Может, те самые, с которых вчера начался день»*, - улыбнулся он, и на душе у него стало легче.

Стрекозы неожиданно подлетели совсем близко к Андрею и сели ему на плечи - одна на правое, другая на левое - и он, по-детски рассмеявшись, сказал: - *Привет, сёстры. Я знаю, что это вы. Спасибо, что прилетели.*

Стрекозы взлетели также внезапно и синхронно, покружились над его головой, а одна, как ему показалось, задела крыльями его волосы. Как будто погладила. А затем они улетели. И он их больше не видел.

- *Что ж, завтра я вернусь сюда, и хоть немного помогу воскресению храма. И себе тоже. Здесь каждый цветок будет напоминать мне об Анастасии.*

Воскресшей. И кто знает, может, река времени опять когда-нибудь сведёт нас вместе, хотя бы на минуту. Или на всю жизнь.

Когда Андрей вернулся к машине, Полина уже ждала его.

- Ну, ты готов? - спросила она, уложив в багажник баллон с молоком и сумку с любимым им романовским луком. - Поехали, а то Анастасия с мужем ждали на даче.

- Анастасия, - поправил я её и включил зажигание.

Конец

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

С автором романа Симоновым Альфредом Николаевичем я познакомился на дне рождения Евгения Феликсовича Чеканова в 2006 году. Он произвёл на меня впечатление человека, уверенного в себе, прошедшего большую школу офицерской жизни. Умные глаза пронизательны и чутки, голос мужественный, негромкий, привычный к тому, чтобы его слушали и слышали. Наличие неординарного интеллекта проявлялось в его сдержанном поведении, в ненавязчивом общении с окружающими.

На том дне рождения и договорились порешать вопрос об издании этого романа. И вот в середине февраля я прочитал рукопись, передал её литературному консультанту издательства и с удовольствием убедился, что не ошибся в своём заключении взять роман в издание.

Не обсуждая и не раскрывая сути романа, скажу, что он растрожил во мне сокровенные струны человека, двадцать шесть лет своей жизни проходившего с погонями на плечах. В романе я увидел своего однополчанина, причём не столько как военного человека, как просто человека, обуреваемого самым святым чувством к женщине, как человека, который ищет эту единственную и неповторимую, который ошибается, разочаровывается, вновь влюбляется и, наконец, находит её.

Говорить о литературно-художественных достоинствах произведения - не моё дело, но по пятилетнему опыту работы в издательстве скажу, что этот роман я читал с удовольствием и очень спешил к развязке, что говорит о моём интересе к книге.

Олег Гонозов, издававший у меня двумя книгами, как-то сказал в статье об издателях, что, мол, на наш (издательский) век графоманов хватит. Уверенно заявляю, что к данному роману эта сентенция уважаемого мною журналиста отношения не имеет.

В журнале "Русский путь на рубеже веков" выходит ещё два произведения Альфреда Николаевича - "Привкус свободы" и "Включённый микрофон". А мы желаем доброго пути роману "Имя на запотевшем стекле" и повести "Светские беседы на пленэре"!

Виктор САМОЗНАЕВ

член-корреспондент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка

**Автор
сердечно
благодарит
за
моральную
и
финансовую
поддержку
издания
этого
романа
директора**

**ЦЕНТРА
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ
“ЯРТЕК”**

**КРАСИЛЬНИКОВА
Бориса
Александровича**

В издательстве «Ещё не поздно!»

вышли в свет:

«Чёрный жемчуг», «Ладанка», «На одной струне», «Соловьиная роща»
Леонид Королёв

«Поэтическая лира», «Величие музыки»

Олег Березин

«Поэтический катамаран»

Евгений Гусев, Виктор Самознаев

«Если бы только он знал»

Гэри Смолли

«Русь в петле»

Геннадий Некрасов

«Царицынское подземелье»

Г. Миротлюбов

Повести. «Белое слово».

Елена Обухова

«Польвинный цвет»

Татьяна Галиц

«Я так вижу»

Борис Холмовский

«Уголок России-3»

Геннадий Самсонков

«Руководство администратора»

Алексей Паутов

«Домашняя Эммануэль», «Детские забавы минувшего века»

Олег Гонозов

«Мой БОГ», «Жене юности моей», «Стушки», «Женщине, не встреченной ещё», «Дыхание любви», «Плчующая душа»

Виктор Самознаев

«Нарисовать грозу»

Сергей Ковалёв

«Мы талантливы. Точка RU»

Два выпуска. Составитель Елена Рындина

«Эйфоризмы» и «Евгенизмы», «Между Да и Нет»

Евгений Капитанов

«Окно в природу», «Прогулки»

Инна Полещук

Иван Грозный (4 тома), «Бомариша», Ярослав Мудрый, «Скитания»,
«Совесть», «Отпуск», «Ожидание»

Валерий Есенков

«Служенье муз» Альманах ярославской поэзии

Сонеты Константина Васильева, Собор Васильевской поэзии

Составитель В. Самознаев

- «Естествознание» учебное пособие**
 Стихи Фираиль Мамедов
«Ах, почему?» Игорь Титов
Парламентские слушания
 Я. Полянский
«Я ещё проживу»
 Ирина Баринова
«Без веры нет вперёд пути»
 Б. Бобылёв
Сказка Георгий Рахманин
«Алёнка»
 Александр Богатырёв
Творческий Ярославль Два выпуска.
 Е. Гусев, В. Самознаев
«Катамаран печали»
 Мира и Сима Зовские
«Горячая бумага», «Золотые подпалыны»
 Евгений Чеканов
«Тень манкурта»
 Александр Ноздрачёв
Как избежать стихийных бедствий?
 Игорь Коротков
«Боль и надежда»
 Алексей Будников
«Страсть души»
 Александр Серов
«Звёзды Героев на улицах Ярославля»
 Вениамин Попов
«Электронные деньги»
 Владимир Филатов
«Происхождение жизни в нашей Галактике»
 Юрий Казачков
«Опиум», «Оторопь и дрожь»
 Нина Дементьева
«Исследователь», «Вкус росы», «Образование, наука и техника»
 Олег Яворук
«Сон и явь»
 Любовь Лапкина
«Соц. и гос. проблемы общества»
 Лев Размолодин
«Соловки - Вторая Голгофа»
 Блаженный Иоани
«По дороге к Тебе»
 Борис Курочкин

«Почти обычные истории»
Александр Чернов
«Имя на запотевшем стекле»
Альфред Симонов

ПОДГОТОВЛЕННЫ К ВЫПУСКУ И ЖДУТ СВОИХ ИНВЕСТИТОРОВ:

Поэма "Синтрапель"
Ирины Тарасовой-Самознаевой
Серия брошюр «Электронные деньги»
Владимира Филатова
"Апостол ярославского бизнеса"
Книга о Вадиме Бурмистрове

Драгоценные инвесторы!

*Ваши пожелания о финансировании выпуска вышеперечисленных изданий
направляйте Виктору Николаевичу
т. (4852) 72-72-16 ф. (4852) 74-44-37*

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ
ТВОРЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО!»**

**П Р И Г Л А Ш А Е Т
К СОТРУДНИЧЕСТВУ**

*писателей,
поэтов,
учёных,
художников,
музыкантов.*

**Всех, в ком горит огонь
ТВОРЧЕСТВА.**

**МЫ ИЗДАДИМ
САМЫЕ СМЕЛЫЕ ВАШИ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**Россия, Ярославль, ул. Володарского 103-311
(4852) 72-72-16 факс, 74-44-37
(Виктор Николаевич)**

Об авторе

СИМОНОВ Альфред Николаевич родился в 1947 году в городе Рыбинске, Ярославской области.

После окончания в 1970 году историко-филологического факультета Ярославского Государственного Педагогического института имени К. Д. Ушинского был принят на службу в органы государственной безопасности, где проработал на различных должностях до 1994 года.

Воинское звание полковник.

В 1993 году был избран председателем Совета народных депутатов Кировского района города Ярославля, затем работал заместителем главы администрации этого района.

В 1997 году был приглашён на должность первого заместителя управления налоговой полиции города Ярославля.

После ухода в отставку работает директором по безопасности ОАО "Яртехуглерод".

Активно занимается политической деятельностью, являясь руководителем общественной приёмной в Ярославской области полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе.

Издаваться начал ещё в студенческие годы. Стихи и публицистические статьи, а также рассказы печатались в различных периодических изданиях и коллективных сборниках города Ярославля.

В 2004-2005 годах опубликовал в журнале "Русский путь на рубеже веков" художественную прозу "Светлое прошлое" и "ФАЭТОН".

Литературно-художественное издание
Альфред Николаевич Симонов
ИМЯ НА ЗАПОТЕВШЕМ СТЕКЛЕ
РОМАН
СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ НА ПЛЕНЭРЕ
ПОВЕСТЬ

Редактор **Р. Ветров**
Компьютерный набор **Н. Малкова**
Корректор **О. Ишинкина**
Вёрстка **О. Тишина**
Дизайн обложки **В. Теплов**

ISBN 5-91065-014-9 (ООО НТЦ "Рубеж")

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ "ДЕБЮТ"

Заказ №7707
Сдано в печать 23.3.07г.
Подписано в печать 20.3.07г.
Формат 84х108 1/32
Тираж 200экз.

Отпечатано в ООО НТЦ "Рубеж"
Россия, 150040, г. Ярославль,
Ул. Володарского 103, оф. 311
т. (4852) 74-44-37, 72-72-16ф.
8-962-201-80-32
Виктору Николаевичу

СИМОНОВ
Альфред Николаевич

Родился 19 февраля 1947 года в городе Рыбинске Ярославской области.

Учился в Рыбинском авиационном техникуме, Ярославском педагогическом институте имени К. Д. Ушинского.

В 1970 году ушёл служить в органы Государственной безопасности.

В девяностые и последующие годы работал в административных органах.

Публиковался в коллективных сборниках и периодической печати.

Эта книга - дебют Альфреда Николаевича.

РУБЕЖ

Издательство "Ещё не поздно!"
ООО НТЦ "Рубеж"
150040, г. Ярославль, ул. Володарского,
д. 103, офис 311
т./ф.: (4852) 72-72-16, 74-44-37
www.rubezh.yaroslavl.ru,
e-mail: rubezh@yaroslavl.ru
Виктор Николаевич, тел.: 8-962-201-80-32

В издательстве «Ещё не поздно!»

вышли в свет:

«Чёрный жемчуг», «Ладанка», «На одной струне», «Соловьиная роща»
Леонид Королёв

«Поэтическая лира», «Величие музыки»

Олег Березин

«Поэтический катамаран»

Евгений Гусев, Виктор Самознаев

«Если бы только он знал»

Гэри Смолли

«Русь в петле»

Геннадий Некрасов

«Царицынское подземелье»

Г. Миротлюбов

Повести. «Белое слово».

Елена Обухова

«Польвинный цвет»

Татьяна Галиц

«Я так вижу»

Борис Холмовский

«Уголок России-3»

Геннадий Самсонков

«Руководство администратора»

Алексей Паутов

«Домашняя Эммануэль», «Детские забавы минувшего века»

Олег Гонозов

«Мой БОГ», «Жене юности моей», «Стушки», «Женщине, не встреченной ещё», «Дыхание любви», «Плчующая душа»

Виктор Самознаев

«Нарисовать грозу»

Сергей Ковалёв

«Мы талантливы. Точка RU»

Два выпуска. Составитель Елена Рындина

«Эйфоризмы» и «Евгенизмы», «Между Да и Нет»

Евгений Капитанов

«Окно в природу», «Прогулки»

Инна Полещук

Иван Грозный (4 тома), «Бомариша», Ярослав Мудрый, «Скитания»,
«Совесть», «Отпуск», «Ожидание»

Валерий Есенков

«Служенье муз» Альманах ярославской поэзии

Сонеты Константина Васильева, Собор Васильевской поэзии

Составитель В. Самознаев